МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 12 № 3 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 12 № 3 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, доцент, Курская государственная сельскохозяйственная академия (г. Курск, Россия)
Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен О. А. Леоновой

Подписано в печать 28.06.2022.
Дата выхода в свет 20.07.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 27,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 31.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)
Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)
Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)
Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)
Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)
Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)
Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy (Kursk, Russia)
Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)
Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: O. A. Leonova

Sent to the printer 28.06.2022.
Release 20.07.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27,0.
Circulation 1000 copies. Order 31.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 10

Оригинальные статьи

Отсутствие государственного языка в СССР как предпосылка «парада государственных языков» в союзных республиках 10

Караман А. А.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 26

Оригинальные статьи

Исключительное право и проблемы коммерческого использования произведений 26

Леонтьев К. Б.

Становление и развитие института сервитутов в России и Вьетнаме: проблемы рецепции и толкования 36

Нгуен Т. Х.

Проблемы продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании 51

Пономарев Д. А.

Принцип приоритетного соблюдения прав авторов и баланс интересов участников гражданских правоотношений 61

Козлова М. В.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО 70

Оригинальные статьи

Судимость как признак составов отдельных преступлений 70

Огарь Т. А., Кокин Д. М.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – субъективное право или законный интерес осуждённого? 83

Кобзева Е. В.

Проблемные аспекты допроса лиц, ведущих расследование 94

Чистилина Д. О.

Глобальные проблемы современности как угроза экологической безопасности России 106

Кузнецова Н. И.

ПОЛИТОЛОГИЯ 116

Оригинальные статьи

Размещение систем ПРО США в АТР как угроза безопасности стран региона 116

Кузьмина В. М.

Постталибский Афганистан и его отношения с Россией 128

Бахадари Абдул Фарук

ЮАР и БРИКС: политические и экономические аспекты сотрудничества при администрации Джейкоба Зумы 141

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди

Внешние связи субнациональных регионов унитарных стран в ЕС: основные тенденции 153

Поваляшко Е. С.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 167

Оригинальные статьи

Петр Иванович Поляков – основатель трезвенного движения в России в конце XIX – начале XX века 167
Горюшкина Н. Е.

«Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы.....177
Апанасенок А. В., Пудякова И. С.

Особенности развития землевладения в России в начале XX века.....191
Колупаев А. А.

Жилищно-бытовые проблемы населения Казахстана в послевоенные годы (на материалах Актюбинской области).....201
Хисамутдинова Р. Р., Мухамбетгалиева А. К.

Высшее музыкальное образование в России во второй половине XIX – начале XX века: проблемы кадрового обеспечения учебных заведений.....211
Суетин И. Н., Ерёмина А. И.

Становление гостиничного дела в петровской России (1700–1725 годы).....222
Горюшкина Н. Е., Волобуев В. В.

К сведению авторов 232

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW 10

Original article

The Absence of a State Language in the USSR as a Prerequisite for the "Parade of State Languages" in the Union Republics 10

Karaman A. A.

CIVIL LAW 26

Original article

The Exclusive Right and the Problems of Commercial Exploitation of Works 26

Leontev K. B.

Formation and Development of the Institute of Easements in Russia and Vietnam: Problems of Reception and Interpretation 36

Nguyen T. H.

Problems of the Continuation of Family Entrepreneurship in Inheritance 51

Ponomarev D. A.

Principle of Priority Observance of the Rights of Authors and Balance of Interests of Parties to Civil Legal Relations 61

Kozlova M. V.

CRIMINAL LAW 70

Original article

Previous Conviction as a Sign of the Corpus Delicti of Certain Crimes 70

Ogar T. A., Kokin D. M.

Conditional Early Release from Serving a Sentence – a Subjective Right or a Legitimate Interest of the Convicted Person? 83

Kobzeva E. V.

Problematic Aspects of the Interrogation of Persons Conducting the Investigation 94

Chistilina D. O.

Global Problems of our Time as a Threat to Russia's Environmental Security 106

Kuznetsova N. I.

POLITICAL SCIENCES 116

Original article

Deployment of US Missile Defense Systems in the Asia-Pacific Region as a Threat to the Security of the Countries of the Region 116

Kuzmina V. M.

Post-Taliban Afghanistan and Its Relations with Russia 128

Abdul Farooq Bahadari

South Africa and BRICS: political and economic aspects of cooperation under the Jacob Zuma administration 141

Agonnoude Bidoley Vianney Freddy

External Relations of Unitary Countries Subnational Regions in the EU: Main Trends 153

Povalyashko E. S.

HISTORICAL SCIENCES 167

Original article

Pyotr Ivanovich Polyakov Was the Founder of the Sober Movement in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries 167

Goryushkina N. E.

"Write it Down in the Book, I'm Not Afraid": the Rite of Orthodox Baptism and Soviet Culture in the 1940s – 1980s. 177

Apanasenok A. V., Pudyakova I. S.

Features of the Development of Land Ownership in Russia at the Beginning of the XX Century 191

Kolupaev A. A.

Housing and Everyday Problems of the Population of Kazakhstan in the Post-war Years (Based on the Materials of the Aktobe Region) 201

Khisamutdinova R. R., Mukhambetgalieva A. K.

Higher Musical Education in Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Century: Problems of Personnel Support of Educational Institutions 211

Suetin I. N., Eremina A. I.

The Establishment of the Hotel Business in Peter's Russia (1704–1725) 222

Goryushkina N. E., Volobuyev V. V.

Information for authors 232

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-10-25

CC BY 4.0

Отсутствие государственного языка в СССР как предпосылка «парада государственных языков» в союзных республиках

А. А. Караман[1] ✉

[1] Международная Славянская академия
проспект Вернадского 29, г. Москва 119331, Российская Федерация

✉ e-mail: alexman-k@mail.ru

Резюме

Актуальность *настоящего исследования обусловлена тем, что даже спустя тридцать лет после разрушения СССР не прекращаются дискуссии вокруг причин разрушения страны. Обращаясь к данной тематике, большинство исследователей, как правило, останавливаются на так называемом августовском путче или на Беловежском соглашении либо объединяют вместе эти два события. В действительности процесс разрушения СССР состоит из целого ряда промежуточных и последовательных событий, каждый из которых сыграл определённую роль и без каждого из которых разрушение СССР могло и не случиться.*

Одним из таких недостаточно исследованных событий стал так называемый «парад государственных языков».

Целью исследования *является анализ теоретических подходов к проблематике статуса государственного языка, научных статей и публикаций, нормативных актов, конкретных событий в истории нашего государства, которые сделали возможным наступление «парада государственных языков», который затем приведёт к «параду суверенитетов».*

Задача исследования *состоит в установлении закономерностей этих событий и их взаимосвязи с отсутствием конституционной нормы о государственном языке.*

Методология. *В ходе исследования использованы общенаучные методы исследования, системный, анализа и синтеза, индукции и дедукции, ретроспективно-исторический, а также сравнительно-правовой.*

Результаты. *В результате исследования была доказана прямая связь между отсутствием конституционно закреплённого статуса русского языка в Конституции СССР и началом так называемого «парада государственных языков» в республиках Прибалтики, затем в Молдавской ССР и других республиках, в результате чего носители русского языка в национальных республиках оказались людьми, ограниченными в правах и свободах.*

Вывод. *По итогам исследования автор пришёл к выводу, что отсутствие конституционно закреплённого статуса русского языка в качестве государственного позволило запустить «Парад государственных языков» в ряде союзных республик, что, в свою очередь, привело к запуску процесса межязыкового и межнационального разобщения в отдельных республиках, а затем и к так называемому «параду суверенитетов».*

Ключевые слова: *государственный язык; законы о языках; «коренные»; «русскоязычные».*

© Караман А. А., 2022

***Конфликт интересов**: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Караман А. А. Отсутствие государственного языка в СССР как предпосылка «парада государственных языков» в союзных республиках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 10–25. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-10-25.

Поступила в редакцию 25.03.2022 Принята к публикации 26.05.2022 Опубликована 28.06.2022

The Absence of a State Language in the USSR as a Prerequisite for the "Parade of State Languages" in the Union Republics

Alexander A. Karaman[1] ✉

[1]International Slavic Academy
29 Vernadskogo Ave., Moscow 119331, Russian Federation

✉ e-mail: alexman-k@mail.ru

Abstract

***The relevance** of this study is due to the fact that, even thirty years after the destruction of the USSR, discussions around the causes of the destruction of the country do not stop. Turning to this topic, most researchers, as a rule, focus on the so-called August putsch or the Belovezhskaya Agreement, or combine these two events together. In fact, the process of the destruction of the USSR consists of a number of intermediate and successive events, each of which played a certain role and, without each of which, the destruction of the USSR could not have happened.*

One of such insufficiently researched events was the so-called "parade of state languages".

The object and subject of the study are social relations and legal relations, theoretical sources, the activities of authorities to regulate these relations and legal norms related to the problem of the status of the state language in different periods of the history of the state – before and after the October Revolution, from the creation of the USSR Union to the beginning of its destruction.

***The purpose** of the study is to analyze theoretical approaches to the problems of the status of the state language, scientific articles and publications, regulations, specific events in the history of our state that made possible the onset of the "parade of state languages", which, then, will lead to the "parade of sovereignties".*

***The objectives** of the study is to establish the patterns of these events and their relationship with the absence of a constitutional norm on the state language.*

***Methodology.** The research uses general scientific methods of research, system, analysis and synthesis, induction and deduction, retrospective-historical, as well as comparative-legal.*

***Results.** As a result of the study, a direct connection was proved between the absence of a constitutionally fixed status of the Russian language in the Constitution of the USSR and the beginning of the so-called "Parade of state Languages" in the Baltic republics, then in the Moldavian SSR and other republics, as a result of which native speakers of Russian in national republics turned out to be people with limited rights and freedoms.*

***Conclusions.** According to the results of the study, the author came to the conclusion that the absence of a constitutionally fixed status of the Russian language as the state language allowed the launch of a "Parade of state languages" in a number of Union Republics, which, in turn, led to the launch of the process of interlanguage and interethnic separation in individual republics, and then to the so-called "the parade of sovereignties."*

***Keywords:** state language; laws on languages; "indigenous"; "Russian-speaking".*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

***For citation:** Karaman A. A. The Absence of a State Language in the USSR as a Prerequisite for the "Parade of State Languages" in the Union Republics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 10–25. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-10-25.

Received 25.03.2022 Accepted 26.05.2022 Published 28.06.2022

Введение

Общеизвестно, что язык – это не просто средство коммуникации. Язык представляет собой выработанное веками достояние каждого народа, которое тесно взаимосвязано со всей историей носителей данного языка. Такая идея заложена и в определении понятия языка как «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [1, с. 731]

Язык и форма его письменного применения фактически являются определяющими при отнесении того или иного народа к тому или иному цивилизационному пространству. Лишить тот или иной народ своего языка – значит лишить его истории, лишить его культуры, традиций, вообще всех культурных и исторических ценностей.

С момента зарождения государств язык стал одним из атрибутов государства. В конституциях большого количества стран мира содержится норма, устанавливающая, наряду с другими символами или атрибутами государства (флаг, герб, гимн), и государственный или официальный язык.

Следует согласиться с А. А. Жидикиным, который утверждает, что «в каждом государстве исторически складывалась своя специфическая обстановка, определявшая установление того или иного языка в качестве государственного или официального. В конституциях большинства стран Латинской Америки фигурирует термин "официальный" язык», под которым подразумевается государственный язык. Статус официальных языков закреплён за языками многих аборигенных народов в конституциях Намибии, Лесото и других африканских стран [2].

Естественно, что законодательное или конституционное закрепление статуса того или иного языка (языков) не является индульгенцией или гарантией бесконфликтного развития межнациональных отношений на территории того или иного государства. Например, в Республике Кипр, где существуют две основные общины (греческая и турецкая), потребовалось специальное урегулирование на конституционном уровне вопроса об использовании языков в деятельности органов государства. Следует напомнить, что Кипр, входивший в состав английских колониальных владений, получил независимость 16 августа 1960 г. Статья 3 Конституции Республики Кипр 1960 г. определяет, что «официальными языками Республики являются греческий и турецкий»[1].

Такая норма Конституции не устранила острые противоречия между общинами, и Турция под предлогом защиты конституционных прав турок-киприотов ввела на остров свои войска, заняв почти треть территории Республики Кипр. Около 170 тыс. греков-киприотов были вынуждены покинуть места своего проживания в северной части Кипра, куда тут же переселились проживавшие на юге турки-киприоты. Таким образом, был создан моноэтнический турецкий ареал на территории Кипра.

После этого 13 февраля 1975 г. руководство турецкой общины провозгласило в одностороннем порядке в северной части острова так называемое «Турецкое федеративное государство Кипр», а 15 ноября 1983 г. законодательная ассамблея «Турецкого федеративного государства Кипр» провозгласила в одностороннем порядке так называемое независимое турецко-кипрское государство – Турецкую Республику Северного Кипра.

[1] Конституция Республики Кипр 1960 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма, 2001. Т. 2. С. 211–212.

Особенностью Канады также является тот фактор, что исторически на её территории всегда сосуществовали две нации, основавшие государство – англичане и французы. Однако в провинции Квебек, где франкоязычное население составляет 80% всего населения провинции, всегда шла борьба за сохранение своей культурно-языковой целостности. Конституционный акт Канады 1982 г. включает в себя Хартию прав и свобод (ст. 1–34). В ст. 16, п. 1 установлено: «Английский и французский языки являются официальными языками Канады; они имеют одинаковый статус и равные права и привилегии в том, что касается их использования в парламентских и правительственных органах Канады» [3, с. 203].

Удивительным или парадоксальным является тот факт, что самое большое и многонациональное государство в мире – Союз Советских Социалистических Республик с момента своего образования и до момента его разрушения не имел конституционно установленного государственного языка. В то же время с 1 февраля 1946 г., согласно принятой резолюции, русский язык получил статус одного из официальных языков ООН[1].

Языковой вопрос стал первым пробным камнем, о который споткнулось, казалось бы, нерушимое многонациональное единство бывшего Советского Союза. Как такое стало возможным?

Методология

В ходе исследования использованы общенаучные методы: системный, анализа и синтеза, индукции и дедукции, ретроспективно-исторический, а также сравнительно-правовой.

Системный подход к исследованию позволил рассмотреть объект и предмет исследования как одни из элементов в совокупности отношений и связей с другими элементами, в частности с конституционными правами и свободами человека, суверенитетом государства, находящихся в целесообразных отношениях друг с другом.

Ретроспективно-исторический метод исследования позволил рассмотреть общественные отношения и правоотношения, теоретические источники, деятельность органов власти по регулированию этих отношений и правовые нормы, связанные с проблемой статуса государственного языка в разных периодах истории государства – до и после Октябрьской революции, от создания Союза СССР до начала его разрушения.

Сравнительно-правовой метод исследования позволил исследовать и сравнить подход к объекту исследования в Российской империи, в начале создания Союза ССР и на его закате.

Методы анализа и синтеза, индукции и дедукции позволили сделать вывод о прямом влиянии политических и теоретических взглядов В. И. Ленина в отношении мировой революции, права наций и народов на самоопределение, отношения к государственному языку на последующее развитие событий вокруг объекта и предмета исследования в Советском Союзе.

Результаты и их обсуждение

В результате исследования была доказана прямая связь между отсутствием конституционно закреплённого статуса русского языка в Конституции СССР и началом так называемого «парада государственных языков» в республиках Прибалтики, затем в Молдавской ССР и других республиках, в результате чего носители русского языка в национальных республиках оказались людьми, ограниченными в правах и свободах.

[1] Правила процедуры Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/ga/about/garules/index.shtml (дата обращения: 28.10.2021).

Ленинский подход к проблеме государственного языка

На обломках и руинах крупнейшего и богатейшего, одного из самых интенсивно развивающихся государств мира была построена новая страна – первое в мире социалистическое государство. Последователи В. И. Ленина сделали невозможное – ценой неимоверных усилий и потерь вытянули страну из разрухи и нищеты и превратили её в страну с лучшими системами образования, здравоохранения и социальной защиты, вновь вернули стране статус промышленной и сельскохозяйственной державы.

Но над ними всегда довлели идеи В. И. Ленина, в том числе в вопросах государственного устройства, межнациональных отношений и государственного языка, против которого всегда выступал В. И. Ленин.

Прежде чем обратиться к В. И. Ленину, следует обратить внимание на подход к проблеме государственного языка в Российской империи: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами»[1].

Вполне демократичные нормы – определена сфера применения обязательного общегосударственного языка, каким устанавливался русский язык, а порядок и сфера применения местных языков и наречий должны были регулироваться особыми законами.

О важности того, что в Своде был установлен правовой статус русского языка как общегосударственного, пишет в своей статье и М. В. Орешкина [4].

В. И. Ленин был противником не только бывшей Российской империи, власть в которой досталась большевикам, он был противником государственной власти вообще, что потом нашло воплощение в ст. 9 основного нормативного акта страны: «Основная задача, …заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства… и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»[2].

Однако В. И. Ленин, будучи ярым противником государственной власти вообще, выступал и против обязательного государственного языка, о чём он писал в ряде своих статей и программных документов. Так, летом 1913 г. он писал: «…возможен национальный мир в капиталистическом обществе… лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка…» [5].

В конце 1913 г., в целой серии статей, объединённых в блок под названием «Критические заметки по национальному вопросу», он вновь обрушится с критикой на либералов, вновь напишет о недопустимости государственного языка, в частности русского [6].

В. И. Ленин считал такие заявления логикой навыворот, при этом он приводил в качестве примера маленькую Швейцарию, в которой не было ни одного общегосударственного языка. Как известно, в Швейцарии были и есть три государственных языка: немецкий, фран-

[1] Свод основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 года // Основные Законы Российской империи. Часть первая. URL: http://www.virtus-et-gloria.com/Laws.aspx?text=Chapter01 (дата обращения: 10.09.2021).

[2] Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: [принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года] // Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1987. С. 238–261.

цузский и итальянский. В. И. Ленин писал, что национальная программа рабочей демократии не предусматривает никаких привилегий ни одной нации и ни одному языку. В то же время в настоящей работе он уже пишет о решении вопроса о политическом самоопределении наций как об отделении от государства.

В следующей статье, так же хлёстко, по-ленински, он вновь обрушится на либералов и демократов из-за их видения о необходимости введения института государственного языка [7].

Ещё более удивительным кажется негативизм В. И. Ленина в отношении возможности придания русскому языку статуса общегосударственного, когда об этом говорит даже не какой-то великоросс, а самый что ни есть армянин С. Г. Шаумян, которому В. И. Ленин жёстко ответит: «Вы за государственный язык в России. …Нет, абсолютно не согласен с Вами и обвиняю Вас в королевско-прусском социализме» [8].

Полемизируя с С. Г. Шаумяном, В. И. Ленин считал, что русский язык в качестве государственного станет палкой, которая будет отбивать остальные народы от русского языка. Он утверждал, что единый государственный язык «поганит и пакостит» безусловное прогрессивное значение необходимости централизации больших государств.

Можно привести ещё ряд таких его высказываний, которые ничего не изменят в его подходе к русскому языку как к общегосударственному. Так, в очередной статье В. И. Ленин вновь резко критикует позиции либералов, которые с точки зрения государственного строительства и права государственного управления не вызывают сомнений. Например, либералы были убеждены, что Россия может оставаться единой и неделимой только при условии, что одним из факторов такого единения будет русский язык как общегосударственный.

В. И. Ленин как будущий вождь несостоявшейся мировой революции, ярый противник конституционализма, пришедший к власти в результате вооружённого восстания и установления диктатуры пролетариата, не мог соглашаться с такими крамольными либеральными взглядами. Поэтому он пишет: «Мы не хотим только одного: элемента принудительности, мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо сколько красивых фраз о "культуре" вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжён с принуждением, вколачиванием» [9].

На тот острый характер политической дискуссии вокруг необходимости государственного русского языка, который имел место между двумя русскими революциями, обратил внимание и В. В. Фадеев [10, с. 10].

Не секрет, что В. И. Ленин всеми фибрами своей души был против государственности Российской империи и сделал всё для того, чтобы её разрушить. И надо признать, что ему это в полной мере удалось.

Жёстко добиваясь внедрения в жизнь своих принципов, В. И. Ленин добился того, что в акте об образовании Союза ССР не было статьи о едином государственном языке на территории СССР. Только в ст. 14 устанавливалось, что «декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Союза печатаются на языках, общеупотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркский)»[1]. И ни слова о том, на каком языке осуществляют свою деятельность союзные органы власти, на каком языке ведутся переговоры с иностранными государствами, на

[1] Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик: [принят конференцией полномочных делегаций от РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР 29 декабря 1922 г.: утв. I съездом Советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г.] // Известия ВЦИК. 1922 г. № 293.

каком языке заключаются международные договоры и т. д.

Закрепление в СССР ленинского принципа о недопустимости насаждения обязательного государственного языка привело к тому, что в национальных республиках практически не знали русского языка. Такое положение дел привело к неудовлетворительному положению с профессиональным обучением и подготовкой молодёжи к военной службе.

Тем не менее высшее партийное и советское руководство не могло переступить через нормы Конституции, которая не предусматривала государственного языка в стране. Выход был найден в принятии специального нормативного акта, которым вводилось обязательное изучение русского языка в школах национальных республик и областей[1].

Нет никаких сомнений, что и до 1917 г. в национальных окраинах не знали или плохо знали русский язык. Но также нет никаких сомнений, что придание русскому языку статуса государственного с введением его обязательного изучения в национальных школах значительно повысило бы уровень и качество его знания.

Даже после кончины В. И. Ленина ни в одной из редакций Конституции (Основного Закона) СССР не была введена норма о едином государственном языке. Почему это не было сделано – можно только предполагать. Представляется, что вопрос межнациональных отношений и пролетарского интернационализма в СССР вообще не вызывал каких-либо тревог, опасений или сомнений. Поэтому в новых редакциях Конституции (Основного Закона) СССР не вводились нормы об обязательном государственном языке. Несомненно, что также представлялся немыслимым пересмотр или ревизия основных ленинских принципов государственного строительства.

Более того, не вызывало никаких сомнений, что в ближайшее время вообще исчезнут какие-либо границы между нациями. «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность – советский народ. …Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества»[2].

Перестройка и языковые проблемы

Выше был приведен целый ряд статей В. И. Ленина, в которых он категорически выступал против государственного языка вообще, тем более русского, поскольку он считал такие действия принуждением и вколачиванием. Но ведь ровно по такому пути, под флагом перестройки, пошли во всех союзных республиках, принимая свои законы о государственных языках, принуждая и вколачивая в качестве государственного язык титульной нации, которая составляла далеко не большинство во всех союзных республиках. Ведь при этом в угнетённом состоянии сразу оказались нетитульные народы и национальности, в том числе русскоязычные.

Несомненно, национальные элиты республик Прибалтики получили косвенное согласие на свои действия на запуск «парада государственных языков» в выступлении М. С. Горбачёва на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, в ходе которого он делился своими впечатлениями о своей поездке в феврале 1987 г. в Латвию и Эстонию.

Обращаясь к вопросу о межнациональных отношениях, М. С. Горбачёв бросил реплику, которая очень быстро найдёт благодатную почву у местных

[1] Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей: постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. 13 марта 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 391.

[2] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет: в 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 101.

националистов и вскоре реализуется в виде республиканских нормативных правовых актов о языках, не только в Прибалтике, но и в Молдавской ССР и других республиках. Он посчитал позорным явлением факт того, что люди, прибывшие в Прибалтику из других республик, не овладели местными языками [11, с. 147–148]. Он не мог не понимать, что те, «кто туда приехал», говорили на русском языке Союза ССР, даже если это были не только русские, а представители разных национальностей, которые приезжали в республики Прибалтики и в Молдавскую ССР восстанавливать разрушенное войной хозяйство, по распределению или по собственной инициативе, лечить и учить, строить и работать на новых возводимых объектах, готовить национальные кадры во всех сферах деятельности общества.

Но очень скоро они окажутся людьми второго сорта, поскольку республиканские нормативные правовые акты о языках не оставят русскому языку даже статуса межнационального.

Многочисленные обращения с мест по поводу притеснения русского языка и русскоязычного населения М. С. Горбачёв называл паническими проявлениями и требовал их осаждения. Он не видел в действиях националистически настроенных властей республик Прибалтики и Молдавии никакой опасности и успокаивал русскоязычное население тем, что «Ленин учил: великая нация должна уметь уступать» [11, с. 147–148].

Но ведь В. И. Ленин выступал не против государственного языка вообще, а именно против языка русских великороссов.

Никак не верится, что глубоко образованный В. И. Ленин, тем более как правовед, не понимал значения единого государственного языка. Но его навязчивая идея состояла в необходимости разрушения мира насилия, каким он считал в том числе Российскую империю.

Позиция В. И. Ленина о недопустимости законодательного утверждения русского языка в качестве государственного, поскольку это станет палкой, которая будет отбивать остальные народы от русского языка, неразрывно связана с одним из краеугольных камней его учения о незыблемости права наций и народов на самоопределение. При этом самоопределение наций и народов виделось ему только через отделение национальных окраин от России.

Но как показала история, В. И. Ленин, ради победы мировой революции и построения социализма, мог и отступить от ранее, казалось, незыблемых принципов. Так в статье, опубликованной В. И. Лениным 24 (11) февраля 1918 г. в газете «Правда» № 34, он напишет: «…ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше» [12, с. 251].

Следует напомнить, что Финляндия, Украинская Народная Республика, республики Прибалтики, Польша после признания Советской Россией их независимости сразу попали под влияние Германии, а на Демократическую Грузию имела виды Великобритания. Ровно такая ситуация сложилась в СССР с началом перестройки, когда, в первую очередь, в республиках Прибалтики и в бывшей Молдавской ССР, национальные элиты которых выступали за отделение от Сою-

за ССР, первым условием поставили установление национальных языков в качестве обязательных. Значит, против русского языка в качестве государственного на всём пространстве Союза ССР и за время его существования можно было выступать, чтобы избежать ущемления какой-либо нации, а язык титульной нации в качестве единственного государственного, даже если титульная нация составляет меньшинство и при этом ущемляется остальное большинство – это нормально?

М. Ю. Петербургский прав, утверждая, что отсутствие законодательного закрепления статуса языка нередко служит катализатором социальных противоречий [13]. Автор считает, что не только к социальным противоречиям, но и к межнациональным конфликтам, как это было в Советском Союзе, что и послужило основой разрушения межнационального и политического единства не только отдельных республик, но и страны.

Об этом находим и у И. Г. Илишева, который пишет, что наиболее ярким примером явились драматичные изменения, которые произошли в республиках бывшего Советского Союза [14].

Националисты всех мастей из всех Союзных республик поняли, что М. С. Горбачёв не будет препятствовать в принятии дискриминационных законов о государственных языках, поскольку они не могли противоречить Конституции (Основному Закону) СССР. После его заявлений, приведенных выше, но опубликованных уже после разрушения страны, стало ясным, почему он не реагировал на поток сигналов с мест о многочисленных фактах нарушения прав русскоязычного населения.

Вот как об этом пишет В. П. Нерознак, советский и российский учёный-лингвист и общественный деятель: «Началось "триумфальное шествие" законов о языках, благодаря которым всего за два года (1989–1990) во всех советских республиках был дан старт языковой реформе с далеко идущими последствиями геополитического характера» [15].

Зная о безграничной вере советского народа в праведность всех слов, поступков и действий В. И. Ленина, М. С. Горбачёв, запустив курс на гласность, критику эпохи сталинизма и брежневского застоя, утверждал, что все недостатки в стране вызваны отходом от ленинского учения и призывал вернуться «обратно – к Ленину». Почему же тогда позиция В. И. Ленина, выступавшего против каких бы то ни было привилегий одной из наций, не была соблюдена практически ни в одной из республик, вступивших после «парада языков» в «парад суверенитетов»?

В. П. Нерознак, как и другие сторонники проведенного «парада языковых суверенитетов», считает, что виной всему – принудительное насаждение русского языка в качестве единственного государственного на территории Союза ССР. При этом автор справедливо утверждает, что против государственного языка в России выступал ещё В. И. Ленин. Но В. П. Нерознак ошибается в главном – в СССР не было конституционно установленного статуса государственного языка.

Даже когда в Конституцию (Основной Закон) СССР будут внесены все поправки, какие только были нужны для превращения единого федеративного СССР в конфедерацию суверенных государств, норма о государственном языке СССР так и не появится.

М. С. Горбачёв поддерживал придание статуса обязательного государственного языка титульной нации в союзных республиках, несмотря на то, что при этом ущемлёнными национальными меньшинствами стали русскоязычные жители. О том, что М. С. Горбачёв занимал именно такую позицию, говорил известный советский и российский ученый профессор М. Н. Губогло, который в беседе с корреспондентом Е. Мусатовой

отметил: «Был на исходе 1989 год. Почти одновременно прозвучали два выступления М. Горбачёва: на втором Съезде народных депутатов СССР и на внеочередном Пленуме ЦК КПСС. Ни в одной из его речей ничего не было сказано о важнейшем итоге уходящего года – о бескровной языковой революции, которая победила в союзных республиках, принявших законы о государственных языках»[1].

Говоря о бескровной языковой революции, М. Н. Губогло, однако, ошибся. Общеизвестно, что именно насильственное установление молдавского языка в качестве единственного государственного и его перевод на латинскую графику привело к возникновению острого межнационального и политического конфликта в бывшей Молдавской ССР, переросшего в вооружённый, в результате которого была разрушена целостность республики и образована Приднестровская Молдавская Республика.

М. Н. Губогло считал, что языковая реформа стала первым этапом не только подлинного освобождения периферий от Центра, но и первым реальным шагом к будущему распаду СССР. При этом явно наметились тенденции десоветизации и дерусификации союзных республик, что, в свою очередь, потом привело к оттоку русскоязычного населения из национальных республик.

Вообще, М. Н. Губогло был крупнейшим отечественным исследователем в области этнологии, автором многих научных работ. Сказанное им в 1992 г. он потом разовьёт в своих других фундаментальных исследованиях. Так, в первом томе своего четырёхтомного исследования он неоднократно назовёт эти процессы и события, которые реально мобилизуют и поднимут народы на баррикады, «мобилизованным лингвицизмом» [16]. Через пять лет М. Н. Губогло выпустит отдельное фундаментальное исследование под таким же названием [17].

Наибольший общественно-политический резонанс и последствия принятие законодательства о государственных языках имело для республик Прибалтики. В связи с этим заслуживает внимания позиция Д. В. Бондаренко, который считает, что вмешательство государства в неофициальные сферы использования языка возможно только в случае, если возникает угроза злоупотребления правом на использование языка[2].

Существовала ли какая-то угроза латышскому, литовскому, эстонскому, молдавскому языкам или носителям этого языка? Конечно, нет. Наоборот, с принятием нормативных актов, которыми этим языкам был придан статус государственных и установлена общеобязательная сфера их применения, все остальные граждане нетитульной нации, проживавшие в этих республиках, перешли в разряд второсортных. Их гражданские, социальные и политические права стали повсеместно нарушаться.

Аналогичный подход находим у Л. Н. Евсеевой, которая, освещая события, исследуемые в настоящей статье, пишет, что язык в подобных конфликтных ситуациях становится ареной политической и социальной борьбы и что язык играет важную роль в формировании национальной идентичности [18, с. 4–5]. При этом в этих республиках нарушались права не только граждан, представителей других этносов, поскольку для достаточно большого количества

[1] Крутые виражи суверенизации // Российская газета. 1992. 16 июля.

[2] Бондаренко Д. В. Об эффективности и результативности нормотворческой и правоприменительной деятельности в сфере реализации языковой политики в РФ. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/analitika/issledovaniya/ob-effektivnosti-i-rezultativnosti-normotvorcheskoy-i-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti-v-sfere-realiz/ (дата обращения: 29.01.2022).

граждан, в паспорте которого была указана титульная нация, родным языком не всегда являлся язык этноса.

По мнению Н. М. Губоголо, родной язык – это первый язык, усвоенный человеком в детстве, человек сам определяет, какой язык является для него родным [19].

Исходя из такого объективного фактора, к русскоязычному населению в этих республиках были отнесены многие тысячи граждан, не имеющих никакого отношения к русскому этносу.

«Парад государственных языков»

Первыми приняли нормативный правовой акт о государственном языке в Латвийской ССР, при этом не стали рисковать и не вынесли вопрос на обсуждение сессии высшего законодательного органа, а приняли решение его Президиумом[1]. Нормами настоящего подзаконного акта латышский язык был объявлен государственным. По такому же пути, т. е. посредством принятия подзаконного нормативного акта, был придан статус государственного литовскому языку[2].

Эстония оказалась первой в принятии законодательного акта о государственном языке[3]. Настоящим актом эстонский язык был провозглашён государственным, а русский язык был обозначен как язык общесоюзного общения. За такой формулировкой скрывался, по сути, факт вытеснения русского языка за пределы Эстонии на остальное советское пространство.

Нормы, регламентирующие правоотношения, связанные с применением литовского языка, были установлены ещё одним подзаконным актом[4]. В Латвийской ССР правовой статус латвийского языка был установлен посредством принятия законодательного акта[5]. При этом русский язык был определён как один из языков межнационального общения. Какие ещё подразумевались другие языки межнационального общения, в акте не указывалось.

Е. М. Доровских выделяет общую тенденцию, присущую союзным республикам при разработке своих законов о языках: «…за русским языком, как правило, закреплялось положение языка межнационального общения с совершенно неопределенным правовым режимом»[6]. Также автор абсолютно верно подмечает, что русскоязычное население ставилось в очень жёсткие рамки – за столь короткий срок, который был установлен в принятых нормативных актах, невозможно было усвоить национальный язык в объёме, доступном для возможного занятия той или иной должности.

Только после того, как «парад языков» практически был завершён и русский язык в большинстве союзных республик оказался на второстепенных ролях или вообще не нашёл своего законодательного закрепления, был принят соответствующий законодательный акт, в ст. 4 которого устанавливалось, что «…в

[1] О статусе латышского языка: постановление Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 29 сентября 1988 г. // Советская Латвия. 1988. 30 сент. С. 1

[2] О статусе литовского языка: постановление Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 6 октября 1988 г. // Советская Литва. 1988. 7 окт.

[3] Закон «О языке Эстонской ССР» и связанные с его применением материалы. Таллинн: Фирма «Сигналет»: АН ЭССР, Ин-т яз. и лит., 1989. 16 с.

[4] Об употреблении государственного языка Литовской ССР: указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 25 января 1989 года // Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР. 1989. № 4-11.

[5] О языках: закон Латвийской ССР // Советская Латвия. 1989. 7 мая. С. 3.

[6] Доровских Е. М. Разработка законодательства о языках в Союзе ССР и в союзных республиках. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=789 (дата обращения: 15.02.2022).

целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения»[1]. В этом нормативном акте практически была скопирована норма из эстонского акта о языках, т. е. русский язык был признан всего лишь официальным и средством межнационального общения на территории СССР.

На такую особенность правового статуса русского языка обратил внимание и Ю. Хворостов: «Чтобы хоть как-то сгладить недовольства на местах, для русского языка была изобретена весьма необычная формула. По ней русский язык был объявлен "средством межнационального общения всех народов Советского Союза"»[2]. Нормами настоящего акта Союзные и автономные республики наделялись правом устанавливать языки республик в качестве государственных, а единый Союз ССР был лишён такого права.

Комиссар Совета Европы по правам человека пишет, что несбалансированные и несправедливые языковые законы и политики могут в долгосрочной перспективе оказаться разрушительными. И такие последствия могут сказаться на определенных группах общества и социальной сплоченности в той или иной стране3. Именно это и случилось с Советским Союзом, только в данном случае разрушительная перспектива не была столь долгосрочной, страна была разрушена за несколько лет. Естественно, что к разрушению Союза ССР привела целая цепь последовательно развивающихся событий и действий на фоне общего общественно-политического и социально-экономического кризиса в стране.

«Парад государственных языков», как покажут последующие события, совсем не случайно первыми затронул республики Прибалтики и Молдавскую ССР, т. е. те республики, которые затем «подняли на щит» пресловутый Пакт Молотова – Риббентропа.

Другой вопрос состоит в том, что все запросы национальных элит этих республик, не только по языковому вопросу, но и по оценке Пакта Молотова – Риббентропа, получали полную поддержку официальных органов государственной власти Союза ССР, в том числе в виде Постановления Съезда народных депутатов СССР[4]. Настоящее Постановление легло в основу нормативных правовых актов о государственном суверенитете, принятых в этих республиках. Провозглашение государственных суверенитетов союзными республиками, само по себе не противоречило Конституции СССР, поскольку ст. 76 Конституции СССР устанавливала: «Союзная республика – суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик»[5].

[1] О языках народов СССР: закон СССР от 24 апреля 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 19, ст. 327.

[2] Хворостов Ю. Почему «великий и могучий» русский язык так и не стал государственным в СССР. URL: https://kulturologia.ru/blogs/220621/50201/ (дата обращения: 16.02.2022).

[3] Миятович Д. Языковая политика должна учитывать разнообразие, защищать права меньшинств и снижать напряженность в обществе. URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accomodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions (дата обращения: 29.01.2022).

[4] О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года: постановление второго Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г. // Правда. 1989 г. 28 дек.

[5] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. М.: Политиздат, 1987. С. 315–365.

Однако достаточно быстро «парад суверенитетов» перерос в «парад независимостей», который завершился официальным разрушением Союза ССР. Этому, несомненно, способствовал тот факт, что Комитет конституционного надзора СССР, учрежденный при конституционной реформе 1 декабря 1988 г., обладал связанной компетенцией[1].

Нормативная база разрушения СССР в окончательном варианте была подготовлена так называемым Ново-Огарёвским форматом, заложена в неконституционных актах V Съезда народных депутатов СССР и такого же неконституционного Государственного Совета ССР, в том числе о признании независимости республик Прибалтики. Это именно те акты, что сегодня предлагает денонсировать депутат Государственной Думы В. Фёдоров. Но это уже является предметом других исследований.

В условиях многонациональных государств, каким является Российская Федерация, языковой политике следует уделять самое пристальное внимание и подходить к ней максимально взвешенно и осторожно. Следует согласиться с А. Н. Биткеевой, которая считает, что языковая политика призвана служить интеграции многоязыкового и многоконфессионального общества в единое консолидированное сообщество [20].

О том, что государственная языковая политика призвана не только сохранить государственный язык и языки народов, населяющих соответствующую национальную территорию, но и сделать их основой для общенационального мира и согласия, пишет и М. Зязиков[2].

Об этом же пишет Д. Ворошилов, который отмечает, что даже спустя 30 лет после распада СССР русский язык пока ещё остается некой культурной основой, связывающей жителей бывших республик Союза[3].

Из трагической истории разрушения СССР извлекли опыт и приняли правильное решение в Российской Федерации, где в Конституции, как в редакции 1993 г., так и в редакции 2020 г., закреплён конституционно-правовой статус русского языка как государственного на всей её территории. При этом субъекты, наделённые статусом республик, вправе устанавливать свои государственные языки.

Выводы

Из изложенного в статье можно сделать следующий вывод: отсутствие конституционно закреплённого статуса русского языка в качестве государственного позволило запустить «парад государственных языков» в республиках Прибалтики, затем в Молдавской ССР и других республиках, в результате чего русский язык оказался фактически вне правового статуса, а его носители оказались людьми второго сорта в национальных республиках.

Так называемый «парад государственных языков» привёл к резкому обострению межнациональных отношений и возникновению вооружённых конфликтов в целом ряде союзных республик и стал первой костью в известном «принципе домино».

[1] О конституционном надзоре в СССР: закон СССР от 23 декабря 1989 г. № 972-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 29, ст. 572–573.

[2] Зязиков М. Русский язык и приоритеты государственной политики РФ в языковой сфере. URL: http://izborsk-club.ru/10303 (дата обращения: 10.01.2022).

[3] Ворошилов Д. Свой или чужой. В каком статусе живёт русский язык в бывшем СССР. URL: https://www.rbc.ru/politics/07/12/2021/61a8d6659a79476c9c9d5775 (дата обращения: 15.01.2022).

Список литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование: Оникс, 2011. 736 с.

2. Жидикин А. А. Правовой статус государственных языков в зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2017. Т. 12, № 17. С. 112–135.

3. Конституции зарубежных государств (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Греция, Япония, Канада) / сост. проф. В. В. Маклаков. 2-е изд., исправ. и доп. М.: БЕК, 1997. 584 с.

4. Орешкина М. В. Государственный язык // Социолингвистика. 2020. № 1 (1). С. 109–123.

5. Ленин В. И. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 24. С. 57–59.

6. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 24. С. 113–118.

7. Ленин В. И. «Национальная культура» // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит.,1973. Т. 24. С. 119–123.

8. Ленин В. И. Письмо С. Г. Шаумяну. 6 декабря 1913 года // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 48. С. 233–236.

9. Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1973. Т. 24. С. 293–295.

10. Фадеев В. В. Политико-правовые основы функционирования русского языка на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. 28 с.

11. В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 784 с.

12. Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 35. С. 251.

13. Петербургский М. Ю. Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирование статуса в многонациональном государстве // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15, № 5. С. 203–229.

14. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональных обществах: Проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра полит. наук. СПб., 2000. 58 с.

15. Нерознак В. П. Языковая реформа (1990–1995) // Вестник РАН. 1996. Т. 66, № 1. С. 3–7.

16. Губогло М. Н. Переломные годы: в 4 т. Т. 1: Мобилизованный лингвицизм / Российская АН; Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1993. 302 с.

17. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.

18. Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности: автореф. дис. … канд. филос. наук. Архангельск, 2009. 21 с.

19. Губогло М. Н. Этнодемографическая и языковая ситуация в столицах союзных республик СССР в конце 80-х – начале 90-х годов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 53–65.

20. Биткеева А. Н. Национально-языковая политика России: новые вызовы, последние тенденции // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция. Доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2014. С. 80–88.

References

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., Oniks Publ., 2011. 736 p.

2. Zhidikin A. A. Pravovoi status gosudarstvennykh yazykov v zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The legal status of state languages in foreign countries: comparative legal research]. *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva = Yearbook of Russian educational legislation*, 2017, vol. 12, no. 17, pp. 112–135.

3. Maklakov V. V. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv (Soedinennye Shtaty Ameriki, Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Ispaniya, Gretsiya, Yaponiya, Kanada) [Constitutions of foreign states (United States of America, Great Britain, France, Germany, Italy, Spain, Greece, Japan, Canada]. 2th ed. Moscow, BECK Publ., 1997. 584 p.

4. Oreshkina M. V. Gosudarstvennyi yazyk [State language]. *Sotsiolingvistika = Sociolinguistics*, 2020, no. 1 (1), pp. 109–123.

5. Lenin V. I. Rezolyutsii letnego 1913 goda soveshchaniya TsK RSDRP po natsional'nomu voprosu [Resolutions of the summer 1913 meeting of the Central Committee of the RSDLP on the national question]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. 5th ed. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1961, vol. 24, pp. 57–59.

6. Lenin V. I. Kriticheskie zametki po natsional'nomu voprosu [Critical notes on the national question]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Ed. fifth. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1973, vol. 24, pp. 113–118.

7. Lenin V. I. "Natsional'naya kul'tura" ["National culture"]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete collection of works]. Ed. fifth. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1973, vol. 24, pp. 119–123.

8. Lenin V. I. Pis'mo S. G. Shaumyanu. 6 dekabrya 1913 goda [Letter to S. G. Shaumyan. December 6, 1913]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete collection of works]. Ed. fifth. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 48, pp. 233–236.

9. Lenin V. I. Nuzhen li obyazatel'nyi gosudarstvennyi yazyk? [Do I need a mandatory state language?]. Polnoe sobranie sochinenii [The complete works]. Ed. Fifth. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1973. Vol. 24. pp. 293–295.

10. Fadeev V. V. Politiko-pravovye osnovy funktsionirovaniya russkogo yazyka na postsovetskom prostranstve. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Political and legal foundations of the functioning of the Russian language in the post-Soviet space. Cand. polit. sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 28 p.

11. V Politbyuro TsK KPSS...: Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991) [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU ...: According to the notes of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985-1991)]; ed. by A. Chernyaev, A. Weber, V. Medvedev. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2006. 784 p.

12. Lenin V. I. K istorii voprosa o neschastnom mire [To the history of the question of the unhappy world]. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Ed. fifth. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 35, pp. 251.

13. Peterburgskiy M. Yu. Gosudarstvennyi yazyk, ofitsial'nyi yazyk i yazyk men'shinstva: teoretiko-pravovye problemy definitsii i regulirovanie statusa v mnogonatsional'nom gosudarstve [State language, official language and minority language: theoretical and legal problems of definitions and regulation of status in a multi-national state]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 203–229.

14. Ilishev I. G. Yazyk i politika v mnogonatsional'nykh obshchestvakh: Problemy teorii i praktiki. Avtoref. diss. dokt. polit. nauk [Language and politics in multinational societies: Problems of theory and practice. Dr. polit. sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2000. 58 p.

15. Neroznak V. P. Yazykovaya reforma (1990–1995) [Language reform (1990-1995)]. *Vestnik RAN = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 1996, vol. 66, no. 1. pp. 3–7.

16. Guboglo M. N. Perelomnye gody. Mobilizovannyi lingvitsizm [The turning years. Mobilized Linguistics]. Moscow, Tsentr po izuch. mezhnats. otnoshenii In-ta etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya, 1993. 302 p.

17. Guboglo M. N. Yazyki etnicheskoi mobilizatsii [Languages of ethnic mobilization]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1998. 816 p.

18. Evseeva L. N. Rol' yazyka v formirovanii natsional'noi identichnosti. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The role of language in the formation of national identity. Cand. philos. sci. abstract diss.]. Arkhangel'sk, 2009. 21 p.

19. Guboglo M. N. Etnodemograficheskaya i yazykovaya situatsiya v stolitsakh soyuznykh respublik SSSR v kontse 80-kh – nachale 90-kh godov [Ethnodemographic and linguistic situation in the capitals of the Union republics of the USSR in the late 80s - early 90s]. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*, 1993, no. 1, pp. 53–65.

20. Bitkeeva A. N. Natsional'no-yazykovaya politika Rossii: novye vyzovy, poslednie tendentsii [National language policy of Russia: new challenges, recent trends]. *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Doklady i soobshcheniya* [Language policy and language conflicts in the modern world. International conference. Reports and messages]; ed. by A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhalchenko; Institut yazykoznaniya RAN, Nauchno-issledovatel'skii tsentr po natsional'no-yazykovym otnosheniyam. Moscow, 2014, pp. 80–88.

Информация об авторе / Information about the Author

Караман Александр Акимович, кандидат юридических наук, советник Президента, Международная Славянская академия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: alexman-k@mail.ru

Alexander A. Karaman, Cand. of Sci. (Juridical), Advisor to the President, International Slavic Academy, Moscow, Russian Federation, e-mail: alexman-k@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-26-35

CC BY 4.0

Исключительное право и проблемы коммерческого использования произведений

К. Б. Леонтьев[1] ✉

[1] Научно-образовательный центр интеллектуальной собственности и цифровой экономики (НЦИС)
ул. Малая Бронная 10/1, г. Москва 117342, Российская Федерация

✉ e-mail: leontyev.kb@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В статье анализируются проблемы, связанные с доминирующей в настоящее время в российской правовой доктрине концепцией единого и неделимого исключительного права. Демонстрируется негативное влияние данного подхода на коммерческое использование произведений, в том числе развитие инвестиционной деятельности в соответствии с принципом «права в обмен на инвестиции». Обосновывается вывод о том, что для решения возникших проблем необходимо признание и законодательное закрепление возможности выделения долей в исключительном праве на произведение, установления порядка реализации прав на такие доли, условий их выделения и отчуждения.*

Целью *исследования является разработка теоретических положений, направленных на создание целостного научного представления о возможностях дальнейшего развития правового регулирования отношений, связанных с коммерческим использованием произведений, в том числе совершенствования порядка и условий распоряжения исключительными правами на произведения.*

Задачи: *актуализировать содержание понятия «исключительное право»; разработать концепцию реализации прав, допускающую возможность изменения состава правообладателей при совместном правообладании; определить принципы выделения долей в исключительном праве и особенности реализации прав на них с учетом необходимости коммерциализации результатов творческой деятельности; определить возможные направления дальнейшего развития правового регулирования.*

Методология. *При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

Результаты исследования *имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования правоотношений, связанных с использованием результатов интеллектуальной деятельности.*

Выводы. *Сделанные выводы имеют дискуссионный характер, нацелены на развитие доктринальных и законодательных подходов, позволяющих совершенствовать проблемы регулирования отношений по использованию результатов интеллектуальной деятельности. Статья является продолжением научных исследований автора по рассматриваемой тематике.*

Ключевые слова: *исключительное право; интеллектуальные права; абсолютное право; лицензионный договор; сублицензия.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Леонтьев К. Б., 2022

Для цитирования: Леонтьев К.Б. Исключительное право и проблемы коммерческого использования произведений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 26–35. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-26-35.

Поступила в редакцию 29.04.2022 Принята к публикации 26.05.2022 Опубликована 28.06.2022

The Exclusive Right and the Problems of Commercial Exploitation of Works

Konstantin B. Leontev[1] ✉

[1]Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy
10 Malaya Bronnaya Str., Moscow 117342, Russian Federation

✉ e-mail: leontyev.kb@gmail.com

Abstract

Relevance. *The article analyzes the problems associated with the currently dominant in the Russian legal doctrine concept of a single and indivisible exclusive right. The negative impact of this approach on the commercial use of works, including the development of investment activities in accordance with the principle of "rights in exchange for investment" is demonstrated. The conclusion is substantiated that in order to solve the problems encountered, it is necessary to recognize and legislate the possibility to allocate shares in the exclusive right to a work, to establish the procedure for exercising the rights to such shares, the conditions of their allocation and alienation.*

The purpose *of the research is to develop theoretical provisions aimed at creating a holistic scientific understanding of the possibilities of further development of the legal regulation of relations related to the commercial use of works, including the improvement of the order and conditions of disposal of exclusive rights to works.*

Objectives: *to update the content of the concept of "exclusive right"; to develop a concept of rights realization, allowing the possibility of changing the composition of right holders in the joint ownership; to determine the principles of the allocation of shares in the exclusive right and the features of the realization of rights to them with regard to the need to commercialize the results of creative activity; to identify possible directions for further development of legal regulation.*

Methodology. *The author used dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.*

The results of the research have a theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of legal relations connected with the use of the results of intellectual activity.

Conclusions. *The conclusions are of a debatable nature, aimed at the development of doctrinal and legislative approaches to improve the problems of regulation of relations on the use of the results of intellectual activity. The article is a continuation of scientific research of the author on the subject.*

Keywords: *exclusive right; intellectual rights; absolute right; license agreement; sublicense.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Leontev K. B. The Exclusive Right and the Problems of Commercial Exploitation of Works. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 26–35. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-26-35.

Received 29.04.2022 Accepted 26.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

В результате принятия части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) доминирующей в законодательстве и российской правовой доктрине стала концепция единого и неделимого исключительного права, характеризующегося в качестве осо-

бой правовой сущности, которая не может быть увеличена или уменьшена, из которой не может быть выделена какая-либо отдельная часть и которая может передаваться только полностью, в качестве единого и неделимого объекта, без каких-либо исключений.

По мнению В. А. Дозорцева, именно исключительное право как «единая категория» должна была занять центральное место в осуществлявшейся кодификации и стать основой для «объединения разрозненных, обособленных режимов в единую систему, которую цементируют общие положений» [1, с. 11, 36].

Результатом такого подхода стало объединение основополагающих положений для авторского права, патентного права, законодательства о средствах индивидуализации и других видов объектов интеллектуальных прав, вследствие чего общий принцип неделимости исключительного права был распространен на авторско-правовую сферу.

При этом от определения понятия «исключительного права» законодатель уклонился, что, по мнению А. Л. Маковского, объясняется отсутствием необходимости в выработке отдельной дефиниции данного понятия ввиду того, что относящиеся к нему нормативные положения содержатся в десятках статей ГК РФ [2, с. 130]. Нерешенным остался также вопрос об определении долей в исключительном праве и возможности изменения состава правообладателей при совместном обладании исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности.

Методология

При подготовке исследования использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил провести исследование особенностей модели охраны исключительных прав, получившей закрепление в действующем законодательстве Российской Федерации. Использование системного метода позволило проанализировать основные проблемы, обусловленные отсутствием возможности раздела исключительного права или выделения долей отдельных правообладателей при совместном обладании исключительным правом. Методы анализа и синтеза позволили провести сопоставление правовых норм, регулирующих рассматриваемые правоотношения, и связанных с ними доктринальных подходов. При рассмотрении законодательных положений, научных публикаций, правоприменительной практики применялся формально-юридический метод, который позволил также описать полученные при проведении исследования результаты.

Результаты и их обсуждение

Законодательство допускает возможность совместного обладания исключительным правом (п. 2 ст. 1229 ГК РФ) [3; 4], но не предусматривает вариантов его раздела, определения или выделения каких-либо долей отдельных соправообладателей [5, с. 13], ограничивая их только правом совместного принятия решений по вопросам распоряжения принадлежащим им исключительным правом (абзац второй п. 3 ст. 1229 ГК РФ). Данный вопрос не был решен при принятии части четвертой ГК РФ [6; 7], не получил решения в дальнейшем при совершенствовании его положений [8; 9; 10], а также в рамках развития судебной практики [11]. В научных публикациях и научно-практических комментариях рассмотрение данного вопроса, как правило, сводится к повторению законодательных норм и констатации существующего положения [12; 13; 14; 15; 16]. Следует отметить, что вопросы совместного правообладания недостаточно урегулированы на международном уровне [15] и очень ограниченным образом освещены в трудах зарубежных специалистов [17; 18].

Н. К. Абрамовой было выражено мнение о том, что возможность выделе-

ния доли в исключительном праве для результатов интеллектуальной деятельности, не подлежащих государственной регистрации, может вызвать дополнительные коммерческие риски и привести к усложнению гражданского оборота [5]. Однако с этим мнением невозможно согласиться, поскольку такое выделение является насущной потребностью гражданского оборота.

Неделимость исключительного права делает невозможным принятие в число правообладателей нового совладельца такого права. Для того чтобы исключительное право принадлежало нескольким лицам, оно должно возникнуть сразу у нескольких лиц, например соавторов, или быть приобретено несколькими лицами как одной стороной по договору. Законодательство в настоящее время не предусматривает возможности выделить долю в исключительном праве, чтобы продать ее заинтересованному лицу, тем самым в определенной мере лишая правообладателей возможности реализации своих прав, в том числе с использованием распространенной схемы «право в обмен на инвестиции».

В результате правообладатели не могут привлечь инвестиции за счет вхождения инвестора в число правообладателей. Для реализации достаточно простой и часто встречающейся задачи расширения круга владельцев прав на произведение в целях привлечения инвестиций приходится использовать более сложные варианты правовых решений, требующие дополнительных затрат, например, на организацию находящегося в совместном владении хозяйственного общества, ведение его деятельности и управление им, или применять варианты, недостаточно урегулированные на законодательном уровне либо связанные с дополнительными ограничениями по составу участников (инвестиционные договоры, договоры о совместной деятельности и др.).

Неделимость исключительного права значительно осложнила возможности коммерческого использования произведений, которое часто требует дробления и обособления прав для определенных направлений использования, причем практическая деятельность может требовать разграничения «сфер влияния» между отдельными пользователями на основе самых неожиданных критериев.

Например, в детском книгоиздании могут выделяться книги с игровыми элементами, со звуковыми вставками, книги-игрушки, развивающие издания, «книги для ванн», книги с наклейками и многие другие категории, отличающиеся по содержанию, оформлению и даже по используемым материалам. Значительным разнообразием отличается использование аудиовизуальных произведений, при этом пользователям и правообладателям могут потребоваться сочетания прав для самых необычных вариантов использования, учитывающие, например, особенности использования таких произведений в кинотеатрах, на отечественных и зарубежных аудиовизуальных сервисах, в YouTube с территориальными ограничениями и на отдельных платформах или информационных ресурсах.

Практически бесконечным может быть «дробление» прав для различных вариантов организации мерчендайзинга, при этом критериями для разграничения могут служить даже не варианты использования произведений, их названий, персонажей или частей, а виды продукции и услуг, для продвижения которых будут использоваться охраняемые результаты творческой деятельности авторов, территории, сроки, категории пользователей, каналы продаж и другие факторы.

В период действия Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (с 1993 по 2007 г.) разграничение предоставляемых «исключительных прав» и «неисключительных прав» осуществлялось по усмотрению самих заинтересованных лиц в зависимо-

сти от достигнутых ими договоренностей.

Несмотря на неоднократно критиковавшееся понятие «неисключительных прав» и другие недостатки существовавшая система законодательного регулирования договорной деятельности, связанной с использованием объектов авторских прав, достаточно хорошо справлялась со своей задачей, позволяя выделять из совокупности принадлежащих авторам или иным правообладателям прав такую часть, которая была необходима для решения каждой конкретной задачи, стоявшей перед хозяйствующими субъектами. Выделенный объем прав передавался заинтересованному лицу, которое в дальнейшем могло использовать его в пределах, установленных заключенным с правообладателем договором, без рисков ограничений или изъятий в случаях, не предусмотренных таким договором или законодательством.

Такое дробление и частичная передача прав или даже их перераспределение являются объективно необходимыми, поскольку в настоящее время не существует фактически ни одной организации, которая сама осуществляла бы реализацию прав на произведения всеми возможными способами. Даже наиболее крупные компании реализуют права только в определенных сферах, передавая права или лицензии в отношении других видов использования и (или) иных стран другим организациям, которые, в свою очередь, могут быть заинтересованы в распределении прав между различными пользователями с разграничением по странам, способам, периодам и иным особенностям использования.

Наиболее существенным образом концепция неделимости исключительного права повлияла именно на договорную практику в сфере авторских прав.

Непосредственным следствием неделимости исключительного права является невозможность отчуждения или иной передачи части прав, следовательно, любое предоставление прав использования произведения без полной передачи (отчуждения) исключительного права на него может быть реализовано только путем заключения лицензионного договора. При этом каждое последующее звено в цепи передачи прав использования будет представлять собой сублицензионный договор. Практика использования произведений в условиях развитого рынка, характеризующегося высокой степенью специализации, приводит к формированию длинных разветвленных цепочек такого сублицензирования.

Наряду с неудобством оформления таких последовательных взаимосвязанных договорных отношений очевидной проблемой является постоянно сохраняющаяся зависимость каждого последующего звена договорной цепи от поддержания в силе договорных отношений на каждом предыдущем уровне, т. е. для каждой предшествующей лицензии и сублицензии.

При стабильных условиях данная проблема может не проявлять себя отчетливым образом, однако при любых нарушениях стабильности добросовестные пользователи сталкиваются с угрозой исчезновения у них прав и возможности законного использования произведений, несмотря на соблюдение ими всех условий заключенных договоров.

Так, если иностранные правообладатели предоставляли лицензии российским пользователям не напрямую, а через других лицензиатов, то в случае «ухода» с российского рынка им оказывается достаточно расторгнуть договоры с такими лицензиатами-посредниками, чтобы использование произведений российскими пользователями оказалось незаконным, поскольку прекращение действия лицензионного договора повлечет также пре-

кращение действия основанных на нем сублицензионных договоров.

При этом законодательство не предусматривает возможности предъявления потерпевшими пользователями каких-либо требований к правообладателям, отделенным от них одним или несколькими звеньями цепи сублицензионных договоров, ограничивая их возможностями истребования убытков от лиц, с которыми непосредственно были заключены сублицензионные договоры и которые зачастую не способны возместить убытки в сколь-нибудь существенной части.

Необходимо последовательное развитие судебной практики, направленной в том числе на предоставление пользователям-сублицензиатам, добросовестно выполняющим свои обязанности по заключенным договорам, возможности защиты их прав и законных интересов в случае недобросовестного поведения правообладателей или иных лиц, от договоров с которыми зависит возможность реализации такими пользователями предоставленных им прав.

В частности, в случае выявления и признания судом факта злоупотребления правом со стороны правообладателя суд может в соответствии с положениями ст. 10 ГК РФ отказывать в защите исключительного права, принадлежащего такому правообладателю, в отношении случаев использования пользователем произведений, если такое использование осуществляется на основании ранее заключенного сублицензионного договора. Однако предлагаемое решение, разумеется, не может обеспечить защиту прав во всех необходимых случаях.

Неделимость исключительного права приводит к тому, что во многих случаях исключительное право проявляет себя как относительное, а не как абсолютное право. Исключительное право неоднократно характеризовалось в качестве одного из видов абсолютных гражданских прав наиболее авторитетными специалистами, в частности А. Л. Маковским и В. Ф. Яковлевым [19, с. 5]. Несколько иначе рассматривал исключительное право В. А. Дозорцев, признававший возможность его ограничений и в силу этого «квазиабсолютность», но при этом также отмечавший, что оно действует в отношении третьих лиц, с которыми правообладатель не состоит в непосредственных обязательственных отношениях [1, с. 120].

Вместе с тем в качестве абсолютного права исключительное право в полной мере реализуется только для отношений, непосредственно связанных с обладателем исключительного права, права всех остальных лиц, особенно права сублицензиатов, находятся в зависимости от поддержания постоянной правовой связи с правообладателем.

В отличие от правообладателей и первых лицензиатов сублицензиаты не имеют возможности каким-либо образом обеспечить безусловность принадлежащих им прав и их независимость от действий третьих лиц, права сублицензиатов всегда оказываются основаны только на договорных связях, поскольку законодательство не предусматривает варианта частичной передачи непосредственно заинтересованным лицам части исключительных прав.

В отношении объектов права вещной собственности подобная задача может быть решена не только за счет выделения, например, части помещения, которая может быть передана покупателю в собственность, но и за счет продажи заинтересованному лицу доли в праве собственности на объект с установлением порядка пользования таким объектом.

Рассматриваемая ситуация в отношении объектов интеллектуальных прав во многом обусловлена более глубинными причинами, состоящими в продолжи-

тельном неприятии самого термина «интеллектуальная собственность» на доктринальном уровне [1, с. 37], приводившем на протяжении последних трех десятилетий к постепенному вытеснению его из законодательства, несмотря на сохранение в ст. 44 и 71 Конституции Российской Федерации.

Стремление избавиться от опасности возникновения какой-либо аналогии между правом интеллектуальной собственности и правом вещной собственности [20] привело к поискам новых терминов («интеллектуальные права», обобщенное понятие «результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» и др.) и новых значений для понятия «исключительное право», развитием которого попытались заместить фактическое исчезновение из законодательства более общих категорий «интеллектуальная собственность» и «право интеллектуальной собственности».

Поиск особого содержания для понятия «исключительное право» в определенной мере является традиционным для отечественного авторского права. Так, еще Г. Ф. Шершеневич выделял исключительное право как особое, «иное» право, не имеющее аналога среди других видов прав и характеризуемое как требование воздержания третьих лиц от совершения каких-либо действий в отношении объекта правовой охраны [21, с. 73]. Однако закрепляемая законодательством в настоящее время концепция интеллектуальных прав почти полностью основана на доминировании исключительного права с ограниченным дополнением личными неимущественными и иными правами [22, с. 103].

Выводы

Несомненным успехом традиционного подхода к регулированию отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, основанного на охране исключительных прав в качестве системообразующей категории для всей сферы интеллектуальной собственности, явилось постепенное вытеснение из юридического обихода явно ошибочных вариантов оформления договорных отношений, например, распространенных в 1990-х гг. договоров «купли-продажи произведений». Однако в жертву при этом оказались принесены гибкость и способность к учету требований развития деловой практики, т. е. именно те полезные свойства авторского права и гражданского права, которые должны способствовать ускоренной и интенсивной коммерциализации результатов творческой деятельности в авторско-правовой сфере.

Для решения возникших проблем, особенно проявляющих себя в условиях разрыва сложившихся договорных связей, требуется, как представляется, дальнейшее развитие понятия «исключительного права», признание и законодательное закрепление возможности выделения в нем долей, установления порядка реализации прав на такие доли, условий их выделения и отчуждения.

Список литературы

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации (сборник статей) / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2003. 261 с.

2. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса // Гражданское право современной России / сост. О. М. Козырь, А. Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 103–141.

3. Баганова С. В., Белькова Е. Г. Исключительное право сообладателей // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 24–30.

4. Гаврилов Э. П. Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. 2019. № 9. С. 8–16.

5. Абрамова Н. Некоторые проблемы совместного обладания исключительным правом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2012. № 5. С. 5–11.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69–71 / Б. М. Гонгало, В. О. Калятин, М. Я. Кириллова [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 510 с.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой): в 2 т. (постатейный). Т. 1 / С. А. Горленко, В. О. Калятин, Л. Л. Кирий [и др.]; отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. 483 с.

8. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 8. С. 14–20.

9. Гаврилов Э. П. Право на интеллектуальную собственность: новеллы, внесенные Федеральным законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ в главу 70 ГК РФ // Хозяйство и право. 2014. № 9. С. 86–98.

10. Калятин В. О. Развитие системы регулирования распоряжения правами на интеллектуальную собственность в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 54–63.

11. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / Л. А. Новоселова [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. 480 с.

12. Авторское право и смежные права / И. А. Близнец, К. Б. Леонтьев; под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 452 с.

13. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 620 с.

14. Право интеллектуальной собственности. Т. 2: Авторское право / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 367 с.

15. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГАИС: Проспект, 2020. 896 с.

16. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование / под ред. И. А. Близнеца, В. А. Зимина, Г. И. Тыцкой. М.: Юрайт, 2018. 252 с.

17. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции: [пер. с фр.] / отв. ред. И. В. Савельева. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.

18. Липцик Д. Авторское право и смежные права: [пер. с фр.] / предисловие М. Федотова. М.: Ладомир: Изд-во ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

19. Яковлев В. Ф., Маковский А. Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 3–13.

20. Полякова Р. Д. Дифференциация правового регулирования исключительного права и вещных прав // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10. С. 162–164.

21. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 321 с.

22. Мозолин В. П. О концепции интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 100–109.

Reference

1. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii [Intellectual rights: The concept. System. Tasks of codification]. Moscow, Statut Publ., 2003. 261 p.

2. Kozyr' O. M., Makovskij A. L. Isklyuchitel'nye prava i koncepciya chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa [Exclusive rights and the concept of part four of the Civil Code]. Grazhdanskoe pravo sovremennoj Rossii [Civil law of modern Russia]. Moscow, Statut Publ., 2008, pp. 103–141.

3. Baganova S. V., Bel'kova E.G. Isklyuchitel'noe pravo soobladatelej [Exclusive right of co-owners]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin,* 2021, no. 1, pp. 24–30.

4. Gavrilov E. P. Kogda isklyuchitel'noe pravo na tozhdestvennye ob"ekty prinadlezhit odnovremenno neskol'kim licam [When the exclusive right to identical objects belongs simultaneously to several persons]. *Patenty i licenzii = Patents and licenses*, 2019, no. 9, pp. 8–16.

5. Abramova N. Nekotorye problemy sovmestnogo obladaniya isklyuchitel'nym pravom [Some problems of joint possession of an exclusive right]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property*. Copyright and related rights, 2012, no. 5, pp. 5–11.

6. Gongalo B. M., Kalyatin V. O., Kirillova M. Ya., eds. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Avtorskoe pravo. Prava, smezhnye s avtorskimi. Postatejnyj kommentarij k glavam 69–71 [The Civil Code of the Russian Federation. Copyright. Rights related to copyright. Article–by-article commentary on chapters 69–71]; ed. by P. V. Krasheninnikova. Moscow, Statut Publ., 2014. 510 p.

7. Gorlenko S. A., Kalyatin V. O., Kirij L. L. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (chasti chetvertoj) [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (Part Four)]; ed. by L. A. Trahtengerc. 2th ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 483 p.

8. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj Federacii: zakonodatel'stvo i doktrina [Intellectual property law of the Russian Federation: legislation and doctrine]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and licenses. Intellectual property rights*, 2018, no. 8, pp. 14–20.

9. Gavrilov E. P. Pravo na intellektual'nuyu sobstvennost': novelly, vnesennye Federal'nym zakonom ot 12 marta 2014 goda No. 35-FZ v glavu 70 GK RF [Intellectual Property right: Novelties introduced by Federal Law No. 35-FZ of March 12, 2014 in Chapter 70 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2014, no. 9, pp. 86–98.

10. Kalyatin V. O. Razvitie sistemy regulirovaniya rasporyazheniya pravami na intellektual'nuyu sobstvennost' v Rossii [Development of the system of regulation of the disposal of

intellectual property rights in Russia]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2018, no. 2, pp. 54–63.

11. Novoselova L. A., eds. Nauchno-prakticheskij kommentarij sudebnoj praktiki v sfere zashchity intellektual'nyh prav [Scientific and practical commentary of judicial practice in the field of intellectual property rights protection]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Norma Publ., 2014. 480 p.

12. Bliznec I. A., Leont'ev K. B. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]; ed. by I. A. Bliznec. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 452 p.

13. Zenin I. A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. 9th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2014. 620 p.

14. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. T. 2. Avtorskoe pravo [Intellectual property law. Vol. 2. Copyright]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 367 p.

15. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]; ed. by I. A. Bliznec. 2th ed. Moscow, RGAIS Publ., Prospekt Publ., 2020. 896 p.

16. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie [Intellectual property law. International legal regulation]; ed. by I. A. Bliznec, V. A. Zimin, G. I. Tyckaya. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 252 p.

17. Dyuma R. Literaturnaya i hudozhestvennaya sobstvennost'. Avtorskoe pravo Francii [Literary and artistic property. Copyright of France]; ed. by I. V. Savel'eva. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 336 p.

18. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.

19. Yakovlev V. F., Makovskij A. L. O chetvertoj chasti Grazhdanskogo kodeksa Rossii [On the fourth part of the Civil Code of Russia]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 2, pp. 3–13.

20. Polyakova R. D. Differenciaciya pravovogo regulirovaniya isklyuchitel'nogo prava i veshchnyh prav [Differentiation of legal regulation of exclusive law and property rights]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2018, no. 10, pp. 162–164.

21. Shershenevich G. F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya [Copyright on literary works]. Kazan', Tip. Imp. un-ta, 1891. 321 p.

22. Mozolin V. P. O koncepcii intellektual'nyh prav [On the concept of intellectual rights]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 12, pp. 100–109.

Информация об авторе / Information about the Author

Леонтьев Константин Борисович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент Научно-образовательного центра интеллектуальной собственности и цифровой экономики (НЦИС), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: leontyev.kb@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-4580-258X

Konstantin B. Leontev, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Scientific and Educational Center of Intellectual Property and Digital Economy, Moscow, Russian Federation,
e-mail: leontyev.kb@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-4580-258X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-36-50

CC BY 4.0

Становление и развитие института сервитутов в России и Вьетнаме: проблемы рецепции и толкования

Т. Х. Нгуен[1] ✉

[1] Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская 9, г. Москва 123995, Российская Федерация

✉ e-mail: nguyenthihoan15121995@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Научное рассмотрение и изучение сервитута невозможны без обращения к его генезису, понимание причин которого позволяет сделать верные и обоснованные выводы для его модернизации в современном гражданском праве России и Вьетнама.*

Целью исследования *является раскрытие предпосылок возникновения сервитутов в римском праве, понятие сервитута, его правовая природа, виды; рассмотрение проблемы рецепции российским и вьетнамским законодательством положений о римском сервитуте, а также выработка de lege ferenda представления о современном подходе к регулированию сервитутных отношений в законодательстве обоих государств и выявление тенденций их развития.*

Задачи. *В рамках исследования поставлены следующие задачи: комплексное изучение генезиса института сервитута в праве России и Вьетнама; сравнение и выявление подходов и тенденций в развитии данного института; предложение тех или иных подходов для модернизации сервитута.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют: формально-юридический метод, исторический метод, философский метод, метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.*

Результаты. *Проведен сравнительно-правовой анализ становления и развития института сервитута по праву России и Вьетнама.*

Вывод. *Становление и развитие института сервитута в России и Вьетнаме основаны на римских представлениях, а также на ряде национальных факторов. Анализируя правовое регулирование сервитутных отношений в современном законодательстве Вьетнама и России, можно сделать вывод о том, что оно далеко от совершенства.*

Ключевые слова: *сервитут; ограниченное вещное право; вещное право; генезис сервитута; право на чужую вещь.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Нгуен Т. Х. Становление и развитие института сервитутов в России и Вьетнаме: проблемы рецепции и толкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 36–50. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-36-50.

Поступила в редакцию 16.04.2022 Принята к публикации 24.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Нгуен Т. Х., 2022

Formation and Development of the Institute of Easements in Russia and Vietnam: Problems of Reception and Interpretation

Thi Hoan Nguyen[1] ✉

[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrunskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: nguyenthihoan15121995@gmail.com

Abstract

Relevance. *Scientific consideration and study of the easement is impossible without referring to its genesis, understanding the reasons for which allows us to draw correct and reasonable conclusions for its modernization in modern civil law of Russia and Vietnam.*

The purpose *of the study is to reveal the prerequisites for the emergence of easements in Roman law, the concept of easement, its legal nature, types; to consider the problem of reception by Russian and Vietnamese legislation of provisions on Roman easement, as well as to develop de lege ferenda ideas about the modern approach to the regulation of easement relations in the legislation of both states and identify trends in their development.*

Objectives. *Within the framework of the research, the following tasks are set: a comprehensive study of the genesis of the institute of easement in the law of Russia and Vietnam; comparison and identification of approaches and trends in the development of this institute; the proposal of various approaches for the modernization of the easement.*

Methodology. *The methodological basis of the research consists of: the formal legal method, the historical method, the philosophical method, the method of analysis, synthesis and the comparative legal method.*

Results. *A comparative legal analysis of the formation and development of the institute of easement in the law of Russia and Vietnam is carried out.*

Conclusions. *The formation and development of the institution of servitude in Russia and Vietnam are based on Roman ideas, as well as on a number of national factors. Analyzing the legal regulation of servitude relations in the modern legislation of Vietnam and Russia, we can conclude that it is far from perfect.*

Keywords: *easement; restriction of property rights; real right; the genesis of an easement; property rights in foreign things.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nguyen T. H. Formation and Development of the Institute of Easements in Russia and Vietnam: Problems of Reception and Interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 36–50. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-36-50.

Received 16.04.2022 Accepted 24.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Одним из основных направлений реформы российского гражданского законодательства в настоящее время является модернизация правового института сервитута. С принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» началась реформа вещного права. Однако несложно заметить, что новеллы об ограниченных вещных правах, в частности положения о сервитуте в первой части Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), остались без внимания российского законодателя.

Вопросы становления и развития сервитута в России нашли широкое отражение в трудах российских ученых, таких как А. В. Копылов, И. А. Емелькина,

Е. А. Суханов и др. В числе вьетнамских ученых, непосредственно изучавших данный вопрос, можно выделить Nguyễn Minh Oanh (Нгуен Минь Оань), Phạm Công Lạc (Фам Конг Лак), Nguyễn Ngọc Điện (Нгуен Нгок Дьен). Тем не менее до сих пор отсутствуют какие-либо фундаментальные сравнительно-правовые исследования по анализу становления и развития института сервитута в российском и вьетнамском праве. Научное рассмотрение сервитута и его изучение невозможны без обращения к его генезису, при понимании причин которого можно сделать выводы для его модернизации в современном гражданском праве России и Вьетнама, соответственно тема настоящей статьи представляется актуальной.

Методология

Для достижения поставленной цели методологическую основу настоящего исследования составили: формально-юридический метод, исторический метод, философский метод, метод анализа и синтеза. Центральное место в исследовании занимает сравнительно-правовой метод, позволяющий автору сделать объективные заключения о целесообразности применения тех или иных подходов.

Результаты и их обсуждение

Исторические истоки института сервитута (лат. servitutes) лежат в древнем римском частном праве, где сервитут был первоначально единственным jus in re aliena [1, с. 381] – правом на чужую вещь. Толчком к возникновению и последующему применению сервитута в Древнем Риме послужила потребность сельскохозяйственного производства на земельных участках. При разделении общей собственности у некоторых земельных участков не было выхода на дорогу либо же они были лишены воды и других естественных благ, вследствие чего их нельзя было эксплуатировать [2, с. 14].

Под земельным сервитутом в римском праве понималось вещное право на чужой участок для пользования им [3, с. 7; 4, с. 183]. Согласно представлению, данному римским юристом Ульпианом: «*ideo autem hae servitutes praediorum appellantur, quoniam sine praediis consitui non posunt: nemo enim potest servituten adquirere vel urbani vel rustici praedii, nisi qui habet praedium*» – сервитуты суть обременение какого-либо земельного участка и предназначение для пользы чужого земельного участка (D.8.4.1§1.)[1]. Таким образом, земельные сервитуты, сущностно являясь вещным правом, неразрывно были связаны с земельным участком, вследствие чего требуется наличность господствующего (praedium dominant) и служащего участка (praedium serviens).

Важно подчеркнуть, что только собственники соседних участков были управомочены на установление сервитутов (D.8.4.6). Сособственники в общей собственности должны выражать согласие на установление сервитута в отношении принадлежащей им вещи, без их согласия нельзя установить сервитут (D.8.4.18). На стороне сервитуария могли выступать также и эмфитевт, и суперфициарий на время существования своих прав (D.8.1.16). Добросовестные владельцы также могли установить сервитут и рассматриваться в этом плане как имеющие на это право, как и собственники [2, с. 29].

В римском праве сервитуты классифицировались на личные (servitutes personarum) и вещные (servitutes praediorum), а последние – на сельские и городские сервитуты [5, с. 350]. Римский сервитут характеризовался следующим правилом: servitus in faciendo consistere nequit (D.8.1.15.§1), что означало, что сервитут не может создать для управомоченного лица возможности требовать от собственника служащего участка совер-

[1] Здесь и далее таким образом цитируются Дигесты Юстиниана. См.: Дигесты Юстиниана. Т. 2, кн. 5–11: [пер. с лат.] / отв. ред. Л. Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 300–385.

шения положительных действий. Исключением из данного правила был сервитут oneris ferendi (D. 8.2.33; D. 8.5.6. §2; D. 8.5.8. §2) [6, с. 412].

Рассмотрим становление и развитие института сервитута по праву Вьетнама: необходимо отметить, что рецепция римской модели сервитута произошла не сразу. Становление и развитие сервитута во Вьетнаме тесно связано со своими историческим развитием и хозяйственными потребностями, а также с влиянием Китая, Франции и СССР, что несложно заметить при анализе феодального периода, периода французской колонизации и современного периода соответственно.

Феодальный период Вьетнама не связан как-либо с римским правом, поскольку в этот период законодательство во Вьетнаме являлось непосредственным копированием положений права Китая, т. е. следовало восточной традиционной правовой системе. Для этой правовой системы характерно законодательство, защищающее интересы лишь определенных слоев (королей, дворян, помещиков) и отсутствие деления права на отрасли, а также наличие концепции смешения гражданского и уголовного права [7, с. 116; 8]. Поэтому нормы, посвященные вещном праву, закреплялись не в Гражданском кодексе (который на этот момент еще не известен Вьетнаму), а в *Уголовном Кодексе Ле* (Luật hình triều Lê) [9] – самом модернизированном Кодексе Вьетнама, разработанном в XV в. династии Ле [10, с. 243]. В параграфе 174 Hồng Đức thiện chính thư (Хонг Дык Тхьен Чинь Тхы) установлено, что «Собственник земли, прудов и садов, окружающих государственную землю, должен уступить от части своей собственности, необходимой для строительства дорог и переулков, позволяющих осуществлять въезд и выезд с территории порабощенных земель, прудов и садов, и не должен препятствовать таким передвижениям. О нарушителях этого положения должно быть сообщено властям для задержания, с тем чтобы доступ к захваченной земле не был затруднен, и такая земля не должна оставаться необработанной» [11; 12; 13, с. 542].

В период ***французской колонизации Вьетнама*** (с 1884 по 1945 г.) сервитут возник изначально при вынужденном применении французского законодательства. Для Вьетнама того времени было характерно применение гражданского законодательства дифференцированно в зависимости от территории. Вьетнам того времени разделен на 3 зоны (северную, центральную и южную), в которых применяется разный ГК. На Севере Вьетнама Bộ dân luật thi hành tại các toà Nam án Bắc Kỳ (ГК протектората Тонкин (Северного округа)) был обнародован 30.03.1931 г. и вступил в силу в 01.07.1931 г.[1] (далее – ГК 1931 г.). В Центральном округе был обнародован Hoàng Việt Trung Kỳ Hộ Luật (ГК протектората Аннам (Центрального округа)) 13.07.1936 г.[2] (далее – ГК 1936 г.). Нормы, посвященные сервитуту, располагались в ст. 602–640 раздела II подраздела IV главы I ГК 1931 г. и в ст. 629–675 раздела III, подраздела V, главы I-IV ГК 1936 г. В основном подход к регулированию сервитутных отношений в ГК 1931 г. и ГК 1936 г. оставался неизменным, по большей части копируя положения ГК Франции 1804 г., вследствие чего положения о сервитуте в праве Вьетнама в период французской колонизации строятся по образцу римского сервитута, поскольку французская система вещных прав основана по большей части на положениях римского права [14, с. 203].

[1] См.: Dân luật thi hành tại các tòa Nam án Bắc Kỳ = Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin. Hà Nội.: Imprrimerie Ngo Tu Ha, 1931. TR. 107-115. URL: http://fdvn.vn/wp-content/uploads/2019/12/luu-ban-nhap-tu-dong-1-2.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

[2] См.: Hoàng Việt Trung Kỳ hộ luật = Code Civil De L'annam. – Huế.: Imprimerie Tiêng Dân. 1944. 421 tr. URL: http://sach.nlv.gov.vn/sach?a=d&d=tdImtr1944 (дата обращения: 14.03.2022).

В правовой науке Вьетнама наиболее распространенное *определение сервитута* дано известным ученым-правоведом данного периода – Vũ Văn Mẫu (Ву Ван Мау): «под сервитутом понимается право сервитуария на недвижимость, заключающееся в получении благ из недвижимого имущества другого, как, например, право прохода или право получать воду из чужого участка. Согласно ст. 602 ГК 1931 г., ст. 629 ГК 1936 г. «сервитут представляет собой обременение одного недвижимого имущества (господствующая вещь) в отношении (в пользу) другого недвижимого имущества (служащая вещь)». Из данного определения вытекают некоторые конститутивные признаки сервитута. Прежде всего следует отметить, что он имел вещно-правовой, а не обязательственный характер. К тому же это вещное право действовало в отношении чужого недвижимого имущества, следовательно, по сравнению с правом собственности он всегда имел ограниченное содержание. Вместе с этим сервитут – вещное право, поэтому он не прекращается при смерти его субъекта, а продолжается при переходе объекта сервитута (право следования).

В качестве *субъекта* сервитута мог выступать прежде всего собственник земельного участка (ст. 602 ГК 1931 г.). Среди *объектов* выделяется недвижимое имущество, которое принадлежит разным собственникам: одна из недвижимостей является обремененной сервитутом, а другая – в пользу которой установлен сервитут. Однако данные правила применяются в строгом (узком) смысле и не применяются, когда, например, один из собственников становится собственником другого участка.

Итак, можно сказать, что вьетнамский правопорядок в период французской колонизации унаследовал конструкцию сервитута, переняв его из римского права и сохранив его особенности. Тем не менее говорить о полной рецепции римского сервитута не приходится ввиду того, что виды сервитутов после проведенной рецепции не разграничены на земельный и личный сервитут. Земельный сервитут в законодательстве Вьетнама того времени закреплен в качестве самостоятельного ограниченного вещного права, отличного от личного сервитута. Данный подход объясняется «отсутствием в сервитуте правомочия владения и, наоборот, наличием его в составе личного сервитута, а также возможностью возложения на обладателя личного сервитута бремени имущества» [14, с. 143].

Кроме вышеизложенного, разработаны еще положения о земельном сервитуте, установленном законом (законный сервитут), который не был известен римскому праву[1]. Законный сервитут устанавливается для общественных интересов или интересов частных лиц (ст. 612–628 ГК 1931 г.). К сервитутам первого типа относились: право прохода к государственным рекам, озерам; право строительства или ремонт дорог, дамб или других общественных сооружений. К сервитутам последнего типа относились те, которые собственник может осуществлять в пределах своего земельного участка и не нарушать права собственника прилегающих участков.

В отношении данного сервитута закон не предъявлял никаких специальных требований к субъекту. Однако руководствуясь буквальным смыслом нормы, содержащейся в ст. 613 ГК 1931 г., представляется, что субъектом данного сервитута является неопределенное лицо, а объект сервитута в данном случае не требует наличия господствующего и служащего участка, что идет вразрез с классическими представлениями и напоминает публичный сервитут в российском Земельном кодексе. На наш взгляд, право-

[1] В римском праве единственный сервитут, возникающий непосредственно по предписанию закона – узуфрукт (так называемый ususfructus lagalis). См.: Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. П. Кн. 3. СПб., 2005. С. 437.

вая регламентация последнего рассматривается в период французской колонизации Вьетнама как ограничение права собственности, поскольку ограничения строго определяются законом (ст. 612–614 ГК 1931 г.), не требуют наличия господствующего и служащего участка для установления и не являются самостоятельным субъективным правом. В этом случае речь идет только о том, чтобы налагать на землевладельцев обязанности претерпевать некоторые неудобства со стороны государственных и местных органов, а также действия, которые допускаются нормами закона о соседском праве (ст. 615–628 ГК 1931 г.).

Что *касается сервитутов, установленных соглашением сторон*, согласно ст. 629 ГК 1931 г. и ст. 664 ГК 1936 г. собственникам разрешается устанавливать любые сервитуты на своих земельных участках, при условии, что устанавливаемые сервитуты *не возлагались ни на лицо*, ни в пользу лица, а *исключительно на господствующий земельный участок* и для земельного участка с условием, что они не противоречили императивным нормам. Итак, очевидно, что сервитут мог возникать по воле (свободе) сторон. Из этого видно, что данная регламентация представляла собой аналог римского принципа *servitus in faciendo consistere nequit* (сервитут не может создавать для управомоченного лица возможности требовать от собственника служащего участка совершения положительных действий) (D.8.1.15.§1), однако исключение этого правила не известно ГК 1931 г. и ГК 1936 г.

Для установления данного сервитута требуется наличие правоустанавливающего документа. Для третьих лиц обременения должны записываться в вотчинную книгу. В случае если сервитут установлен на 2 земельных участках, принадлежащих одному лицу, при продаже одного из них третьему лицу и отсутствию в договоре прямого указания на сохранение сервитута последний прекращается (ст. 630 ГК 1931 г.). Следовательно, ст. 630 ГК 1931 г. допускает установление сервитута на земельные участки, принадлежащие одному лицу. Данные регламентации отошли от римских начал, где сервитут не мог устанавливаться на два земельных участка, принадлежащих одному лицу, т. к. сервитут – ограниченное вещное право лица именно на чужую вещь.

В ***современном праве Вьетнама*** становление и развитие института сервитута тесно связано с *влиянием СССР*. Современная правовая система Вьетнама (с 1945 г. по настоящее время) появилась в теснейшей связи с образованием нового независимого государства – Демократическая Республика Вьетнам (на сегодняшней день – Социалистическая Республика Вьетнам (далее – СРВ)) [15, с. 12]. После этого для обеспечения управления страной президент Хо Ши Мин подписал Указ № 03/SL[1], разрешающий временное использование некоторых действующих законов в регионах Севера, Центра и Юга (на территории любого из них) до принятия единых законов в стране, если данные законы не противоречат независимости Вьетнама и правления демократической республики. 22 мая 1950 г. президент Hồ Chí Minh (Хо Ши Мин) подписал множество указов, включая Указ № 97/SL[2], в результате чего все ГК, выпущенные в период французской колонизации, отменены.

[1] Sắc lệnh số 03/SL về giữ nguyên các luật lệ hiện hành ở Bắc, Trung và Nam bộ do Chính Phủ lâm thời ban hành. URL: https:// thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-03-SL-giu-nguyen-luat-le-hien-hanh-Bac-Trung-Nam-bo-22523.aspx (дата обращения: 14.03.2022).

[2] Sắc lệnh số 97/SL về việc sửa đổi một số quy lệ và chế định trong dân luật do Chủ tịch Chính phủ Việt nam Dân chủ cộng hoà ban hành. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Sac-lenh-97-SL-sua-doi-quy-le-che-dinh-dan-luat-36573.aspx (дата обращения: 14.03.2022).

Конституция 1959 г. вступила в силу, провозгласив преобразование социально-экономического положения на Севере и признав право частной собственности гражданина. Тем не менее законодательство Вьетнама шло под сильным влиянием механизма централизованного планирования Советского Союза и по большей части являлось заимствованием законодательства СССР. Сервитутные отношения в законодательстве и в цивилистической доктрине Вьетнама практически игнорировались по причине исторических, экономических и политических условий того времени.

При распаде СССР в 1988–1991 гг., а также перед лицом новых хозяйственно-практических потребностей во второй половине 1980-х гг. Вьетнам вступил в период обновления. Было издано множество законодательных актов в сфере гражданского законодательства. Большую роль при становлении и развитии института сервитута в законодательстве Вьетнама сыграло принятие Конституции 1992 г., в которой закрепляется инновационное направление социально-экономического развития, установившее экономическую ориентацию в соответствии с рыночным механизмом, также разделение форм собственности (государственная и частная) (ст. 15, 58).

Помимо социалистического характера в ГК Вьетнама добавлены некоторые наработки из зарубежных стран романо-германской правовой семьи (Франция, Германия), что приводит к «смешанному» характеру правовой системы Вьетнама в настоящее время – социалистическая правовая система с влиянием романо-германской правовой семьи. Данный феномен и является причиной массовых противоречий и алогизмов при регулировании сервитутных отношений в законодательстве Вьетнама. Поскольку социалистическая система и романо-германская правовая система основаны на разных идеологиях. Первая – на идеологии марксизма-ленинизма (следовательно, средства производства принадлежат всему народу, равным образом и право частной собственности на землю отсутствует [16, с. 23]), а вторая – на концепции естественных прав человека и, соответственно, признании права частной собственности на землю (ст. 873 ГК Германии, ст. 552 ГК Франции).

Смешанная правовая система вместе с отсутствием положений о сервитуте в законодательстве Вьетнама (с 1950 г. по 1995 г.), а равным образом и отсутствие серьезных цивилистических исследований в доктрине привели к «нестыковке» в регулировании сервитутных отношений во Вьетнаме. Сервитут во вьетнамском законодательстве на данный момент существует при отсутствии института частной собственности на землю[1]. Отсюда возникает вопрос: рассматривается ли сервитут в законодательстве Вьетнама как ограниченное вещное право? Поскольку, по сути, «ограниченное вещное право представляет собой право на чужую вещь, уже присвоенную другим лицом – собственником» [3, с. 130]. Ответ на данный вопрос не получил отражения в правовой науке Вьетнама. Кроме этого, также возникает проблема юридической техники построения института сервитута, зародившегося в древнеримском праве и основанном на почве частной собственности. При прямом копировании такая техника не может сама приспособиться к режиму общенародной собственности на землю.

[1] Article 53 of The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam 2013: "Land, water resources, mineral resources, resources in the sea and airspace, other natural resources, and property managed or invested in by the State are public property, owned by all the people, and represented and uniformly managed by the State". URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-nam-2013-215627.aspx (дата обращения: 23.03.2022).

Доказательство, приведенное в защиту такого вывода: ГК 1995 г.[1] (первый ГК СРВ) был обнародован 28 октября 1995 г. и содержал 838 статьи, среди которых (в ст. 278) закреплено право на ограниченное использование соседнего земельного участка (сервитут). Спустя 10 лет применения ГК 1995 г. был изменен и дополнен в 2005 г.[2] 777 статьями, однако положения о сервитуте в ГК 2005 г., в целом, не изменились. В указанном ГК СРВ отошли от вещно-правовой природы сервитута, что и привело к возникновению некоторых недостатков: так, например, в данном ГК сервитут закреплен в главе XVI «Другие регламентации о праве собственности», соответственно, он представляется лишь правом, касающимся права собственности, а не самостоятельным ограниченным вещным правом. Однако, как известно, сервитут, наряду с правом собственности, самостоятельное вещное право, а не разновидность первого.

Принимая во внимание положительный опыт зарубежных правопорядков, таких как Германия и Франция, ГК 2015 г.[3] был утвержден XIII Национальным собранием 24 ноября 2015 г. и вступил в силу с 1 января 2017 г., при этом претерпев многочисленные и существенные изменения по сравнению с ГК 2005 г. Нормы о сервитуте были наиболее полным образом закреплены в отдельной главе ГК 2015 г. СРВ (ст. 245–256). По сравнению с римским правом в ГК 2015 г. СРВ сервитут не разграничен на земельный и личный сервитут. Земельный сервитут закреплен в ГК 2015 г. под названием «право на смежное недвижимое имущество». Тем не менее данный термин признан не всеми вьетнамскими цивилистами. Большинство не было согласно с применением данного термина и предлагало применять термин «сервитут» (Nguyễn Minh Oanh [17, с. 218–219], Dương Đăng Huệ [18, с. 4], Phạm Công Lạc [19, с. 102]), а другие – с этим мнением не согласны – Đỗ Văn Đại [20], Nguyễn Ngọc Điện [21]. Данный вопрос остается предметом спора.

Также в качестве *доказательства противоречивости и неясности* в отношении правовой природы сервитута по вьетнамскому праву приводится следующий пример: в ГК 2015 г. СРВ содержится грубейшая ошибка, неоднократно повторяющаяся использованием термина *«собственник недвижимого имущества»* (так, например, в ст. 252, 253, 254, 255 ГК 2015 г. СРВ), однако в ст. 53 Конституции 2013 г. и ст. 4 ЗК 2014 г. Вьетнама не признано права частной собственности на землю, во вьетнамском праве признается только термин «землепользователь». Несомненно, данная ошибка является следствием прямого заимствования правовых традиций зарубежных стран, а не развития собственных национальных особенностей, вследствие чего возникают проблемы в практике правоприменения. Более того, ст. 246 ГК СРВ предусматривает, что само естественное месторасположение участков служит *основанием для возникновения* сервитута. Неясно, является ли данная норма следствием ошибки законодательной техники или же осознанно допускает противоречие. Известно, что основанием возникновения гражданских правоотношений является лишь юридический факт. В этой связи возникает необходимость в значительной степени разработки теоретических основ и корректировки юридических терминологий для современного сервитутного права Вьетнама.

[1] Bộ luật Dân sự của nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam № 44-L/CTN от 28.10.1995 г. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-Dan-su-1995-44-L-CTN-39391.aspx (дата обращения: 15.03.2022).

[2] Bộ luật Dân sự № 33/2005/QH11 от 14.06.2005 г. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-Dan-su-2005-33-2005-QH11-2463.aspx (дата обращения: 15.03.2022).

[3] Bộ luật Dân sự № 91/2015/QH13 от 24.11.2015 г. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx (дата обращения: 15.03.2022).

В целях сравнительно-правового анализа обратимся к российскому правопорядку. В отличие от вьетнамского права идея классификации сервитутов реципирована российским ***дореволюционным правом*** вследствие распространения пандектного учения известными российскими учеными-правоведами (И. А. Покровский, Е. В. Васьковский и др.), получившими западноевропейское образование. Однако становление и развитие сервитута в России основано не только на реципированных положениях римской идеи, но и на национальных институтах, которые создаются под влиянием реальных жизненных потребностей. Так, исторически в России долгое время сохранялась общинная форма землепользования и отсутствие мелкой поземельной собственности, при которой естественным образом не появлялось экономической почвы для развития сервитутного права [22, с. 12].

Первые систематизации сервитута были построены, основываясь на Своде законов гражданских Российской империи[1] (далее – Свод законов), в котором точное определение сервитута не было установлено и категория «ограниченных вещных прав» ему также не была известна. Наиболее распространенное определение сервитута в дореволюционной цивилистической доктрине представлялось следующим образом: «Сервитут – это вещное право пользования чужим имуществом в каком-либо определенном отношении, не обязывающее собственника к положительным действиям» [23, с. 216–221].

В соответствии со Сводом законов право собственности и другие вещные права не были разграничены. Существовало их деление на основании содержания, вытекающего из права собственности, вследствие чего выделялось право собственности полное и неполное. Соответственно, в нем выделена вторая глава части I тома X, посвященная положениям «О праве собственности неполном». К ней относился раздел «О праве участия в пользовании и выгодах чужого имущества», состоящий из частей «право участия частного» (ст. 442–451) и «право угодий в чужих имуществах» (ст. 452–466). Данную классификацию сложно переоценить, поскольку она охватывает и другие вещные права, которые являются уникальными: они не только четко отграничены от других прав по объему правомочий, но и имеют свое значение и свою конкретную среду применения.

Вопрос о соотношении сервитута с правами угодий в чужих имуществах и правами участия частного был *дискуссионным*. Одни авторы не были согласны с тем, что права угодий следует отнести к сервитутам (К. П. Победоносцев, В. И. Курдиновский) [24, с. 471; 25, с. 247–276], а другие придерживались позиции, что права угодий относятся к сервитутам (В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич, К. А. Неволин, Ю. С. Гамбаров) [23, с. 220; 26, с. 315–320]. Некоторые ученые полагали, что права участия частного – это сервитут (Н. Л. Дювернуа, А. Х. Гольмстен, К. П. Победоносцев), а другие согласны с тем, что это ограничение права собственности законом в соседских интересах (Д. И. Мейер, Г. Ф. Шершеневич, Е. В. Васьковский, В. И. Синайский) [26, с. 315–320; 27, с. 7]. Часть авторов утверждали, что права участия частного ближе к законному (принудительному) сервитуту, являющемуся промежуточным звеном между договорными сервитутами и ограничениями права собственности [2, с. 44].

По нашему мнению, права участия частного, устанавливаемые в силу закона, закрепленные в ст. 448–451, состоящие из положительных дорожных сервитутов, являлись особой разновидностью сервитутного типа – легальный (принудительный) сервитут. Права участия частного отличаются от сервитута в римском праве лишь основанием возникновения. Данное заключение также подтверждено и решением 1910 г. № 8 [27, с. 14].

[1] Свод Законов Российской империи. Том X. URL: http://civil. consultant.ru/code/ (дата обращения: 14.03.2022).

Права участия частного, устанавливающиеся соглашением заинтересованных владельцев, закрепленные в ст. 442–447 ч. 1 т. X, это законное ограничение права поземельной собственности в интересах соседей, которое не является сервитутным правом. Данная точка зрения поддерживалась Д. И. Мейером, Г. Ф. Шершеневичем, Е. В. Васьковским, В. И. Синайским, Копыловым, А. М. Гуляевым. Поскольку они не давали соседям никаких самостоятельных прав на чужой земельный участок, а только стесняли собственника такого участка в осуществлении определенного права [28, с. 292] (например: запрет лить воду, сметать сор на двор соседа или делать скат кровли своей на двор соседа), они не выходили за пределы правомочий, принадлежащих им права собственности, равным образом у них нет права участия в выгодах чужого имущества, а только являлись проявлением права собственности [29, с. 180], а не самостоятельно jus in re aliena.

Два вида права угодий в чужих имуществах упоминались в ст. 452 ч. 1 т. X Свода законов: право въезда для пользования лесами; право звериных и других промыслов в чужих дачах. В дореволюционном периоде они существовали в ограниченном виде, что означает, что владелец земли, не имея права на собственную землю, мог пользоваться лишь определенными выгодами от нее. Например, «он не мог воспрепятствовать определенным лицам рубить лес на его участке на дрова или для строительства, заготавливать сено на его лугах, заниматься пчеловодством, бобровым гоном, рыбной ловлей, охотой и другими промыслами в его лесах» [4]. Итак, права третьих лиц на эти угодья представляются правами на чужой земельный участок и по своей природе им отнесены к jus in re aliena, составляя типичную группа прав в Московской Руси под названием угодий.

Следовательно, гражданскому законодательству России того времени, безусловно, был известен институт земельного сервитута, который берет свое происхождение еще от римского частного права.

Дальнейшее развитие институт сервитута в России получил при активизации разработки ограниченных вещных прав как в законодательстве, так и в цивилистической науке в XIX в., в результате чего был разработан проект Гражданского уложения (далее – Проект ГУ), в котором видится развитие института сервитутов. В отличие от Свода законов, в Проекте ГУ были представлены нормы, посвященные поземельному (ст. 1005–1018) и личному сервитуту (ст. 1019–1028), а также общие положения о сервитуте (ст. 994–1104) в третьей книге «Вотчинное право» раздел IV «Вотчинное право в чужом имуществе» [30]. Определение сервитута впервые установлено в ст. 994 Проекта ГУ: «Сервитут (право участия частного и право угодий) есть такое право в чужом имении, которое налагало на собственника этого имения обязанность что-либо претерпевать или что-либо не делать». Дополнение к определению ст. 994 в ст. 995 указывает, что «сервитут, установленный в пользу определенного недвижимого имения, именуется поземельным сервитутом; установленный в пользу определенного лица, физического или юридического, именуется личным сервитутом».

Итак, с рецепцией римского сервитута в ст. 994 Проектом ГУ дана правовая природа сервитута – вещное право, которое поделено на поземельный и личный сервитут. Поземельный сервитут рассматривается в рамках положительных и отрицательных и не может заключаться в обязанности собственника обремененного имения совершать известные действия. Данные регламентации о сервитуте, заложенные в Проекте ГУ, построены на классических римских постулатах. Поземельный сервитут рассматривался в дореволюционном праве России в качестве самостоятельного вещного права наряду с личным сервитутом. Проектом

ГУ детально регламентирован сервитут, что свидетельствует о глубоком понимании российскими учеными сущности данного института, что вполне логично в условиях экономической востребованности освобождения крестьян из крепостной зависимости, в результате чего возникали мелкие хозяева-собственники и также произошел распад крупных имений на мелкие. К сожалению, по известным историческим причинам положения проекта ГУ так и не были утверждены Николаем II и не приобрели законную силу.

В ***советский период*** преемственность римского сервитута стала отрицаться, и научные изыскания в указанной сфере не проводились, поскольку в то время земля была национализирована, т. е. изъята из оборота. Согласно ст. 21 в ГК РСФСР 1922 г.[1] вся земля являлась достоянием государства, т. е. «стала объектом собственности, но только государственной» [3, с. 18]. В ГК РСФСР 1922 г. был введен раздел «Вещное право», но положения о сервитуте не были закреплены. Совершенно очевидно, что даже если бы они и были закреплены, то в условиях нового экономического уклада остались бы неприменимыми. Категория вещных прав была изъята из советского законодательства в 1948 г. и в начале 1960-х гг. Вслед за ними ни в ГК РСФСР 1964 г.[2], ни в Основах 1961 и 1991 гг. сервитут закреплен не был вплоть до принятия Закона РСФСР «О собственности в РСФСР».

С принятием части первой ГК РФ 21 октября 1994 г.[3] институт земельного сервитута был возрожден, а нормы, посвященные правовому регулированию сервитутных отношений, закреплены в ст. 274–277 ГК РФ. Прототипом данного jus in re aliena является римский servitutes praediorum, однако развитие этого института в ГК РФ не было столь значительным, как в Риме. *Подтверждением* сказанному является следующее: скудные по своему содержанию положения о (частном) сервитуте (сервитут упоминается всего в четырех статьях ГК РФ); отсутствие регламентаций подробным образом возможных видов сервитутов; определение сервитута строится через цели установления, а не посредством четкого определения юридической природы сервитута. По сравнению с римским servitutes praediorum сервитут в ГК РФ обладает двумя существенными отличиями: принудительно сервитут устанавливается при наличии объективной необходимости по иску заинтересованного лица и возмездным характером пользования сервитуария служащим земельным участком [2, с. 12]. Наряду с (частным) сервитутом в российском законодательстве существует еще публичный сервитут (ст. 23 ЗК РФ) и квазипубличный сервитут (гл. V.3 ЗК РФ) [31, с. 55]. По мнению большинства российских ученных, таких как А. В. Копылов [2, с. 66], Е. А. Суханов [3, с. 207], И. А. Емелькина [4, с. 149], публичный сервитут не может относиться к категории jura in re aliena, известному римскому частному праву, и ничего общего между ними нет.

Исходя из этого, одним из основных направлений реформы гражданского законодательства России является модернизация правового института сервитута. В законопроекте № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Законопроект)[4] предлагается исключить из ЗК РФ положения о публичном сервитуте, а вместо него заложить в ГК РФ положения об ограничении права

[1] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71, ст. 904.

[2] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

[4] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 47538-6/5 (во втором чтении, актуальное состояние, решением Совета от 6 декабря 2019 г. рекомендован к опубликованию в целях обсуждения). URL: https:// www.consultant.ru/ (дата обращения: 14.03.2022)

собственности в публичных интересах и в интересах соседей (ст. 295–295.2), прописать определение сервитута по его природе и подробным образом регламентировать виды (частных) сервитутов (ст. 301–301.10). Как отмечается И. А. Емелькиной, предлагаемые поправки в Законопроекте о вещном праве основаны на общепризнанных классических постулатах и представляются вполне обоснованными и востребованными [14, с. 23]. Нормы сервитутных прав должны быть системно урегулированы, сосредоточены в отраслевом (гражданском) законодательстве и стройно согласованы с общими положениями ГК РФ о сервитуте. Однако до сих пор они не вошли в конечную версию принятого на основе данного законопроекта закона, необходимо дальнейшее обсуждение в научном сообществе.

Выводы

Резюмируя проведенный анализ, можно сделать следующие выводы:

1. Становление института сервитута в законодательстве России и Вьетнама в основном опирается на римское частное право. В процессе его развития учтен ряд национальных факторов: экономический, идеологический и политический.

2. Правовое регулирование сервитутных отношений в законодательстве Вьетнама и России еще далеко от совершенства и нуждается в проведении систематичных и обоснованных изменений в действующем законодательстве обоих государств. Принимая во внимание предложенные поправки в законопроект России, полагаем, что они успешно могут быть применимы во вьетнамской правовой практике.

Список литературы

1. Василевская Л. Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву = Die Lehre von Dinglichen Rechtsgeschäften nach deutschem Recht. М.: Статут, 2004. 538 с.

2. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М.: Статут, 2000. 255 с.

3. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

4. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1, ч. 2: Вещное право / отв. ред. А. Ф. Мейендорф. 6-е изд. СПб.: Гос. тип., 1905. 364 с.

5. Покровский И. А. История римского права. М.: Статут, 2004. 540 с. (Серия: Классика российской цивилистики).

6. Барон Ю. Система римского гражданского права: в 6 кн. Кн. 3. СПб.: Юрид. центр. пресс, 2005. 1102 с.

7. Vũ Văn Mẫu. Cổ luật Việt Nam thông khảo và tư pháp sử. Quyển thứ nhất. Tập nhất. Sai Gon, 1974. 269 tr.

8. Ngô Huy Cương. Sự ảnh hưởng của pháp luật Pháp tới luật tư ở Việt Nam (The Impact of French Laws on Private Law in Vietnam) // Tạp chí Nghiên cứu Lập pháp. 2016. No. 12. TR. 95–115.

9. Nguyễn Ngọc Nhuận, Nguyễn Tá Nhí. Quốc triều hình luật: Luật hình triều Lê. Hà Nội.: Tư pháp, 2013. 358 tr.

10. Nguyễn Thị Dung. Lê Thị Sơn. Quốc Triều hình luật lịch sử hình thành, nội dung và giá trị: sách chuyên khảo. Hà Nội: Khoa học Xã hội, 2004. 463 tr.

11. Nguyen Si Giac, Vu Van Mau. Hong-duc Thien Chinh Thu (Book of Good Government of the Hong Duc Period). Saigon, Nam-ha An-quan, 1959.

12. Lan Quoc Nguyen. Traditional vietnamese law-the le code and modern united states law: a comparative analysis // Hastings international and Comparative Law Review. 1989. Vol. 3, no. 1. P. 141–177.

13. Ta Van Tai. Vietnam's Code of the Le Dynasty (1428–1788) // The American Journal of Comparative Law. 1982. Vol. 30, is. 3. P. 523–554.

14. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 416 с.

15. Май Ван Тханг. Современная правовая система Вьетнама и проблемы ее модернизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010. С. 12.

16. Lê Hồng Hạnh. Bản chất pháp lý của quyền sử dụng đất trong pháp luật Việt Nam // Dân chủ và Pháp luật. Bộ Tư pháp. No. 8. 2017. TR. 22–25.

17. Nguyễn Minh Oanh. Vật quyền trong pháp luật dân sự Việt Nam hiện đại: Sách chuyên khảo. Hà Nội: Công an nhân dân, 2018. 382 c.

18. Dương Đăng Huệ. Nên sử dụng khái niệm vật quyền trong Bộ luật dân sự // Tạp chí Nghiên cứu lập pháp (Số chuyên đề Góp ý hoàn thiện Dự thảo Bộ luật dân sự (sửa đổi). Tháng 07/2015. Số 13 (293).

19. Phạm Công Lạc. Quyền sử dụng bất động sản liền kề: Sách chuyên khảo. Hà Nội.: Nxb. Tư pháp, 2006. 315 tr.

20. Đỗ Văn Đại. Vật quyền bảo đảm: kinh nghiệm của nước ngoài cho việt nam // Tạp chí khoa học pháp lý Việt Nam. 2015. Số 01(86). TR. 57–65.

21. Nguyễn Ngọc Điện. Những vấn đề cần đặt ra khi xây dựng quy định về quyền sở hữu và các vật quyền khác trong Dự thảo Bộ luật dân sự (sửa đổi) // Dân chủ và Pháp luật. Số chuyên đề Sửa đổi, bổ sung BLDS. 2015, TR. 61–70.

22. Калиничев А. В. Земельный сервитут в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

23. Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. I: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Киев: Типо-литография «Прогресс», 1917. 330 с.

24. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. СПб.: Синодальная тип., 1896. 745 с.

25. Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса: Экономическая тип., 1899. 387 с.

26. Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 2. М.: Статут, 2006. 416 с.

27. Ельяшевич В. Б. Право участия частного и его защита // Вестник гражданского права. СПб., 1914. № 2. С. 18–35.

28. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1914. Т. I. 483 с.

29. Гуляев А. М. Русское гражданское право. 4-е изд., пересм. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 650 с.

30. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Книга третья: Вотчинное право / сост. А. Л. Саатчиан, И. М. Тютрюмов. СПб.: Изд. книжного магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. С. 857–881.

31. Нгуен Т. Х. Виды сервитутов и особенности их осуществления в российском и вьетнамском праве // Право и политика. 2021. № 11. С. 43–60. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.11.37024.

References

1. Vasilevskaya L. Yu. Uchenie o veshchnykh sdelkakh po germanskomu pravu [The doctrine of property transactions under German law]. Moscow, Status Publ., 2004. 538 p.

2. Kopylov A. V. Veshchnye prava na zemlyu v rimskom, russkom dorevolyutsionnom i sovremennom rossiiskom grazhdanskom prave [Real rights to land in Roman, Russian pre-revolutionary and modern Russian civil law]. Moscow, Status Publ., 2000. 255 p.

3. Sukhanov Ye. A. Veshchnoye pravo: nauchno-poznavatel'nyy ocherk [Real right: a scientific and educational essay]. Moscow, Status Publ., 2017. 560 p.

4. Dernburg G. Pandekty. T. 1, ch. 2. Veshchnoe pravo [Pandects. Vol. 1. Pt. 2. Real right]; ed. by A. F. Meiendorfa. 6th ed. St. Petersburg, 1905. 364 p.

5. Pokrovskii I. A. Istoriya rimskogo prava [History of Roman Law]. Moscow, Statut Publ., 2004. 540 c.

6. Baron Yu. Sistema rimskogo grazhdanskogo prava. Vyp. P. Kn. 3 [The system of Roman civil law. Is. P. Book 3]. St. Petersburg, Yurid. centr. Press, 2005. 1102 p.

7. Vu Van Mau. Ancient Vietnamese law for reference and judicial history. The first book. Sai Gon, 1974. 269 p. (In Vietnam)

8. Ngo Huy Cuong. The Impact of French Laws on Private Law in Vietnam. *Legislative Studies Journal*, 2016, no. 12, pp. 95–115. (In Vietnam)

9. Nguyen Ngoc Nhuan, Nguyen Ta Nhi. The National Criminal Code of the Le dynasty. Ha Noi, Justice, 2013. 358 p. (In Vietnam)

10. Nguyen Thi Dung, Le Thi Son. The National Criminal Code of the Le dynasty: history of formation, content and value. Hanoi, Social Sciences, 2004. 463 p. (In Vietnam)

11. Nguyen Si Giac, Vu Van Mau. Hong-duc Thien Chinh Thu (Book of Good Government of the Hong Duc Period). Saigon, Nam-ha An-quan, 1959. (In Vietnam)

12. Lan Quoc Nguyen. Traditional vietnamese law-the le code and modern united states law: a comparative analysis. *Hastings international and Comparative Law Review*, 1989, vol. 3, no. 1, pp. 141–177.

13. Ta Van Tai. Vietnam's Code of the Le Dynasty (1428–1788). *The American Journal of Comparative Law*, 1982, vol. 30, is. 3, pp. 523–554.

14. Emel'kina I. A. Sistema ogranichennykh veshchnykh prav na zemel'nyy uchastok [The system of limited real rights to a land plot]. Moscow, Infotropik Media, 2013. 416 p.

15. Mai Van Thang. Sovremennaya pravovaya sistema V'etnama i problemy ee modernizatsii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The modern legal system of Vietnam and the problems of its modernization. Cand. legal sci. abstract diss.]. Stavropol, 2010. 12 p.

16. Le Hong Hanh. The legal nature of the land use right in Vietnamese law. *Democracy and Law Journal = Ministry of Justice*, 2017, no. 8, pp. 22–25. (In Vietnam)

17. Nguyen Minh Oanh. Real rights in modern Vietnamese civil law. Hanoi, People's Public Security, 2018. 382 p. (In Russ.)

18. Duong Dang Hue. The concept of rights in rems should be used in the Civil Code. *Legislative Studies Journal*, 2015, no. 13. (In Vietnam)

19. Pham Cong Lac. Right to use adjacent real estate. Hanoi, Publisher. Justice, 2006. 315 p. (In Vietnam)

20. Do Van Dai. Security rights in rem: foreign experience for Vietnam. *Vietnamese legal science journal*, 2015, no. 01 (86), pp. 57–65. (In Vietnam)

21. Nguyen Ngoc Dien. Issues that need to be resolved when developing provisions on property rights and other property rights in the draft Civil Code. *Democracy and Law Journal*, 2015, pp. 61–70. (In Vietnam)

22. Kalinichev A.V. Zemel'nyi servitut v rossiiskom zakonodatel'stve. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Land easement in Russian legislation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2007.

23. Sinayskii V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. Vyp. I. Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Avtorskoye pravo [Russian civil law. Issue I. General part. Property law. Copyright]. Kiev, Typo-lithograph "Progress", 1917. 330 p.

24. Pobedonostsev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Chast' 1. Votchinnyye prava [Civil law course. Part 1. Patrimonial rights]. St. Petersburg, Sinodal'naya tip., 1896. 745 p.

25. Kurdinovskiy V. I. K ucheniyu o legal'nykh ogranicheniyakh prava sobstvennosti na nedvizhimost' v Rossii [On the doctrine of legal restrictions on property rights to real estate in Russia]. Odessa, Ekonomicheskaya tip., 1899. 387 p.

26. Nevolin K. A. Istoriya rossiyskikh grazhdanskikh zakonov. Ch. 2 [History of Russian civil laws. Part 2]. Moscow, Status Publ., 2006. 416 p.

27. Yel'yashevich V.B. Pravo uchastiya chastnogo i ego zashchita [The right of private participation and its protection]. *Vestnik Grazhdanskogo prava = Vestnik of Civil Law*. St. Petersburg, 1914, no. 2, pp. 18–35.

28. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, Izd. Br. Bashmakovykh, 1914, vol. I. 483 p.

29. Gulyayev A. M. Russkoye grazhdanskoye pravo [Russian civil law]. 4th ed., rev. and additional. St. Petersburg, Typ. M. M. Stasyulevicha, 1913. 650 p.

30. Grazhdanskoe Ulozhenie. Proekt Vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya. Kniga tret'ya. Votchinnoe pravo [Civil Code. The draft of the Most Highly established Editorial Commission for the drafting of the Civil Code. Book Three. Patrimonial law]; comp. A. L. Saatchian, I. M. Tyutryumov. St. Petersburg, Izd. knizhnogo magazina «Zakonovedenie», 1910, vol. 1, pp. 857–881.

31. Nguyen T. Kh. Vidy servitutov i osobennosti ikh osushchestvleniya v rossiyskom i v'etnamskom prave [Types of easements and features of their implementation in Russian and Vietnamese law]. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2021, no. 11, pp. 43–60. https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.11.37024

Информация об авторе / Information about the Author

Нгуен Тхи Хоан, аспирант кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nguyenthihoan15121995@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2839-0173

Thi Hoan Nguyen, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation, e-mail: nguyenthihoan15121995@gmail.com ORCID: 0000-0002-2839-0173

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-51-60

(cc) BY 4.0

Проблемы продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании

Д. А. Пономарев[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: dm418@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Важнейшей задачей, которую необходимо решить при правовом регулировании вопросов наследования имущества, используемого в семейной предпринимательской деятельности, является обеспечение возможности продолжения такой деятельности, в том числе за счет возможной ее трансформации в иные формы. Обосновывается необходимость обеспечения баланса интересов всех заинтересованных лиц, в том числе при продолжении семейной предпринимательской деятельности или ее прекращении на согласованных условиях.*

Цель *состоит в разработке предложений по решению проблем продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании.*

Задачи*: определение прав и обязанностей участников семейного бизнеса при наследовании; формирование моделей разрешения проблем продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании; установление соотношения семейного и наследственного права при ведении семейного бизнеса.*

Методология*. В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, формально-юридический, толкования правовых норм.*

Результаты*. Для успешного осуществления семейной предпринимательской деятельности требуется обеспечить стабильное профессиональное управление ею. В зависимости от сохранения фидуциарных отношений между участниками семейной предпринимательской деятельности возникающие при наследовании проблемы могут решаться двумя способами: согласование перераспределения функций, а при их отсутствии – преобразование деятельности за счет изменения форм ее реализации, порядка принятия решений.*

Вывод*. Решение возникающих вопросов может быть обеспечено за счет заключения между заинтересованными сторонами соглашения, определяющего порядок ведения семейной предпринимательской деятельности, в том числе в случае ее продолжения при наследовании имущества, используемого при осуществлении такой деятельности. Таким соглашением может быть определен порядок преобразования семейной предпринимательской деятельности в случае изменения состава ее участников или принадлежности используемого имущества.*

Ключевые слова*: семья; член семьи; семейное предприятие; семейное предпринимательство; наследник; наследование.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Пономарев Д. А. Проблемы продолжения семейной предпринимательской деятельности при наследовании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 3. С. 51–60. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-51-60.

Поступила в редакцию 18.04.2022 Принята к публикации 27.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Пономарев Д. А., 2022

Problems of the Continuation of Family Entrepreneurship in Inheritance

Dmitrii A. Ponomarev[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: dm418@mail.ru

Abstract

Relevance. *The most important task that needs to be solved in the legal regulation of inheritance of property used in family entrepreneurial activity is to ensure the possibility of continuation of such activity, including through its possible transformation into other forms. The need to balance the interests of all stakeholders, including in the continuation of family business or its termination on agreed terms is justified.*

The purpose *is to develop proposals for solving the problems of the continuation of family business activities in the inheritance.*

Objectives*: to determine the rights and obligations of participants in the family business when inheriting; to form models for solving problems of the continuation of family business when inheriting; to establish the ratio of family and inheritance law when running a family business.*

Methodology*. In the research we used methods of analysis and synthesis, comparative analysis, formal-legal, interpretation of legal norms.*

Results*. The success of a family business requires stable, professional management of the business. Depending on the preservation of fiduciary relations between the participants of family entrepreneurial activity, problems arising in succession can be solved in two ways: coordination of the redistribution of functions, and in their absence - transformation of activities by changing the forms of its implementation, the order of decision-making.*

Conclusion*. The issues arising may be resolved by concluding an agreement between the parties concerned, determining the procedure for conducting family business activities, including in the case of its continuation in case of inheritance of property used in carrying out such activities. Such an agreement may determine the procedure for transformation of family business activities in the event of changes in the composition of its participants or ownership of the property used.*

Keywords*: family; family member; family business; family entrepreneurship; heir; inheritance.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ponomarev D. A. Problems of the Continuation of Family Entrepreneurship in Inheritance. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 51–60. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-51-60.

Received 18.04.2022 Accepted 27.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Семейное предпринимательство является одной из самых устойчивых форм проявления деловой активности, позволяющей быстро и эффективно мобилизовать необходимые производственные и финансовые ресурсы, решать проблему обеспечения занятости населения, способствовать росту среднего класса и уровня обеспеченности семей, поддерживать внедрение инноваций в различных сферах производственной и торговой деятельности, а также деятельности по оказанию услуг. При этом для семейного предпринимательства, как и для других видов малого и среднего бизнеса, характерна двойственность выполняемых функций, поскольку наряду с решением экономических задач они выполняют важную социальную функцию, обеспечи-

вая стабильность существующих экономических, трудовых и семейных отношений. Семейное предпринимательство – новый вид предпринимательской деятельности, не имеющий устоявшегося понятия ни в законодательстве, ни в доктрине. В науке предпринимательского права в настоящее время предпринимаются значительные системные шаги в разрешении этой актуальнейшей проблемы путем проведения научных исследований. Так, необходимо выделить труды Л. А. Барковой [1], И. В. Ершовой [2; 3], А. Н. Левушкина [4; 5; 6; 7], А. А. Жука, К. М. Потия [8; 9] и др. Вместе с тем вопрос, касающийся продолжения ведения семейного бизнеса после смерти одного из его участников, до настоящего времени остается неразрешенным.

Методология

Основу выполнения работы составил всеобщий диалектический метод. Общенаучные методы анализа и синтеза позволили сформулировать обоснованные выводы о влиянии фидуциарности на семейное предпринимательство и его развитие после смерти одного из участников. Метод системного анализа применялся для получения новых знаний о соотношении семейного и наследственного законодательства в сфере семейного предпринимательства. В исследовании использовался формально-юридический метод (при обращении к текстам нормативных правовых актов).

Результаты и их обсуждение

Существование семейных предприятий зависит не только от эффективности их деятельности, но также от согласованного решения их участниками основных проблем, возникающих при осуществлении такой деятельности, в том числе при изменении состава участников семейной предпринимательской деятельности, включая случаи перехода по наследству имущества, используемого при осуществлении такой деятельности. Передача по наследству семейного бизнеса с сохранением его особого статуса является одним из сложных вопросов для современного гражданского права [10, с. 29].

Для обеспечения преемственности семейного бизнеса необходимо согласованное решение проблем, связанных с его трансформацией в зависимости от изменения участвующего в нем круга лиц, в том числе при переходе и перераспределении активов между членами семьи и иными наследниками. Сама по себе возможность такого перехода и перераспределения, в том числе при естественной смене поколений, приводит к воздействию на семейный бизнес множества случайных факторов, которые не всегда возможно предвидеть или предотвратить.

Так, права и обязанности участника семейного бизнеса при наследовании могут переходить не только к другим членам семьи, но и к посторонним для данной семьи лицам или изменять соотношения имущественных вкладов и долей участников семейных предприятий, что может привести к изменению руководства семейным бизнесом и порядка принятия решений. «Размытие» состава владельцев может привести к утрате семейного характера предпринимательской деятельности, в том числе при переходе имущества к лицам, находящимся в дальней степени родства или в неприязненных отношениях друг с другом, вследствие чего может утрачиваться доверительный характер отношений, составляющий основу семейной предпринимательской деятельности.

Для успешного осуществления любой, в том числе семейной, предпринимательской деятельности требуется обеспечить стабильное профессиональное управление ею, в связи с чем, по мнению Д. А. Волкова, процесс наследования необходимо разделить на несколько этапов [11, с. 13], причем в рамках перво-

очередного этапа должны быть приняты меры для продолжения предпринимательской деятельности при последовательном согласовании решений по вопросам о распределении ролей между новым составом участников, возможном изменении состава активов или трансформации форм сотрудничества между новым кругом участников предпринимательской деятельности.

Отсутствие учета интересов кого-либо из лиц, имеющих право на получение наследственного имущества, или невозможность согласования таких интересов с интересами других участников семейной предпринимательской деятельности может приводить к длительным конфликтам и даже к прекращению такой деятельности с причинением несоразмерных убытков всем ее участникам.

Кроме того, новые участники семейной предпринимательской деятельности не всегда могут в полной мере заменить участников, имущество которых они унаследовали, что также потребует изменения ролей участников в управлении таким бизнесом, при выполнении организационных, трудовых или иных относящихся к нему функций.

В зависимости от сохранения фидуциарных отношений между участниками семейной предпринимательской деятельности возникающие при наследовании проблемы могут решаться двумя способами: при сохранении фидуциарных отношений между новым кругом участников семейной предпринимательской деятельности могут быть согласованы новые подходы к ее осуществлению, в том числе с согласованным перераспределением функций, а при отсутствии таких отношений в качестве варианта решения может быть предложено согласованное сторонами преобразование деятельности за счет изменения форм ее реализации, изменения порядка принятия решений с учетом изменившейся структуры владения активами.

Так, одним из вариантов решений возникающих проблем может быть учреждение одного или нескольких хозяйственных обществ или преобразование ранее созданного хозяйственного общества путем его реорганизации в различных формах, что позволит участникам предпринимательской деятельности формализовать отношения и в необходимой степени дистанцироваться друг от друга для взвешенного принятия решений с использованием предусматриваемых законодательством порядка и условий их принятия.

Вместе с тем следует признать, что в целом проблемы наследования активов, прав и обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью, не нашли до настоящего времени однозначных решений в действующем законодательстве и судебной практике, при рассмотрении вопросов наследования не уделяется необходимого внимания специфике осуществления предпринимательской деятельности, необходимости ее продолжения в случае выбытия части ее участников: «Действующее нормативное регулирование в нашей стране не определяет наследования бизнеса как единого целого конгломерата, нет специального закона и отсутствует термин "наследование бизнеса". В порядке наследования права и обязанности на бизнес переходят по закону либо по завещанию после смерти владельца по аналогии с наследованием отдельных видов имущества, прав и обязанностей» [12, с. 17].

Так, по общему правилу при наследовании имущества, используемого в семейной предпринимательской деятельности, применению подлежат положения ст. 1164 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающие установление долевой собственности наследников, если их доли в наследуемом имуществе не были иным образом определены законом или завещанием. При наследовании имущества, используемого

при осуществлении семейной предпринимательской деятельности, или семейных предприятий данный подход может привести к дроблению долей и переходу имущества к лицам, у которых отсутствует заинтересованность в продолжении совместной предпринимательской деятельности либо к лицам, не связанным родственными или иными доверительными отношениями с остальными участниками семейной предпринимательской деятельности.

К числу важнейших задач наследственного права относится защита интересов семьи: «Несмотря на вещную природу наследственного права, главной его целью является защита интересов семьи, что подтверждается в общем правиле наследования» [12, с. 19]. Однако ввиду сложности определения потенциального состава наследников, наличия дальних очередей наследования, возможности наследования по линии супруга (супруги) или самостоятельного определения круга наследников и состава передаваемого имущества по завещанию, переход имущества по наследству часто приводит к «размытию» круга собственников семейного имущества, ослаблению семейных и родственных связей между его совладельцами. В качестве одного из примеров такого «размытия» А. Н. Левушкин выделяет возможность дробления долей и акций хозяйственных обществ при наследовании, что «приводит к разделу семейного бизнеса и негативно сказывается на его сохранении и эффективном применении при осуществлении предпринимательской деятельности» [13, с. 11].

Устанавливаемые законодательством нормы о праве на обязательную долю в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) также приводят к невозможности для наследодателя точно определить круг лиц, которые могли бы продолжать семейную предпринимательскую деятельность. Кроме того, возникают сложности, связанные с определением долей используемого в предпринимательской деятельности имущества, подлежащих передаче пережившему супругу по двум различным основаниям: в связи с наследованием и в связи с выделением доли в принадлежавшей супругам общей совместной собственности. Возможность применения указанных оснований в отношении различных видов имущества может зависеть от оформления права собственности на соответствующее имущество, долей владения в хозяйственных обществах, особенностей заключенных брачных договоров, наличия особых обстоятельств приобретения имущества, наличия других наследников и иных факторов. Однако на практике не всегда учитывается наличие указанных двух оснований для перехода имущества к пережившему супругу [14, с. 295; 15; 16], что может приводить к проблемам на последующих этапах реализации прав и осуществления совместной предпринимательской деятельности оставшихся членов семьи.

Наследственное право и семейное право различным образом решают вопросы, связанные с осуществлением семейной предпринимательской деятельности. Если семейное право нацелено прежде всего на защиту интересов семьи и ее членов, то наследственное право исходит из принципа свободы завещания и наличия широкого круга наследников по закону. В результате решения, полностью соответствующие принципам, лежащим в основе современного наследственного права, могут препятствовать реализации целей и задач, которые являются традиционными для семейного права. В рассматриваемой области данное противоречие проявляется в невозможности в ряде случаев продолжения семейной предпринимательской деятельности, если хотя бы один из ее участников не примет мер, необходимых для поддержания ограниченного круга ее участников, связанного фидуциарными отношениями, не успеет или по каким-либо причинам не

сможет принять необходимые для этого решения.

Отдельные сложности связаны с особенностями наследования корпоративных прав, поскольку, с одной стороны, особенности регулирования корпоративных отношений могут приводить к ущемлению прав наследников, а с другой стороны, недобросовестное или непродуманное поведение самих наследников, отсутствие у них необходимого опыта могут стать причиной совершения действий, причиняющих значительный ущерб компаниям и другим участникам корпоративных структур или даже привести к прекращению деятельности семейных предприятий вследствие возникающих конфликтов.

Не менее сложные проблемы возникают в случае, когда наследодатель участвовал в семейной предпринимательской деятельности, зарегистрировавшись в качестве индивидуального предпринимателя. Имущество такого наследодателя может быть разделено на несколько категорий, в том числе на приобретенное им как индивидуальным предпринимателем и приобретенное по иным основаниям. Е. Ю. Рыбачук предлагает установить разный порядок наследования такого имущества [17, с. 14], однако реализация данного предложения на практике может быть затруднена и, кроме того, при этом не решается вопрос наследования имущества, использовавшегося в семейной предпринимательской деятельности, т. к. оно также могло приобретаться по различным правовым основаниям.

Наследник, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, имеет в соответствии со ст. 1178 Гражданского кодекса Российской Федерации преимущественное право на получение входящего в состав наследства предприятия в счет наследственной доли. При отсутствии преимущественного права входящее в состав наследства предприятие не подлежит разделу между наследниками и должно становиться их общей долевой собственностью. Законодатель, устанавливая данные положения, стремился сохранить деятельность наследуемого предприятия. Однако при отсутствии доверительных отношений между участниками семейного предприятия оно, даже будучи унаследовано согласно предусмотренным законодательством подходам, не сможет продолжать свою деятельность на прежних основаниях.

Рассматриваемые отношения подпадают одновременно под действие семейного права, наследственного права, а также общих принципов гражданско-правового регулирования: «Проявляется тенденция установления межотраслевых связей между семейными, наследственными, корпоративными и предпринимательскими отношениями» [18, с. 26]. Кроме того, рассматриваемые отношения подпадают в ряде случаев под действие специального законодательства, относящегося к регулированию отдельных видов деятельности, в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств, самозанятых граждан, индивидуальных предпринимателей, законодательства об интеллектуальной собственности, в том числе о товарных знаках, и других нормативных правовых актов. При этом во многих случаях отсутствует однозначное представление о сочетании правовых норм, относящихся к разным правовым институтам.

По мнению ряда авторов, проблемы наследования имущества лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, могут решаться с использованием наследственного фонда (ст. 123–20.1, 123.20-2, 123.20-3 ГК РФ) [19; 20; 21; 22]. Однако правовая модель наследственного фонда предназначена для предоставления наследникам возможности стать его бенефициарами, выгодоприобретателями осуществляемой деятельности, а не ее участниками. Таким образом, использование данной модели будет приводить к

прекращению семейной предпринимательской деятельности, подразумевающей непосредственное участие в ней членов семьи и иных родственников, свойственников, а не только получение извлекаемых благодаря ей доходов.

Выводы

Важнейшей задачей, которую необходимо решить при наследовании имущества, используемого в семейной предпринимательской деятельности, является обеспечение продолжения такой деятельности, в том числе за счет возможной ее трансформации в иные формы. Требуется обеспечить соблюдение баланса интересов всех связанных с ней лиц, в том числе при ее продолжении или прекращении на согласованных условиях, причем данная проблема является одним из частных проявлений более общей проблемы сохранения и продолжения развития бизнеса в случае перехода по наследству прав контролирующих его лиц [9]. Решение возникающих при наследовании вопросов может быть обеспечено за счет заключения между заинтересованными сторонами соглашения, определяющего порядок ведения семейной предпринимательской деятельности, в том числе в случае ее продолжения при наследовании используемого имущества. Такое соглашение может представлять собой аналог корпоративного договора, причем таким соглашением может быть определен также порядок преобразования семейной предпринимательской деятельности в случае изменения состава ее участников или принадлежности имущества, используемого для ведения такой деятельности.

Список литературы

1. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 189 с.

2. Ершова И. В. Семейный бизнес – явление уникальное и не до конца изученное // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 44–55.

3. Ершова И. В. Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22–26.

4. Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. 326 с.

5. Левушкин А. Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 206–217.

6. Левушкин А. Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. 2020. № 2. С. 3–7.

7. Левушкин А. Н., Измайлов В. В. Государственная политика в сфере семейного предпринимательства и его поддержка // Современный юрист. 2021. № 1 (34). С. 68–80.

8. Жук А. А., Потий К. М. Институт семейного предпринимательства в современной России // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9, № 1. С. 50–60.

9. Жук А. А., Потий К. М. Семейное предпринимательство в Российской Федерации: теория, практика, перспективы развития: монография. Дюссельдорф: LAP LAMBERT, 2018. 66 с.

10. Потий К. М. Отечественный опыт определения понятия «семейное предпринимательство» // Экономическая наука современной России. 2018. № 2 (81). С. 24–34.

11. Волков Д. А. Социально-экономические аспекты управления семейным предпринимательством в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2011. 30 с.

12. Левушкин А. Н. Участие нотариуса в наследственных правоотношениях при переходе корпоративных прав и семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 1. С. 17–20.

13. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. № 3. С. 8–12.

14. Илюшина М. Н. Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 294–304.

15. Илюшина М. Н. Наследование долей в обществах с ограниченной ответственностью: современное состояние законодательства и правоприменения // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 149–160.

16. Серебрякова А. А. Наследование супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Наследственное право. 2018. № 2. С. 23–25.

17. Рыбачук Е. Ю. Наследование имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 141 с.

18. Левушкин А. Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–29.

19. Васляева М. Е. Наследственный фонд как новый способ управления бизнесом // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 273–277.

20. Горбунов З. Н. Наследственные фонды в Германии и Российской Федерации: сравнительный анализ // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 391–398.

21. Савина Т. В. Наследственный фонд как альтернатива сохранения бизнеса при наследовании // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2019. С. 327–332.

22. Белов В. А. Проблемы наследования бизнеса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 130–144.

Reference

1. Barkova L. A. Semeinoe predprinimatel'stvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizatsii interesov sem'i. Dis. kand. yurid. nauk [Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 189 p.

2. Ershova I. V. Semejnyj biznes – yavlenie unikal'noe i ne do konca izuchennoe [Family business is a unique phenomenon and not fully studied]. Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 44–55.

3. Ershova I. V. Special'nyj pravovoj rezhim deyatel'nosti sub''ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: doktrinal'nye i zakonodatel'nye podhody [Special legal regime of small and medium-sized entities Entrepreneurship: doctrinal and legislative approaches]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Business and Corporate Law*, 2016, no. 2, pp. 22–26.

4. Levushkin A. N. Teoreticheskaya model' postroeniya sistemy semejnogo zakonodatel'stva gosudarstv – uchastnikov SNG [Theoretical model of building a system of family legislation of the CIS member states]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2013. 326 p.

5. Levushkin A. N. Semejnoe predprinimatel'stvo i semejnyj biznes: ponyatie, pravovaya priroda i perspektivy razvitiya [Family entrepreneurship and family business: concept, legal nature and development prospects]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2018, no. 3 (43), pp. 206–217.

6. Levushkin A. N. Yuridicheskaya priroda biznesa suprugov v civilisticheskoj paradigme [The legal nature of the spouses' business in the civilistic paradigm]. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2020, no. 2, pp. 3–7.

7. Levushkin A. N., Izmajlov V. V. Gosudarstvennaya politika v sfere semejnogo predprinimatel'stva i ego podderzhka [State policy in the field of family entrepreneurship and its support]. *Sovremennyj yurist = Modern lawyer*, 2021, no. 1 (34), pp. 68–80.

8. Zhuk A. A., Potij K. M. Institut semejnogo predprinimatel'stva v sovremennoj Rossii [Institute of Family Entrepreneurship in Modern Russia]. *Journal of Economic Regulation*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 50–60.

9. Zhuk A. A., Potij K. M. Semejnoe predprinimatel'stvo v Rossijskoj Federacii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya [Family entrepreneurship in the Russian Federation: theory, practice, development prospects]. Dyussel'dorf, LAP LAMBERT Publ., 2018. 66 p.

10. Potij K. M. Otechestvennyj opyt opredeleniya ponyatiya "semejnoe predprinimatel'stvo" [Domestic experience in defining the concept of "family entrepreneurship"]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic Science of modern Russia*, 2018, no. 2 (81), pp. 24–34.

11. Volkov D. A. Social'no-ekonomicheskie aspekty upravleniya semejnym predprinimatel'stvom v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Socio-economic aspects of family enterprise management in the Russian Federation. Cand. ekon. abstract sci. diss.]. Moscow, 2011. 30 p.

12. Levushkin A. N. Uchastie notariusa v nasledstvennyh pravootnosheniyah pri perekhode korporativnyh prav i semejnogo biznesa po nasledstvu [Participation of a notary in hereditary legal relations during the transfer of corporate rights and family business by inheritance]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2021, no. 1, pp. 17–20.

13. Levushkin A. N., Nadyseva E. H. Perekhod semejnogo biznesa po nasledstvu [The transition of family business by inheritance]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2021, no. 3, pp. 8–12.

14. Ilyushina M. N. Prava suprugov na dolyu v obshchestve s ogranichennoj otvetstvennost'yu: problemy perekhoda i oformleniya [The rights of spouses to a share in a limited liability company: problems of transition and registration]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 294–304.

15. Ilyushina M. N. Nasledovanie dolej v obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu: sovremennoe sostoyanie zakonodatel'stva i pravoprimeneniya [Inheritance of shares in limited liability companies: the current state of legislation and law enforcement]. *Yuridicheskaya sud'ba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [The legal justice of business at the dissolution of marriage and inheritance]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 149–160.

16. Serebryakova A. A. Nasledovanie suprugom doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu [Inheritance by a spouse of a share in the authorized capital of a limited liability company]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*, 2018, no. 2, pp. 23–25.

17. Rybachuk E. Yu. Nasledovanie imushchestvennyh prav, svyazannyh s predprinimatel'skoj deyatel'nost'yu. Diss. kand. yurid. nauk [Inheritance of property rights related to entrepreneurial activity. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2013. 141 p.

18. Levushkin A. N. Semejnoe supruzheskoe predprinimatel'stvo i prodazha biznesa suprugov po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Family matrimonial entrepreneurship and sale of spouses' business under the legislation of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2018, no. 4, pp. 25–29.

19. Vaslyaeva M. E. Nasledstvennyj fond kak novyj sposob upravleniya biznesom [The Inheritance fund as a new way of business management]. *Yuridicheskaya sud'ba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [The legal fate of business in case of divorce and inheritance]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 273–277.

20. Gorbunov Z. N. Nasledstvennye fondy v Germanii i Rossijskoj Federacii: sravnitel'nyj analiz [Inheritance funds in Germany and the Russian Federation: a comparative analysis]. *Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii* [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I.V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 391–398.

21. Savina T. V. Nasledstvennyj fond kak al'ternativa sohraneniya biznesa pri nasledovanii [Inheritance fund as an alternative to business preservation under inheritance]. *Yuridicheskaya sud'ba biznesa pri rastorzhenii braka i nasledovanii* [The legal fate of business at the dissolution of marriage and inheritance]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2019, pp. 327–332.

22. Belov V. A. Problemy nasledovaniya biznesa [Problems of business inheritance]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 7, pp. 130–144.

Информация об авторе / Information about the Author

Пономарев Дмитрий Александрович,
аспирант кафедры гражданского права
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: dm418@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4085-2027

Dmitrii A. Ponomarev, Post-Graduate Student of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: dm418@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4085-2027

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-61-69

(cc) BY 4.0

Принцип приоритетного соблюдения прав авторов и баланс интересов участников гражданских правоотношений

М. В. Козлова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Mano173318@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Автор проводит исследование предусматриваемой законодательством совокупности положений, отдающих приоритет интересам автора при решении вопросов, связанных с использованием произведений, выплатой вознаграждения, ограничениями ответственности, и отмечает, что закрепление таких положений может рассматриваться как проявление общего принципа приоритетного соблюдения прав авторов. В статье отмечается, что автор должен быть защищен как «слабая сторона» возникающих гражданских правоотношений, но его интересы не должны абсолютизироваться, в связи с чем необходимы поиск и установление разумного баланса интересов автора и иных участников гражданского оборота.*

Цель *состоит в определении значения принципа приоритетного соблюдения прав авторов для обеспечения баланса интересов участников гражданских правоотношений.*

Задачи: *определить особенности обращения взыскания на принадлежащие автору исключительные права; выявление противоречий между интересами авторов и иных лиц в случае банкротства и ликвидации юридических лиц; формирование принципа приоритетного соблюдения прав авторов.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, метод сводки и группировки информации.*

Результаты. *Наиболее острым образом противоречие между интересами авторов и иных лиц может проявляться в случае банкротства и ликвидации юридических лиц, при решении вопросов о возможности передачи исключительных прав на произведения и перехода прав, вытекающих из заключенных с автором лицензионных договоров.*

Вывод. *Права и законные интересы кредиторов должны учитываться таким образом, чтобы это не приводило к нарушению прав авторов и их наследников, но при этом авторы также не вправе без достаточных на то оснований отказываться от заключенных ими договоров, требовать пересмотра их условий, если такая возможность не предусмотрена заключенными договорами или положениями действующего законодательства. Именно на такой основе соблюдения договорных условий и требований законодательства может быть достигнут компромисс между различными категориями заинтересованных лиц.*

Ключевые слова: *автор; авторское право; произведение; правообладатель; исключительное право; распоряжение авторским правом, защита авторских прав.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Козлова М. В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов и баланс интересов участников гражданских правоотношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 3. С. 61–69. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-61-69.

Поступила в редакцию 21.04.2022 Принята к публикации 23.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Козлова М. В., 2022

Principle of Priority Observance of the Rights of Authors and Balance of Interests of Parties to Civil Legal Relations

Maria V. Kozlova[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Mano173318@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The author researches the legislation stipulated a set of provisions that give priority to the interests of the author in addressing issues related to the use of works, payment of remuneration, limitations of liability, and notes that the consolidation of such provisions can be considered as a manifestation of the general principle of priority observance of the rights of authors. The article notes that the author should be protected as a "weak party" of arising civil legal relations, but his interests should not be absolutized, in this regard it is necessary to search and establish a reasonable balance of interests of the author and other participants of civil circulation.*

The purpose *is to determine the meaning of the principle of priority observance of the rights of authors to ensure the balance of interests of participants in civil legal relations.*

Objectives*: to determine the specifics of enforcement of exclusive rights belonging to the author; to identify the contradictions between the interests of authors and other persons in the case of bankruptcy and liquidation of legal entities; to form the principle of priority respect for the rights of authors.*

Methodology. *In the process of working on the study were used methods of analysis and synthesis, the method of summary and grouping of information.*

Results. *The most acute contradiction between the interests of authors and other persons may manifest itself in the case of bankruptcy and liquidation of legal entities, when deciding on the possibility of transferring exclusive rights to works and the transfer of rights arising from licensing contracts concluded with the author.*

Conclusion. *The rights and legitimate interests of creditors must be taken into account in a way that does not lead to a violation of the rights of authors and their heirs, but the authors also do not have the right without sufficient grounds to reject the contracts concluded by them, to demand a revision of their conditions, if such a possibility is not provided by the concluded contracts or the provisions of the current legislation. It is on this basis of compliance with contractual terms and legal requirements that a compromise between different categories of interested parties can be reached.*

Keywords: *author; copyright; work; copyright holder; exclusive right; disposition of copyright; copyright protection.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kozlova M. V. Principle of Priority Observance of the Rights of Authors and Balance of Interests of Parties to Civil Legal Relation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 61–69. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-61-69.

Received 21.04.2022 Accepted 23.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Отечественное законодательство традиционно признает необходимость обеспечения дополнительной охраны прав и законных интересов авторов в качестве «слабой стороны» возникающих гражданско-правовых отношений. Права авторов рассматриваются как базовые, первоначальные по отношению к правам иных правообладателей, признается необходимость их признания и соблюдения всеми субъектами гражданских прав, осуществляющими использование произведений.

Вопросам, связанным с охраной прав авторов результатов творческой деятельности – произведений науки, литературы

и искусства, их наследников и иных правообладателей посвящены научные труды таких известных отечественных и зарубежных ученых, как Л. Бентли, Б. Шерман, [1], И. А. Близнец [2; 3]; Э. П. Гаврилов [4], В. А. Дозорцев [5], И. А. Зенин [6], В. О. Калятин [7], Д. Липцик [8], А. Г. Матвеев [9], Л. А. Новоселова [10; 11], А. П. Сергеева [12]. Однако в работах указанных специалистов не анализируется, в частности, специфика правовой охраны произведений при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, являющихся обладателями исключительных прав на произведения или прав на их использование. Существует ряд исследований, посвященных проблемам залога исключительных прав, в частности работы Е. В. Жаровой [13], В. Н. Кастальского [14], О. Г. Крушиной [15], С. В. Медведева [16], но рассматриваемые в них вопросы ограничены тематикой исследований.

Для того чтобы обеспечить реализацию принципа приоритетного соблюдения прав авторов с учетом интересов участников гражданских правоотношений, необходимо найти компромиссные решения, гарантирующие соблюдение баланса между различными категориями заинтересованных лиц.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач при проведении исследования были использованы общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить рассмотрение проблем приоритетного соблюдения прав авторов с учетом существующего правового регулирования связанных вопросов, а также прав и законных интересов иных участников гражданских правоотношений, в том числе с учетом необходимости соблюдения прав кредиторов и иных заинтересованных лиц при обращении взыскания на имущество несостоятельного должника. Использование методов сводки и группировки информации позволило осуществить выявление и систематизацию основных проблем, связанных с охраной прав авторов при решении вопросов использования произведений, выплаты вознаграждения, ограничении ответственности и возможности обращения взыскания на принадлежащие авторам исключительные права, а также создало возможность для структурированного изложения эмпирического материала. Методы анализа и синтеза позволили провести сопоставление правовых норм, регулирующих вопросы приоритетной охраны прав авторов в сочетании с учетом интересов иных лиц, обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий.

Результаты и их обсуждение

Законодательством Российской Федерации предусматривается различный подход к регулированию, с одной стороны, прав авторов произведений, признаваемых первоначальными правообладателями в силу создания ими произведений в результате осуществляемой творческой деятельности, и с другой стороны, прав иных правообладателей, приобретающих права по заключаемым с авторами договорам, в рамках трудовых правоотношений или по иным установленным законодательством основаниям [2; 5].

При этом признается, что авторы в качестве «слабой стороны» возникающих гражданско-правовых отношений нуждаются в особой защите, обеспечивающей признание и соблюдение их прав и законных интересов другими субъектами гражданских прав, осуществляющими использование произведений.

Так, авторам предоставляется целый комплекс личных неимущественных прав [7], прав на получение специальных видов вознаграждений (ст. 1245, п. 3 ст. 1263 ГК РФ и др.), особые преференции при заключении договоров в части воз-

можности использования льготного срока и ограничения ответственности, ограничивается возможность обращения взыскания на принадлежащие автору права в отношении созданных им произведений (ст. 1284 ГК РФ).

Пунктом 1 ст. 1284 ГК РФ предусматривается, что обращение взыскания не допускается на исключительное право на произведение, если такое право принадлежит автору, исключение составляют случаи обращения взыскания по договору залога, заключённого с автором в отношении исключительного права на конкретное произведение [5; 16]. При этом взыскание может быть обращено на права требования автора к другим лицам по заключенным ранее договорам об отчуждении исключительного права на произведение или по лицензионным договорам, а также на доходы от использования произведения, в том числе получаемые по таким договорам. Данные положения распространяются также на наследников автора.

Очевидным намерением законодателя в рассматриваемом варианте регулирования отношений по обращению взыскания на принадлежащие автору исключительные права, права из заключенных лицензионных договоров и права на получение вознаграждения по таким договорам являлось исключение случаев распоряжения исключительным правом на произведение без согласия автора при одновременном учете интересов кредиторов с предоставлением им возможности приобретения прав требования или взыскания доходов от использования произведения, осуществляемого в соответствии с принятым самим автором решением.

Таким образом, возможность обращения взыскания предусматривается только для случаев, не нарушающих сделанное ранее волеизъявление автора в отношении произведения, т. к. взыскание может быть обращено на исключительные права только при условии отчуждения их самим автором третьему лицу, а также на права требования и на доходы от использования произведения, получаемые автором в соответствии с ранее осуществленным им распоряжением своими правами [17]. При этом предполагается, что должны быть исключены любые случаи обращения взыскания на права, имеющие личностный характер, поскольку такие действия могут вступить в противоречие с законными интересами автора не только как субъекта экономических отношений, но и в качестве творческой личности, создавшей произведение.

Установление ограничений на обращение взыскания, предусмотренных ст. 1284 ГК РФ, может рассматриваться в качестве одного из проявлений общего намерения законодателя обеспечить соблюдение волеизъявления автора при решении вопросов, связанных с порядком и условиями использования созданных автором произведений.

Именно автор как создатель произведения имеет право распорядиться правами на такое произведение по его собственному усмотрению, за исключением случаев перехода прав к иным лицам на основании заключенных с автором договоров или по иным предусматриваемым законодательством основаниям. Важность обеспечения возможности контроля за «юридической судьбой» произведения со стороны его создателя признается на международном уровне и в законодательствах зарубежных стран [18].

Предусматриваемая законодательством совокупность положений, отдающих приоритет интересам автора при решении вопросов, связанных с использованием произведений, выплатой вознаграждения, ограничениями ответственности и др., может быть охарактеризована как проявление более общего принципа приоритетного соблюдения прав авторов.

Вместе с тем автор как «слабая сторона» возникающих правоотношений должен быть защищен, но его интересы, разумеется, не должны абсолютизиро-

ваться. Необходимы поиск и установление разумного баланса интересов автора и иных участников гражданского оборота.

Так, наиболее острым образом противоречие между интересами авторов и иных лиц может проявляться, например, в случае банкротства и ликвидации юридических лиц, при решении вопросов о возможности отчуждения исключительных прав на произведения и возможности перехода прав, вытекающих из заключенных с автором лицензионных договоров [19].

По мнению О. В. Сушковой, возможным решением могло бы стать законодательное закрепление права авторов становиться конкурсными кредиторами [20, с. 136], однако такое решение недостаточно для устранения проблем с невыплатой вознаграждения, прекращением действия выданных лицензий, переходом исключительных прав. Можно ожидать, что предложенный подход на практике будет приводить к ухудшению положения авторов по сравнению с предусмотренным законодательством в настоящее время. Автор при таком подходе будет приравниваться к иным кредиторам, а принадлежащие ему права требования будут фактически «растворяться» в общей массе неудовлетворенных требований, предъявляемых остальными кредиторами.

Как представляется, указанное выше противоречие между принципом приоритетного соблюдения прав автора и поиском баланса интересов между соблюдением прав авторов и удовлетворением интересов кредиторов устраняется оптимальным образом в случае последовательного применения этих двух подходов.

Приоритетное соблюдение прав авторов сводится прежде всего к соблюдению условий заключенных с авторами договоров, соблюдению предоставленных им законодательством правовых гарантий [20]. Так, если заключенным договором не предусматривалась возможность перехода предоставленных по нему прав (лицензий) к другим лицам, то наступление таких обстоятельств, как несостоятельность (банкротство) юридического лица, получившего лицензию на использование произведения от его автора, не должно приводить к пересмотру согласованных с автором положений лицензионного договора, определяющих, в частности, возможность использования произведения только данным юридическим лицом. Никакие обстоятельства, связанные с банкротством, не должны приводить к нарушению прав авторов, в том числе условий, закрепляемых в заключенных с автором договорах, или ограничений, устанавливаемых законодательством.

Институт несостоятельности (банкротства) играет важную роль в оздоровлении рыночной экономики и поддержании конкурентоспособности участников рыночных отношений [22]. При этом банкротство, как правило, приводит к нарушению прав кредиторов, невыполнению обязательств перед ними, но это не означает, что нарушение прав кредиторов со стороны несостоятельного должника может предоставлять какие-либо правовые возможности для нарушения прав авторов и их наследников по заключенным с таким должником договорам.

Приоритетное соблюдение прав авторов означает, прежде всего, что в любых ситуациях, в том числе связанных с несостоятельностью (банкротством), права авторов должны соблюдаться в полном объеме. В частности, банкротство другого лица не может служить основанием для пересмотра условий договоров, заключенных таким лицом с авторами.

В то же время добросовестные кредиторы также должны иметь правовые возможности для удовлетворения своих законных интересов во всем, что не приводит к нарушению прав авторов. В частности, они могут принимать любые меры, не вступающие в противоречие с услови-

ями заключенных с авторами договоров, не причиняющие тем самым ущерба правам авторов. Например, если условием продолжения использования произведения является выплата вознаграждения автору, то кредиторы должны иметь возможность осуществлять выплату такого вознаграждения в порядке и на условиях, предусмотренных заключенными договорами, что позволит поддерживать в силе предоставленные по таким договорам лицензии, сохранять предоставленные по ним исключительные права и т. п.

Выводы

Права и законные интересы кредиторов должны учитываться таким образом, чтобы это не приводило к нарушению прав авторов и их наследников, при этом авторы также не вправе без достаточных на то оснований отказываться от заключенных ими договоров, требовать пересмотра их условий, если такая возможность не предусмотрена заключенными договорами или положениями действующего законодательства.

Именно на такой основе соблюдения договорных условий и требований законодательства может быть достигнут компромисс между различными категориями заинтересованных лиц. Так, кредиторам или иным лицам не должны предоставляться правовые возможности, которые могли бы привести к ущемлению прав авторов, а авторы при реализации своих прав должны учитывать интересы кредиторов в той части, которая не вступает в противоречие с правами и законными интересами самих авторов.

Список литературы

1. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: авторское право / пер. с англ. В.Л. Вольфсона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 535 с.

2. Близнец И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права / под ред. И. А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 456 с.

3. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнеца. М.: Проспект, 2016. 892 с.

4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. 876 с.

5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации. М.: Статут, 2005. 416 с.

6. Зенин И. А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). М.: Статут, 2015. 525 с.

7. Калятин В. О. Личные неимущественные права автора объекта интеллектуальной деятельности. М.: Роспатент, 2006. 102 с.

8. Липцик Д. Авторское право и смежные права: [пер. с фр.] / предисловие М. Федотова. М.: Ладомир: Изд-во ЮНЕСКО, 2002. 788 с.

9. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.

10. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 128 с.

11. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Л. А. Новоселова, Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов [и др.]; под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.

12. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.

13. Жарова Е. В. Залог исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 206 с.

14. Кастальский В. Н. Залог исключительных имущественных прав и его особенности, применительно к исключительным имущественным правам унитарных предприятий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 153 с.

15. Крушина О. Г. Залог исключительных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 155 с.

16. Медведев С. В. Правовое регулирование отношений, связанных с залогом исключительных прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 219 с.

17. Козлова М. В. Правовое регулирование вопросов обращения взыскания на исключительные права на произведения и права на их использование // Евразийская адвокатура. Международный журнал. 2019. № 5. С. 70–74.

18. Adaptation of the copyright laws of countries in transition to the new technologies; Accession to, and Implementation of the WIPO Internet Treaties. World Intellectual Property Organization, 2010. 25 p.

19. Козлова М. В. Авторы и их наследники как участники правоотношений при несостоятельности (банкротстве) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 160–163.

20. Сушкова О. В. Влияние факта наследования имущественных прав автора по лицензионному договору на особенности возбуждения процедур несостоятельности (банкротства) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 124–139.

21. Козлова М. В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2021, Т. 11. № 3. С. 65–73.

22. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 551 с.

Reference

1. Bentli L., SHerman B. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: avtorskoe pravo [Intellectual property law: copyright]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2004. 535 p.

2. Bliznec I. A., Leont'ev K. B. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Intellectual property law: copyright]; ed. I. A. Bliznec. 2th ed., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 456 p.

3. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property law]; ed. by I. A. Bliznec. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 892 p.

4. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. XXI vek [Intellectual property law. Copyright and copyright. XXI century]. Moscow, Yurservitum Publ., 2016. 876 p.

5. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii [Intellectual rights: The concept. System. Tasks of codification]. Moscow, Statut Publ., 2005. 416 p.

6. Zenin I. A. Problemy rossijskogo prava intellektual'noj sobstvennosti (izbrannye trudy) [Problems of Russian intellectual property law (selected works)]. Moscow, Statut Publ., 2015. 525 p.

7. Kalyatin V. O. Lichnye neimushchestvennye prava avtora ob"ekta intellektual'noj deyatel'nosti [Personal non-property rights of the author of the object of intellectual activity]. Moscow, Rospatent Publ., 2006. 102 p.

8. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.

9. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. yurid. nauk [Copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.

10. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 128 p.

11. Novoselova L. A., Badulina E. V., Gavrilov D. A., edc. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. T. 1. Obshchie polozheniya [Intellectual property law. Vol. 1. General provisions]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 512 p.

12. Sergeev A. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual Property law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., TK Velbi Publ., 2007. 752 p.

13. Zharova E. V. Zalog isklyuchitel'nogo prava na rezul'tat intellektual'noj deyatel'nosti ili sredstvo individualizacii. Diss. kand. yurid. nauk [The pledge of the exclusive right to the result of intellectual activity or a means of individualization. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2010. 206 p.

14. Kastal'skij V. N. Zalog isklyuchitel'nyh imushchestvennyh prav i ego osobennosti, primenitel'no k isklyuchitel'nym imushchestvennym pravam unitarnyh predpriyatij. Dis. kand. yurid. nauk [Pledge of exclusive property rights and its features, in relation to the exclusive property rights of unitary enterprises. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 153 p.

15. Krushina O. G. Zalog isklyuchitel'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [Pledge of exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 155 p.

16. Medvedev S. V. Pravovoe regulirovanie otnoshenij, svyazannyh s zalogom isklyuchitel'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of relations related to the pledge of exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 219 p.

17. Kozlova M. V. Pravovoe regulirovanie voprosov obrashcheniya vzyskaniya na isklyuchitel'nye prava na proizvedeniya i prava na ih ispol'zovanie [Legal regulation of issues of foreclosure on exclusive rights to works and rights to their use]. *Evrazijskaya advokatura. Mezhdunarodnyj zhurnal = Eurasian advokatura. International Journal*, 2019, no. 5, pp. 70–74.

18. Adaptation of the copyright laws of countries in transition to the new technologies; Accession to, and implementation of the WIPO Internet Treaties. World Intellectual Property Organization, 2010. 25 p.

19. Kozlova M. V. Avtory i ih nasledniki kak uchastniki pravootnoshenij pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Authors and their heirs as participants in legal relations in insolvency (bankruptcy)]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2019, no. 10, pp. 160–163.

20. Sushkova O. V. Vliyanie fakta nasledovaniya imushchestvennyh prav avtora po licenzionnomu dogovoru na osobennosti vozbuzhdeniya procedur nesostoyatel'nosti (bankrotstva)

[The influence of the fact of inheritance of the author's property rights under the license agreement on the specifics of initiating insolvency (bankruptcy) procedures]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities*, 2020, vol. 162, no. 2, pp. 124–139.

21. Kozlova M. V. Princip prioritetnogo soblyudeniya prav avtorov pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) yuridicheskih i fizicheskih lic [The principle of priority observance of the rights of authors in case of insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals*]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 65–73.

22. Karelina S. A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij nesostoyatel'nosti [The mechanism of legal regulation of insolvency relations]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 55 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Козлова Мария Вячеславовна, младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист», Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Mano173318@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9413-2191

Maria V. Kozlova, Junior Researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist", Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Mano173318@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9413-2191

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-70-82

CC BY 4.0

Судимость как признак составов отдельных преступлений

Т. А. Огарь[1] ✉, Д. М. Кокин[1]

[1] Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Летчика Пилютова 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: tat-kap@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящей статье рассмотрены вопросы расширения роли судимости в современном уголовном законодательстве, приобретения ею статуса признака отдельных составов преступлений, а также возникающие при этом проблемы, требующие разрешения на законодательном уровне.*

Целью *является выявление уголовно-правового значения судимости как признака субъекта отдельных преступлений, с учетом современной редакции уголовного законодательства и практики Конституционного суда Российской Федерации.*

Задачи: *изучение составов преступлений, включающих судимость в качестве обязательного признака субъекта; определение закономерностей закрепления судимости в качестве обязательного признака состава; выявление имеющихся проблем и определение направлений по совершенствованию уголовного законодательства в части закрепления судимости в качестве обязательного признака субъекта отдельных видов преступлений.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, которые позволили исследовать судимость в качестве признака составов отдельных преступлений.*

Результаты. *Обнаружены нарушения системного подхода при формулировании уголовно-правовых норм, учитывающих судимость в качестве признака состава. Установлен недостаток действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющий в отдельных случаях учитывать судимость дважды, как при квалификации, так и при назначении наказания. Предложены пути преодоления выявленных проблем и противоречий.*

Выводы. *Судимость учитывается не только при рецидиве преступлений и назначении наказания, но и как признак основных и квалифицированных составов преступлений. Включение судимости в качестве признака состава преступления должно производиться системно, с унифицированными формулировками. Не решён вопрос о соотношении общественной опасности преступления, совершённого лицом, привлеченным к административной ответственности и судимым. В случаях, когда судимость является признаком состава преступления, следует предусмотреть в статье 68 специальное правило, препятствующее двойному учету данного признака, как это было сделано в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года.*

Ключевые слова: *судимость; рецидив; общественная опасность; административная преюдиция; принцип справедливости.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Огарь Т. А., Кокин Д. М. Судимость как признак составов отдельных преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 70–82. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-70-82.

Поступила в редакцию 20.04.2022 Принята к публикации 25.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Огарь Т. А., Кокин Д. М., 2022

Previous Conviction as a Sign of the Corpus Delicti of Certain Crimes

Tatyana A. Ogar[1] ✉, Dmitriy M. Kokin[1]

[1]Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1 Letchika Pilyutova Str., Saint-Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: tat-kap@yandex.ru

Abstract

Relevance. *This article discusses topical issues of expanding the role of a criminal record in modern criminal law, acquiring the status of a sign of certain elements of crimes, as well as the problems that arise in this case and require resolution at the legislative level.*

The purpose *is to identify the law value of a previous conviction as a sign of the subject of certain crimes, considering the modern version of the criminal law and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.*

The objectives *analysis of the composition of crimes, including a previous conviction as a mandatory feature of the subject, determining the patterns of fixing a criminal record as a mandatory feature of the composition, identifying existing problems and determining directions for improving criminal legislation in terms of fixing a previous conviction as a mandatory feature of the subject of certain types of crimes.*

Methodology. *The methodological base of the study is made up of general scientific and particular scientific methods of cognition of reality, which made it possible to investigate a previous conviction as a sign of the elements of certain crimes.*

Results. *The experience of fixing the value of a previous conviction in criminal law for bringing to criminal responsibility and sentencing from the moment the Criminal Code of the Russian Federation came into force in 1996 to the present has been studied. The main approaches to accounting for a previous conviction in the process of qualification and sentencing are identified. Violations of the systematic approach were found in the formulation of criminal law norms that consider a previous conviction as a sign of composition. A shortcoming of the current version of the Criminal Code of the Russian Federation has been established, which allows in some cases to consider a previous conviction twice, both in qualifying and in sentencing. Ways to overcome the identified problems and contradictions are proposed.*

Conclusion. *A previous conviction is considered not only in the case of recidivism of crimes and the imposition of punishment, but also as a sign of the main and qualified elements of crimes. Accounting for a previous conviction as a sign of a corpus delicti should be carried out systematically, with unified wording. The issue of the ratio of the social danger of a crime committed by a person brought to administrative responsibility and convicted has not been resolved. In cases where a previous conviction is a sign of the main or qualified corpus delicti, it should be provided in Article 68 a special rule that prevents double counting of this feature, as was done in the original version of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996.*

Keywords: *previous conviction; recidivism; public danger; administrative prejudice; principle of justice.*

Conflict of interest: *The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ogar T. A., Kokin D. M. Previous Conviction as a Sign of the Corpus Delicti of Certain Crimes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 70–82. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-70-82.

Received 20.04.2022 Accepted 25.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Соблюдение принципа справедливости при установлении уголовной ответственности и отправлении правосудия всё чаще становится предметом широкой общественной дискуссии. Частью этого многоаспектного дискурса является учёт при решении вопросов квалификации и назначения уголовного наказания прею-

дициионных фактов и судимости лица, совершившего преступление. Уголовное законодательство сталкивается в том числе с признанием некоторых положений Особенной его части, не соответствующих Конституции Российской Федерации и декларируемым самим Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) принципам. Это ставит вопрос о необходимости тщательной проработки единого подхода к формулированию уголовно-правовых норм, касающихся учёта судимости и привлечения к административной ответственности при оценке общественной опасности поведения тех или иных лиц, решая вопросы криминализации, установления правил назначения уголовного наказания. Это позволило бы сформировать единообразную, правоприменительную практику, складывающуюся по прозрачным и понятным правилам и принципам, которая сможет обеспечить надёжную защиту общественных отношений, ценностей и интересов.

Вопросам учёта судимости и административной преюдиции посвящали свои исследования такие авторы, как: А. А. Абдурахманова [1], И. А. Архенгольц [2], А. А. Арямов [3, с. 3–12], Н. А. Ахтанина [4, с. 9–11], А. Г. Безверхов [5, с. 48–53], А. В. Богданов [6], И. Е. Бочкарев [7, с. 76–87], Т. Н. Долгих [8, с. 20–24], А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, Н. А. Лопашенко [9, с. 124–140], К. Р. Колесник, Д. В. Мирошниченко [10, с. 58], Н. А. Морозова, [11, с. 44–53], Т. А. Огарь [12, с. 505–510], Д. М. Семенова [13, с. 60–63], Э. Л. Сидоренко [14, с. 125–133]; М. Н. Сипягина [15, с. 10–11; 16, с. 250–253], А. С. Телегин, Н. В. Тиунова [17, с. 626–650], А. В. Ульянов [18].

Методология

Основу научного исследования составил диалектический метод научного познания. Использован общенаучный метод анализа, который позволил дать правовую оценку значению судимости для квалификации и назначения наказания. Посредством метода исторического анализа исследовано значение судимости для решения вопросов о привлечении к уголовной ответственности и назначения наказания в период с момента вступления в силу УК РФ 1996 года по настоящее время. Метод научного синтеза использовался для формулирования выводов и предложений о законодательном закреплении признаков субъекта отдельных преступлений, учитывающих судимость.

Результаты и их обсуждение

Понятие судимости не закреплено в тексте уголовного закона несмотря на то, что вопросам ее погашения и снятия посвящена отдельная статья 86 УК РФ. В одном из постановлений, рассматривающих правовые последствия судимости, Конституционный Суд Российской Федерации (далее по тексту – КС РФ) отметил, что судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущие при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия[1]. К таким правовым последствиям в соответствии со ст. 86 УК РФ относится учёт судимости при рецидиве и назначении

[1] По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

наказания. Помимо предусмотренных уголовным законодательством, судимость имеет значительное число правовых последствий в соответствии с иными нормативными правовыми актами [1; 2; 19]. Причём если для уголовного закона имеет значение только действующая (не снятая и не погашенная) судимость, то в других федеральных законах значение может иметь в том числе снятая или погашенная судимость. В качестве примера можно привести Трудовой кодекс, в ст. 331 которого указано, что к педагогической деятельности не допускаются в числе прочих лица, имеющие или имевшие судимость[1]. Также в Семейном кодексе Российской Федерации в п. 9 ч. 1 ст. 127 указано, что усыновителями могут быть совершеннолетние лица обоего пола, за исключением в числе прочих лиц, имеющих или имевших судимость[2].

В момент введения в действие УК РФ 1996 г. упоминания о судимости встречались как в Общей, так и в Особенной части. В Общей части судимость упоминалась в ст. 18 УК РФ, устанавливающей понятие и виды рецидива, а также в нормах, посвященных назначению наказания и освобождению от уголовной ответственности и наказания. В Особенной части судимость была предусмотрена в качестве квалифицирующего признака в девятнадцати составах преступлений (ч. 2 ст. 123, п. «в» ч. 3 ст. 158–161, п. «г» ч. 3 ст. 162–163, п. «в» ч. 3 ст. 165, «в» ч. 2 ст. 171–172, п. «в» ч. 2 ст. 175, ч. 2 ст. 186, п. «а» ч. 2 ст. 191, ч. 2 ст. 198, п. «а» ч. 2 ст. 200, п. «в» ч. 2 ст. 213, п. «в» ч. 3 ст. 221, п. «в» ч. 4 ст. 226, п. «г» ч. 3 ст. 229 УК РФ), при этом в одних случаях требовалось наличие одной неснятой и непогашенной судимости, а в других – две и более. Причем судимости должны были быть за тождественные или однородные преступления.

Наличие у лица, совершившего преступление, судимости оказывало влияние на назначение наказания и это было предусмотрено как в Общей, так и в Особенной части. Если наличие судимости являлось признаком конкретного квалифицированного состава преступления, то это в первую очередь учитывалось в санкции статьи Особенной части, которая в этом случае была строже, чем в основном составе. Однако судимость также учитывалась и при установлении рецидива, который являлся обстоятельством, отягчающим наказание. При этом если рецидив преступлений образуют тождественные или однородные деяния, то такая разновидность рецидива в доктрине уголовного права именуется специальным [7; 20, с. 179]. В первой редакции ч. 2 ст. 68 УК РФ были предусмотрены специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений, которые существенно ухудшали положение лица, совершившего преступление. В целях реализации принципа справедливости в ч. 2 ст. 63 УК РФ был закреплен запрет повторного учета обстоятельства, отягчающего наказание в том случае, если оно предусмотрено в статье Особенной части в качестве признака преступления. Однако в ст. 63 УК РФ отягчающим обстоятельством являлся рецидив, а в статьях Особенной части признаком состава являлось наличие у лица судимости и между ними нельзя ставить знак равенства. Если у лица, совершившего новое преступление, имеется судимость, то это в некоторых случаях может образовать рецидив (что должно повлечь применение специальных правил назначения наказания при рецидиве), а в некоторых случаях, с учетом формы вины и ограничений,

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: [ред. от 25.02.2022: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: [ред. от 04.02.2021: с изм. от 02.03.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 25.03.2022).

предусмотренных в ч. 4 ст. 18 УК РФ, рецидив может отсутствовать. Во избежание двойного учета наличия у лица судимости в том случае, когда возникал рецидив преступлений, в ч. 3 ст. 68 УК РФ было предусмотрено отдельное правило о том, что если статья Особенной части содержит указание на судимость, то наказание должно назначаться без учета правил, предусмотренных ч. 2 ст. 68 УК РФ. На наш взгляд, данное правило, отдельно предусмотренное законодателем, подчеркивало разницу между рецидивом как обстоятельством, отягчающим наказание, и наличием у лица судимости как признака конкретного состава преступления.

В последующем КС РФ был рассмотрен вопрос о проверке конституционности положений УК РФ, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений. В одном производстве были соединены жалобы нескольких граждан, как касающиеся регламентации уголовно-правовой квалификации деяний и назначения наказания при наличии судимости, так и связанных с ней неоднократности и рецидива преступлений, в том числе жалобы граждан Т. З. Девадзе, А. Г. Дербенева, Ю. В. Кириллова, С. Б. Монгуша, Е. Р. Осипова и И. А. Степанова, оспаривающих конституционность ст. 18, 68 УК РФ. Заявителями аргументировалась точка зрения о повторном возложении ответственности за одно и то же преступление при учёте последствий привлечения лица к уголовной ответственности (судимости) при назначении наказания за вновь совершённое преступление, а также о двойном учёте факта судимости: и как квалифицирующего признака состава, и как обстоятельства, отягчающего наказание. Авторы жалоб указывали, что положения ст. 18 и 68 УК РФ противоречат такому принципу права, как "non bis in idem" и, соответственно, отражающим его ст. 50 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 6 УК РФ.

В своём постановлении КС РФ пояснил, что «судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью»[1]. Другими словами, при учёте судимости и как квалифицирующего признака субъекта, и как обстоятельства, влекущего более строгое наказание, причина более строгой ответственности заключается в повышенной степени общественной опасности деяния, совершённого судимым лицом. Таким образом, принцип справедливости не нарушается, а, наоборот, реализуется, принимая во внимание большее количество обстоятельств, характеризующих общественную опасность деяния, в том числе такой аспект личности виновного, как совершение ранее преступления, судимость за которое не снята и не погашена.

При этом КС РФ уточняет, что «если само по себе совершение преступления лицом, уже имеющим судимость, повышает его общественную опасность безотносительно к виду преступления, то это рассматривается в нормах Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве обстоятельства, отягчающего наказание»[1], а если расценивается «как выходящее за рамки обычного, в том числе по причине характерного для конкретного вида преступлений высокого уровня специального рецидива, судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления»[1]. На основании вышеизложенного КС РФ постановил признать не противоречащими Конституции РФ положения

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

ст. 18, 68 УК РФ в части, касающейся регламентации уголовно-правовой квалификации преступления и назначения за него наказания при наличии у лица, совершившего это преступление, непогашенной или неснятой судимости[1].

В декабре 2003 г. был принят Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым была изменена редакция ст. 18, претерпел существенные изменения институт множественности, из уголовного законодательства была исключена неоднократность, из статей Особенной части были исключены все квалифицирующие признаки, связанные с наличием у лица судимости, и в новой редакции ст. 68 УК РФ более не было оговорки по поводу назначения наказания для случаев, если судимость является квалифицирующим признаком.

Однако с 2012 г. в Особенную часть уголовного законодательства судимость постепенно начала возвращаться в качестве признака состава преступления. С принятием Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» ст. 131–132, 134–135 УК РФ были дополнены новым квалифицирующим признаком «совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего». В последующем судимость в качестве признака квалифицированного состава была включена в ч. 2 ст. 204^2 УК РФ, ч. 2 ст. 291^2 УК РФ, ч. 3 ст. 133 УК РФ и в настоящее время является квалифицирующим признаком в семи составах преступлений. В перечисленных преступлениях судимость выступает лишь в качестве квалифицирующего признака и ее отсутствие никак не влияет на возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного основным составом.

Однако с 2014 г. судимость появилась в Особенной части УК РФ в качестве признака основного состава преступления. Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» была введена ст. 264^1 УК РФ, предусматривающая ответственность за управление транспортным средством, лицом в состоянии опьянения, имеющим либо статус лица, привлеченного к административной ответственности, либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо рассматриваемой статьей.

В настоящее время в Особенной части УК РФ имеются три статьи, которые предусматривают наличие судимости за однородное или тождественное преступление в качестве обязательного или альтернативно-обязательного признака основного состава преступления (ст. 264^1, 264^2 и 284^1 УК РФ). При этом наличие судимости в одних случаях рассматривается как альтернатива факту административной преюдиции и оба этих признака предусматриваются в одной части статьи, в других случаях данные признаки расположены в разных частях статьи и наказание лицу, имеющему судимость, более строгое, нежели наказание лицу, привлеченному к административной ответственности. В данном случае повторность совершения тождественного или однородного деяния лицом после его привлечения к юридической (уголовной

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

или административной) ответственности рассматривается как критерий дифференциации административной и уголовной ответственности.

Следует отметить, что судимость как признак основного состава в настоящее время включена только в преступления с административной преюдицией. Данная группа преступлений представляет собой повторное [21; 4, с. 9–11] совершение лицом, привлеченным к административной ответственности, аналогичного деяния, которое в силу повышенной общественной опасности субъекта, его устойчивой антиобщественной направленности, признается уже преступлением [11, с. 45–46]. Количество преступлений с административной преюдицией стремительно растет и в настоящее время в Особенной части уголовного закона предусмотрены уже 22 подобные статьи. Использование конструкции составов преступлений с административной преюдицией представляется эффективным средством межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности [13, с. 61]. В литературе имеется немало противников данной правовой конструкции, предусматривающей в качестве критерия криминализации повторность совершения деяния [9, с. 134]. При этом в качестве негативного обстоятельства отмечается отсутствие единообразия при формулировке данного признака, что подвергается критике в специальной литературе [14, с. 128; 17, с. 626–650]. Однако несмотря на это наблюдается лишь увеличение количества преступлений с административной преюдицией, которые также начали включать в себя признак наличия судимости.

Определенное объединение статусов лица, имеющего судимость, и лица, подвергнутого административному наказанию за тождественное или однородное деяние, в упомянутых выше трех составах преступлений ставит вопрос о целесообразности включения признака судимости в остальные составы преступлений с административной преюдицией. Так, в 2021 г. произошел прецедент признания не соответствующей Конституции РФ ст. 116[1] УК РФ в той части, что среди лиц, повторно совершающих побои, в более привилегированном состоянии находятся те, которые имеют судимость за ранее совершенное аналогичное преступление, по сравнению с лицами, подвергнутыми административному наказанию за ранее совершенное административное правонарушение[1]. В результате данного факта законодателю рекомендовано внести изменения в текст УК РФ относительно ст. 116[1]. В настоящее время на рассмотрении Государственной думы РФ находится проект Федерального закона № 536-8 «О внесении изменений в статью 116[1] Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым предлагается дополнить ст. 116[1] УК РФ частью второй, предусматривающей ответственность за совершение побоев лицом, имеющим судимость. Однако если распространить данное утверждение на другие статьи, предусматривающие наличие специального субъекта – лица, привлеченного к административной ответственности, то в случае повторного совершения им таких же деяний, возникновения судимости вопрос о наличии привилегированного положения у лиц, имеющих судимость за предусмотренные в них деяния, остается открытым и требует дальнейшего изучения [12, с. 505–510].

Если общественная опасность такого рода повторений заключена в субъекте, то общественная опасность лица, имеющего судимость, выше, нежели у лица, привлеченного к административной ответственности. Так, КС РФ указывал на

[1] По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой: постановление Конституционного Суда РФ от 8 апр. 2021 г. № 11-П // Российская газета. 2021. № 84.

то, что «имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»[1]. Однако указанный законопроект предусматривает лишь точечные изменения в УК РФ. Представляется, что признание КС РФ того факта, что среди лиц, повторно совершающих побои, в более привилегированном состоянии находятся те, которые имеют судимость за ранее совершенное аналогичное преступление, по сравнению с лицами, подвергнутыми административному наказанию за ранее совершенное административное правонарушение, может быть распространено и на другие преступления с административной преюдицией. Подобные суждения уже высказывались представителями уголовно-правовой и криминологической науки [15, с. 10–11].

Включая в отдельные преступления судимость как признак субъекта преступления, законодатель при оценке степени общественной опасности деяния изначально приравнял статус лица, привлеченного к административной ответственности, к статусу лица, имеющего судимость. В первоначальной редакции ст. 264[1] УК РФ указанные признаки были объединены в одной части. Последующие изменения, внесенные в текст уголовного закона в 2021–2022 г., свидетельствуют об определенном изменении законодательной оценки степени общественной опасности лиц, привлеченных к разным видам юридической ответственности. В настоящее время в уголовном законодательстве имеются уже три состава преступления, закрепляющие судимость в качестве обязательного признака субъекта, при этом наличие судимости в двух случаях из трех является признаком более квалифицированного состава. Так, Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ «О внесении изменения в статью 264[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» редакция ст. 264[1] УК РФ была изменена путем отнесения статуса лица, привлеченного к административной ответственности, к признаку субъекта ч. 1, а лица, имеющего судимость, ч. 2 указанной статьи. Однако принятым в этот же день Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 292-ФЗ были внесены изменения в ст. 284[1] УК РФ, которые снова отнесли наличие судимости и статуса лица, привлеченного к административной ответственности, к признакам одной и той же части, в то время как в тексте рассматриваемого выше законопроекта по внесению изменений в ст. 116[1] УК РФ указанные признаки предлагается указать в разных частях статьи.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о том, как именно должен быть сформулирован в законе признак, учитывающий судимость виновного. При описании лица, привлеченного к административной ответственности, законодатель в самой диспозиции статьи указывает, что предшествующее привлечение к административной ответственности должно быть за аналогичное деяние, что не создает трудностей в толковании данного признака. При описании судимости как признака состава преступления законодатель использует различные способы.

В статьях, предусматривающих ответственность за преступления против половой свободы и неприкосновенности, обязательному учету подлежит судимость «за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего». Примечание к

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

ст. 131 УК РФ разъясняет, какие именно преступления относятся к указанной группе.

Иной способ применен законодателем в ст. 264^1 УК РФ, где речь идет о судимости за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264^1 УК РФ. В данном случае в диспозиции статьи перечислены конкретные преступления, судимости за которые необходимы для привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное деяние. В ст. 264^2 УК РФ, которая появилась сравнительно недавно, для привлечения к уголовной ответственности требуется наличие судимости за преступление, предусмотренное указанной статьей. Аналогичное требование к судимости содержится в ч. 1 ст. 284^1 УК РФ.

Как видно, законодатель конкретизирует преступления, судимость за которые требуется для привлечения лица к уголовной ответственности, либо в диспозиции статьи, либо в примечании к ней.

Нельзя обойти вниманием имеющийся на рассмотрении законопроект в отношении ст. 116^1 УК РФ, который предлагает закрепить наличие у лица судимости за преступление, совершенное с применением насилия. Данная формулировка может получить широкое толкование. Так, во многих статьях Особенной части в квалифицированных составах преступлений, направленных на различные объекты уголовно-правовой охраны, насилие как способ совершения преступления используется в первую очередь для причинения вреда основному непосредственному объекту. Если же общественная опасность побоев заключается в нарушении права человека на телесную неприкосновенность, то целесообразность учета при этом судимости за преступления против собственности, совершённых с применением насилия, вызывает сомнения. Схожего мнения придерживается и М. Н. Сипягина, полагающая, что при привлечении к уголовной ответственности при обязательном наличии у лица судимости следует учитывать судимость не за любые преступления, совершенные с применением насилия, а за преступления, предусмотренные главой 16 УК РФ [16, с. 250–253].

Представляется, что включение в диспозиции отдельных статей судимости как признака субъекта должно быть максимально конкретно и включать только наличие судимости за аналогичное деяние. Также в настоящее время в действующем законодательстве остался без внимания вопрос о назначении наказания при совершении преступлений, имеющих судимость в качестве признака состава с учетом принципа справедливости. Как в начальных редакциях УК РФ, так и в современной редакции наличие у лица, совершившего преступление, судимости в некоторых случаях образует рецидив, однако запрет на применение в данном случае правил назначения наказания при рецидиве преступлений отсутствует [8, с. 23–24]. Вносимые в данном направлении изменения носят казуистичный характер и нарушают имеющийся баланс.

Выводы

В современном уголовном законодательстве судимость не только учитывается при рецидиве преступлений и назначении наказания, но также выступает в качестве признака как основных, так и квалифицированных составов преступлений, что не находит своего отражения в ст. 86 УК РФ. Включение судимости в качестве признака основного состава преступления должно производиться системно, с конкретными формулировками, не создающими проблем при их толковании и последующем правоприменении. В качестве возможных вариантов предлагается включать в текст закона формулировки: «…судимость за аналогичное преступление…» либо «судимость за преступления предусмотренные…» путем перечисления преступлений, судимости

за которые должны учитываться. Также следует разрешить вопрос о едином подходе к учёту для квалификации статуса лица, привлеченного к административной ответственности, и лица, имеющего судимость, а также их соотношения с учетом особенностей личности виновного и уголовно-правовых последствий в преступлениях с административной преюдицией. Также в случаях, когда судимость является признаком основного или квалифицированного состава преступления, в целях соблюдения принципа справедливости при назначении наказания следует предусмотреть в ст. 68 специальное правило, препятствующее двойному учету данного признака, как это было сделано в первоначальной редакции УК РФ 1996 года.

Список литературы

1. Абдурахманова А. А. Проблемы института судимости в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 24 с.

2. Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 29 с.

3. Арямов А. А. Административная преюдиция в уголовном праве и требования юридической техники // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 3-2. С. 3–12.

4. Ахтанина Н. А. Институт множественности противоправного деяния в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 9–11.

5. Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48–53.

6. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 251 с.

7. Бочкарев И. Е. К вопросу о криминализации административных правонарушений путем использования административной преюдиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 76–87.

8. Долгих Т. Вопросы, возникающие при квалификации действий по статье, содержащей административную преюдицию // Уголовное право. 2019. № 3. С. 20–24.

9. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.

10. Мирошниченко Д. В., Колесник К. Р. Понятие административной преюдиции в уголовном праве России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 1 (48). С. 58.

11. Морозова Н. А. Состояние административной наказанности // Lex Russica. 2021. № 9. С. 44–53.

12. Огарь Т. А. Систематичность как критерий увеличения степени общественной опасности деяния // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2022. С. 505–510.

13. Семенова Д. М. К вопросу о конструировании составов преступлений с административной преюдицией // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1(81). С. 60–63.

14. Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 125–133.

15. Сипягина М. Н. Значение криминологического (фактического) рецидива в системе множественности преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2020. С. 10–11.

16. Сипягина М. Н. Анализ законопроекта «О внесении изменений в статью 116^1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина; сост. Н. И. Кузнецова. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 250–253.

17. Телегин А. С., Тиунова Н. В. Повторность совершения административного правонарушения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 626–650.

18. Ульянов А. В. Судимость и правовые последствия ее реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 159 с.

19. Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Денисова; д-ра юрид. наук, доц. Л. В. Готчиной; канд. юрид. наук, доц. А. В. Никуленко / С.-Петерб. ун-т МВД России. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2017. 336 с.

20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1: Общая часть / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 316 с.

21. Актуальные проблемы уголовного права / отв. ред. И. А. Подройкина. М.: Проспект, 2017. 560 с.

Reference

1. Abdurakhmanova A. A. Problemy instituta sudimosti v ugolovnom prave Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Problems of the institute of criminal record in the criminal law of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Makhachkala, 2005. 24 p.

2. Arkhengolts I. A. Sudimost' i ee obshchepravovye posledstviya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conviction and its general legal consequences. Cand. legal sci. abstract diss.]. Yekaterinburg, 2018. 29 p.

3. Aryamov A. A. Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave i trebovaniya yuridicheskoi tekhniki [Administrative prejudice in criminal law and requirements of legal technique]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes V. I. Vernadsky of Crimean Federal University. Juridical Sciences*, 2021, vol. 7, no. 3–2, pp. 3–12.

4. Akhtanina N. A. Institut mnozhestvennosti protivopravnogo deyaniya v administrativnom i ugolovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii [Institute of plurality of illegal act in the administrative and criminal legislation of the Russian Federation]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2020, no. 5, pp. 9–11.

5. Bezverkhov A. G. Vozvrashchenie "administrativnoi preyuditsii" v ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossii [The return of "administrative prejudice" to the criminal legislation of Russia]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*, 2012, no. 1, pp. 48–53.

6. Bogdanov A. V. Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave Rossii. Dis. kand. yurid. nauk [Administrative prejudice in the criminal law of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 251 p.

7. Bochkarev I. E. K voprosu o kriminalizatsii administrativnykh pravonarushenii putem ispol'zovaniya administrativnoi preyuditsii [On the issue of criminalization of administrative offenses through the use of administrative prejudice]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik Lobachevsky University of the Nizhny Novgorod*, 2019, no. 5, pp. 76–87.

8. Dolgikh T. Voprosy, voznikayushchie pri kvalifikatsii deistvii po stat'e, soder-zhashchei administrativnuyu preyuditsiyu [Questions arising from the qualification of actions under an article containing an administrative prejudice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 3, pp. 20–24.

9. Lopashenko N. A., Golikova A. V., Kobzeva E. V., Kovlagina D. A. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: ponyatie i kriterii verifikatsii [Social danger of a crime: concept and verification criteria]. *Pravoprimenenie = Law enforcement*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 124–140.

10. Miroshnichenko D. V., Kolesnik K. R. Ponyatie administrativnoi preyuditsii v ugolovnom prave Rossii [The concept of administrative prejudice in the criminal law of Russia]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*, 2018, no. 1 (48), p. 58.

11. Morozova N. A. Sostoyanie administrativnoi nakazannosti [State of administrative punishment]. *Lex Russica*, 2021, no. 9, pp. 44–53.

12. Ogar T. A. [Systematicity as a criterion for increasing the degree of public danger of an act]. *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya). Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiiskoi Federatsii Avrutina Yuriya Efremovicha v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya* [Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings). Collection of articles based on the materials of an international scientific and practical conference dedicated to the memory of a doctor of legal sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation Avrutin Yuri Efremovich in connection with the 75th anniversary of his birth]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2022, pp. 505–510. (In Russ.)

13. Semenova D. M. K voprosu o konstruirovanii sostavov prestuplenii s administrativnoi preyuditsiei [On the issue of constructing elements of crimes with administrative prejudice] *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2021, no. 1 (81), pp. 60–63.

14. Sidorenko E. L. Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave: problemy pravoprimeneniya [Administrative prejudice in criminal law: problems of law enforcement]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*, 2016, no. 6, pp. 125–133.

15. Sipyagina M. N. Znachenie kriminologicheskogo (fakticheskogo) retsidiva v sisteme mnozhestvennosti prestuplenii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The value of criminological (actual) recidivism in the system of multiplicity of crimes. Cand. legal sci. abstract diss.]. Kaliningrad, 2020, pp. 10–11.

16. Sipyagina M. N. [Analysis of the bill "On Amendments to Article 1161 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy ezhegodnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow. Materials of the annual All-Russian scientific and practical conference]; ed. by T. A. Ogar,

D. M. Kokin. St. Petersburg, St. Petersburg, Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, pp. 250–253. (In Russ.)

17. Telegin A. S., Tiunova N. V. Povtornost' sovershеniya administrativnogo pravonarusheniya [The repetition of an administrative offense]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, 2019, no. 4, pp. 626–650.

18. Ul'yanov A. V. Sudimost' i pravovye posledstviya ee realizatsii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conviction and legal consequences of its implementation: Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2018. 159 p.

19. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. General part]; ed. by S. A. Denisov, L. V. Gotchina, A. V. Nikulenko. St. Petersburg, R-KOPI LLC Publ., 2017. 336 p.

20. Brilliantov A. V., Galakhova A. V., Davydov V. A., eds. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi). T. 1. Obshchaya chast' [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Vol. 1. General part]; ed. V. M. Lebedev. Moscow, Yurayt Publ., 2017. 316 p.

21. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava [Actual problems of criminal law]; ed. by I. A. Podroikina. Moscow, Prospect Publ., 2017. 560 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Огарь Татьяна Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: tat-kap@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9034-3108

Кокин Дмитрий Михайлович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: kimano11@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5474-553X

Tatyana A. Ogar, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
e-mail: tat-kap@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9034-3108

Dmitriy M. Kokin, Cand. of Sci. (Juridical), Deputy Head of the Department of Criminal Law, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
e-mail: kimano11@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5474-553X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-83-93

(cc) BY 4.0

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – субъективное право или законный интерес осуждённого?

Е. В. Кобзева[1] ✉

[1] Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉ e-mail: evkobzeva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье поднимается проблема, решение которой имеет определяющее значение для понимания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В современной доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права наметилась тенденция отнесения условно-досрочного освобождения к числу законных интересов осуждённых и, как следствие, отказа ему в роли субъективного права. Однако подобный подход противоречит не только представлениям о существе категорий «субъективное право» и «законный интерес», сложившимся в общей теории права, но также уровню и характеру обеспечения условно-досрочного освобождения, гарантируемого действующим российским законодательством.*

Целью исследования *является обоснование условно-досрочного освобождения от отбывания наказания как субъективного права осуждённых и определение границ его реализации именно в качестве субъективного права.*

Задачи: *выявление существенных, отличительных черт субъективного права и законного интереса; раскрытие (в порядке сравнения) необходимой обороны как общепризнанного субъективного права любого человека; установление в условно-досрочном освобождении свойств, идентифицирующих его в качестве субъективного права либо законного интереса осуждённых.*

Методология. *При написании работы использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение), так и частнонаучные, в том числе специально-юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы познания.*

Результаты. *На основе проведённого исследования определено, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания обнаруживает в себе черты субъективного права.*

Вывод. *По уровню государственного признания и юридической обеспеченности условно-досрочное освобождение от отбывания наказания выступает субъективным правом осуждённых. Однако оно не является абсолютным, отдельные притязания осуждённых, хотя и связаны с условно-досрочным освобождением, обеспечиваются исключительно на уровне законных интересов.*

Ключевые слова: *условно-досрочное освобождение; отбывание наказания; субъективное право; законный интерес.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кобзева Е. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – субъективное право или законный интерес осуждённого? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 83-93. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-83-93.

Поступила в редакцию 20.04.2022 Принята к публикации 25.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Кобзева Е. В., 2022

Conditional Early Release from Serving a Sentence – a Subjective Right or a Legitimate Interest of the Convicted Person?

Elena V. Kobzeva[1] ✉

Saratov State Law Academy,
1 Volskaya str., Saratov 410056, Russian Federation

✉ e-mail: evkobzeva@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article raises a problem, the solution of which is crucial for understanding conditional early release from serving a sentence. In the modern doctrine of criminal and penal enforcement law, there has been a tendency to attribute parole to the legitimate interests of convicts and, as a result, to deny it the role of subjective law. However, such an approach contradicts not only the concepts of the essence of the categories of "subjective right" and "legitimate interest" that have developed in the general theory of law, but also the level and nature of the provision of parole guaranteed by the current Russian legislation.*

The purpose *of the study is to substantiate conditional early release from serving a sentence as a subjective right of convicts and to determine the boundaries of its implementation precisely as a subjective right.*

Objectives: *identification of essential, distinctive features of subjective right and legitimate interest; disclosure (by way of comparison) of the necessary defense as a universally recognized subjective right of any person; establishment in parole of properties identifying it as a subjective right or legitimate interest of convicts.*

Methodology. *When writing the work, both general scientific (analysis, synthesis, comparison) and private scientific, including special legal (formal legal, comparative legal) methods of cognition were used.*

Results. *Based on the conducted research, it was determined that conditional early release from serving a sentence reveals the features of subjective law.*

Conclusion. *According to the level of state recognition and legal security, conditional early release from serving a sentence is a subjective right of convicts. However, it is not absolute, individual claims of convicts, although they are associated with parole, are provided exclusively at the level of legitimate interests.*

Keywords: *conditional early release; serving a sentence; subjective right; legitimate interest.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kobzeva E. V. Conditional Early Release from Serving a Sentence - a Subjective Right or a Legitimate Interest of the Convicted Person? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 83–93. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-83-93.

Received 20.04.2022 Accepted 25.05.2022 Published 28.06.2022

Введение

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО) традиционно выступает объектом пристального научного внимания. Общие вопросы понимания УДО, связанные с выявлением его сущности, юридической природы, определением иных социально и юридически значимых аспектов, поднимались в юридической печати на всех этапах развития доктрины уголовного и уголовно-исполнительного права. В дореволюционный период и в первые годы существования советского государства размышления на тему досрочного освобождения от наказания можно встретить, к примеру, в трудах Н. С. Таганцева и С. В. Познышева [1, с. 372–376; 2, с. 161–164]. В советское время институту освобождения от

наказания, и в частности УДО, посвятили научные труды Ю. М. Ткачевский, С. И. Зельдов, А. С. Михлин [3; 4; 5] и другие авторитетные учёные. Сегодня вопросы условно-досрочного освобождения входят в сферу научных интересов таких исследователей, как С. Л. Бабаян, М. Р. Гета, О. В. Конкина, В. И. Селиверстов, А. П. Скиба, В. В. Степанов [6; 7; 8; 9; 10; 11] и многих других.

Исходя из современного уголовно-правового содержания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, оно является дискреционным видом освобождения от наказания, поскольку в конечном итоге вопрос о наличии или отсутствии основания для его реализации решается судом. Однако не все учёные соглашаются с таким подходом, полагая, что используемое в ст. 79 УК РФ[1] недвусмысленное выражение «*подлежит условно-досрочному освобождению*» указывает на императивный характер данного вида освобождения от наказания.

На наш взгляд, упомянутая нормативная фраза призвана обратить внимание на то, что суд, рассмотрев ходатайство осуждённого и придя к выводу о наличии основания и условий для условно-досрочного освобождения, обязан реализовать такое освобождение; другого решения здесь не дано. При этом дискреционный (факультативный) или императивный (обязательный) характер освобождения от наказания определяется тем, насколько суд свободен как раз в установлении основания для освобождения, насколько решение данного вопроса зависит от его собственного усмотрения. С этой позиции УДО, вне всякого сомнения, выступает дискреционным видом освобождения от наказания. Не случайно в законе делается оговорка следующего плана: «подлежит условно-досрочному освобождению, *если судом будет признано*…» (ч. 1 ст. 79 УК РФ).

С выводом о дискреционном характере условно-досрочного освобождения от отбывания наказания неразрывно связана дилемма его признания *субъективным правом или законным интересом осуждённого*.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий между теоретическим обоснованием условно-досрочного освобождения как законного интереса осуждённых и состоянием его фактической правовой обеспеченности; общенаучными методами формальной логики (анализом, синтезом, сравнением, дедукцией, индукцией) – при определении существенных, отличительных черт субъективного права и законного интереса, их преломлении к условно-досрочному освобождению, установлении границ реализации последнего в качестве субъективного права; специально-правовыми методами (формально-юридическим, сравнительно-правовым) – при выявлении уровня государственного признания и юридической обеспеченности условно-досрочного освобождения, его сопоставлении с необходимой обороной и формальным правом осуждённых подавать ходатайства об условно-досрочном освобождении.

Результаты и их обсуждение

В общей теории права принято считать, что субъективное право являет собой юридически гарантированную и обеспеченную обязанностью другой стороны меру возможного поведения, позволяющую человеку пользоваться опре-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [ред. от 25.03.2022] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 13, ст. 1952.

делённым социальным благом. В отличие от него законный интерес выступает юридически дозволенным стремлением человека пользоваться определённым социальным благом, которое, однако, не гарантировано обязанностью другой стороны обеспечивать его реализацию [12, с. 9; 13, с. 263; 14, с. 90–99]. Отдельные авторы, правда, всё-таки включают в структуру законного интереса правомочие на действия других лиц, а именно право требовать от государства создания условий для реализации интереса путём собственных правомерных действий заинтересованного лица и право требовать от неопределённого круга лиц воздержания от создания препятствий для реализации интереса действиями самого заинтересованного лица [15, с. 182, 185]. Однако нужно признать, что по своему характеру данное правотребование существенно отличается от правотребования, входящего в структуру субъективного права, поскольку в любом случае применительно к субъективному праву можно вести речь о гарантии его осуществления, а применительно к законному интересу – лишь о гарантии его наличия [12, с. 9].

Исследуя условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, значительное число учёных приходит к выводу о том, что у осуждённого отсутствует на него субъективное право, но имеется законный интерес. Свою позицию они обосновывают тем, что, даже отбыв установленную законом часть срока наказания и выполнив все иные формально необходимые условия, лицо не может требовать от суда и администрации исправительного учреждения собственного условно-досрочного освобождения. Оно может лишь сообщить в ходатайстве об определённых основаниях, позволяющих ему претендовать на такое освобождение, однако их достаточность будет определять суд [8, с. 39–42, 50; 9; 11, с. 14–16; 16, с. 12; 17, с. 67; 18, с. 161]. Высказывается также мнение о том, что согласно букве закона УДО является субъективным правом осуждённого, но фактически оно реализуется в виде законного интереса [19].

Действительно, в современных условиях у государства отсутствует обязанность применять УДО к каждому осуждённому, обратившемуся в суд с соответствующим ходатайством, в силу чего оно и было отнесено нами к числу дискреционных видов освобождения от наказания. Тем не менее представляется верным научный подход, в рамках которого за осуждённым признаётся именно право на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания [20, с. 10; 21, с. 29; 22, с. 9–10].

Субъективное право человека вообще и участника уголовно-правовых отношений в частности не являет собой абстракцию, для реализации которой достаточно одного лишь упоминания в законе. Оно обладает вполне конкретным содержанием, претворение в жизнь которого связывается законом с наличием определённого основания, обеспечивающих данное основание условий либо с отсутствием для этого каких-либо препятствий. Довольно часто эти обстоятельства прямо и однозначно устанавливаются самим законодателем. В подобных ситуациях задача правоприменителя сводится лишь к проверке выполнения всех предусмотренных законом условий (например, ч. 1–2.1 ст. 83 УК РФ). Однако такая исчерпывающая формализация возможна не всегда. Нередки случаи, когда на уровне закона невозможно предусмотреть все обстоятельства, указывающие на наличие либо отсутствие основания для реализации субъективного права, следовательно, основная нагрузка в решении данного вопроса ложится на плечи правоприменителя.

Позволим себе небольшую аналогию с необходимой обороной, которая в отечественном уголовном праве единодушно признаётся субъективным правом любого человека (ст. 37 УК РФ). Существо данного права заключается в том, что: а) решение о применении либо неприменении необходимой обороны определяется исключительно волеизъявлением правообладателя; б) как и любое субъективное право, необходимая оборона связана с наличием определённого основания и должна отвечать определённым условиям; в) в случае её реализации у государства возникает обязанность объявить непреступным вред, причинённый в обстановке необходимой обороны.

Нужно ли говорить о том, что итоговый вывод о наличии или отсутствии у лица права на необходимую оборону, о соблюдении или нарушении в данном конкретном случае условий её правомерности делает правоприменитель, и только при его положительном решении указанное субъективное право будет гарантировано указанной юридической обязанностью государства? Требуется ли напоминание, что итоговый вывод правоприменителя в значительной степени зависит от уровня его правосознания и не лишён свободы усмотрения? Означают ли сделанные уточнения, что необходимая оборона далее не может считаться субъективным правом, а должна относиться лишь к числу законных интересов человека и гражданина? Думаем, что нет. Высочайший правовой дух, заложенный в необходимую оборону Конституцией РФ (ч. 2 ст. 45)[1], поддержание и развитие этого духа нормами уголовного закона (ст. 37 и др. УК РФ), правовыми позициями Верховного Суда РФ[2] обусловливают её юридическую оценку исключительно как субъективного права.

Возвращаясь к УДО, несложно обнаружить схожий уровень его государственного признания и юридической обеспеченности (гарантированности). Часть 3 ст. 50 Конституции РФ закрепляет право каждого осуждённого просить о смягчении наказания[3], которое получает своё дальнейшее развитие в целом ряде норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Наиболее обстоятельным содержанием среди них наделены нормы об УДО (ст. 79 УК РФ), эффективной реализации которых, в свою очередь, служат правовые позиции Верховного Суда РФ, выраженные в Постановлении Пленума «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания,

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: [с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 26.03.2022)

[2] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19: [ред. от 31.05.2022]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 02.04.2022); Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328041/ (дата обращения: 02.04.2022).

[3] Представляется, что здесь идёт речь не о формальном, выхолощенном праве осуждённого обращаться с ходатайствами о смягчении наказания, к которому сводит данное конституционное положение О. В. Макарова [18, с. 161], а именно о праве на такое смягчение при наличии предусмотренных законом оснований – в дополнение к праву на пересмотр приговора вышестоящими судами и праву просить о помиловании, которые также предусмотрены ч. 3 ст. 50 Конституции РФ.

замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» и в Обзоре судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания[1].

Совокупностью приведённых правовых положений условно-досрочное освобождение возводится до уровня субъективного права осуждённого. При этом абсолютно очевидно, что даже детальная правовая регламентация отношений, связанных с УДО, не способна учесть все те фактические нюансы, которые имеют значение для установления его основания. Без правоприменителя здесь не обойтись. В случае, когда такое основание будет им обнаружено, право осуждённого на условно-досрочное освобождение автоматически обеспечивается юридической обязанностью государства по его реализации. Напротив, неподтверждённость обстоятельствами дела заявленного осуждённым субъективного права (его основания и/или условий, требуемых по закону) влечёт обязанность суда НЕ применять условно-досрочное освобождение.

Уместно привести цитату из работы Ю. М. Ткачевского: «Если наличествуют все те предписания закона, которые положены в основу применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, то суд обязан применить его к осуждённому» [23, с. 219–220]. Данный категоричный тезис был сформулирован учёным ещё в 1999 г., т. е. до включения в ч. 1 ст. 79 УК РФ выражения «подлежит условно-досрочному освобождению».

Следуя этой же логике, не можем согласиться с авторами, утверждающими, что УДО перешло в разряд субъективных прав осуждённого лишь в 2003 г., с внесением соответствующего редакционного уточнения в УК РФ[2] [19, с. 89, 93]. Убеждены, что оно являлось таковым, как минимум, со вступления в силу действующего уголовного закона и продолжает оставаться в этом качестве по сей день. Иной подход означал бы, что формальная (процессуальная и обеспечительная по своей природе) подача в суд ходатайства об УДО, с корреспондирующей ей обязанностью государства рассмотреть соответствующее ходатайство, выступает субъективным правом осуждённого, в то время как само условно-досрочное освобождение, будучи сущностным (материально-правовым) притязанием, проявляется лишь на уровне законного интереса.

Не убеждает в обратном и довод о том, что отсутствие у осуждённого права на УДО обусловлено семантикой слова «ходатайство», заключающего в себе официальную просьбу, но не требование [11, с. 16]. Можно привести массу примеров, когда посредством ходатайства осуждённый обращается за реализацией бесспорно *субъективного права* (ходатайство об освобождении от наказания в связи с истечением срока давности обвинительного приговора суда, ходатайство о пересмотре приговора в порядке обратной силы закона, устранившего преступность деяния, и др.).

[1] О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апр. 2009 г. № 8: [ред. от 28.10.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения: 02.06.2022); Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апр. 2014 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328041/ (дата обращения: 23.03.2022).

[2] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ: [ред. от 07.12.2011]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 23.03.2022).

И последнее по данному аспекту. Признание за осуждённым субъективного права на УДО не означает, что оно распространяется на все вопросы, решаемые в рамках данного вида освобождения от наказания. Так, отсутствие в законе положений, которыми бы обосновывалось полное или частичное освобождение от отбывания дополнительного наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ), регламентировалось принятие решения о сохранении либо отмене условно-досрочного освобождения по основаниям, указанным в п. «а» и «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, определялось, в каких случаях на осуждённого могут быть возложены обязанности, подлежащие исполнению в период неотбытой части наказания (ч. 2 ст. 79 УК РФ), свидетельствует о том, что все стоящие за данными нормами притязания осуждённых выражаются исключительно в виде законных интересов.

Выводы

Возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания получила конституционное закрепление и последующее обстоятельное развитие в нормах Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ, а равно правовых позициях Верховного Суда РФ. Подобный уровень государственного признания и юридической обеспеченности (гарантированности) обусловливает отнесение УДО к числу субъективных прав осуждённых.

Для реализации любого субъективного права требуется установление необходимого основания. В случае с условно-досрочным освобождением огромное значение в деле его установления играет полный и всесторонний учёт фактических обстоятельств дела и индивидуальных свойств личности осуждённого, что, при довольно содержательной нормативно-правовой регламентации УДО, может быть произведено исключительно в рамках правоприменительной деятельности и предполагает определённую свободу судейского усмотрения. Однако само по себе данное обстоятельство не может служить аргументом в пользу отнесения условно-досрочного освобождения к разряду законных интересов.

В случае, когда суд обнаруживает основание для УДО, право осуждённого автоматически обеспечивается юридической обязанностью государства по его реализации. Напротив, если по обстоятельствам дела заявленное осуждённым субъективное право не подтверждается по причине отсутствия надлежащего основания, то у суда возникает обязанность не применять условно-досрочное освобождение.

Субъективное право на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания не является абсолютным. Притязания осуждённых относительно полного или частичного освобождения от отбывания дополнительного наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ), сохранения либо отмены УДО по основаниям, указанным в п. «а» и «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ, перечня и характера обязанностей, возлагаемых на период неотбытой части наказания (ч. 2 ст. 79 УК РФ), обеспечиваются государством на уровне законных интересов.

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2020. 446 с.

2. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 342 с.

3. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М.: Юрид. лит., 1970. 240 с.

4. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и его отбывания. М.: Юрид. лит., 1982. 137 с.

5. Михлин А. С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. 152 с.

6. Бабаян С. Л. Совершенствование поощрительных институтов уголовно-исполнительного права – важная задача реформирования уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: Современное состояние и перспективы развития: сборник материалов круглого стола, посвященный памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ О. В. Филимонова (юрид. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая 2013 г.) / под науч. ред. В. И. Селиверстова, В. А. Уткина. М.: Юриспруденция, 2014. С. 43–51.

7. Гета М. Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России. М.: Юр. Норма, 2017. 336 с.

8. Конкина О. В. Институты условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по действующему уголовному законодательству России. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. 192 с.

9. Селиверстов В. И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2015. № 3. С. 126–130.

10. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 124 с.

11. Степанов В. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: теоретические и правоприменительные проблемы: монография / под науч. ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2010. 178 с.

12. Шериев А. М. Субъективные права, свободы и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 25 с.

13. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во СГАП, 2004. 510 с.

14. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. 357 с.

15. Бурмистрова С. А. Законные интересы, субъективные права и свободы как правовые возможности: соотношение структуры, содержания и реализации // Государство и право. 2019. № 3. С. 180–187.

16. Кулиев Р. И. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы и проблемы повышения его эффективности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Л., 1984. 24 с.

17. Князьков А. С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 63–69.

18. Макарова О. В. Освобождение от наказания // Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / В. П. Кашепов, А. А. Гравина, Т. О. Кашаева [и др.]; под общ. ред. В. П. Кашепова. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2018. С. 154–182.

19. Минаков Г. Л., Абашина Л. А. Условно-досрочное освобождение от наказания: право или законный интерес? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3. С. 89–94.

20. Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение осуждённых к лишению свободы и замена им наказания более мягким: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964. 20 с.

21. Иногамова-Хегай Л. В., Казарян Э. А. Основания и предпосылки применения условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2003. № 4. С. 28–29.

22. Рашидов Ш. М. Уголовно-правовые проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 25 с.

23. Ткачевский Ю. М. Освобождение от наказания // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 1999. С. 216–243.

References

1. Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo. [Russian criminal law]. Moscow, Yurayt Publ., 2020, pt. 2. 446 p.

2. Poznyshev S. V. Osnovy penitentsiarnoy nauki [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta Publ., 1923. 342 p.

3. Tkachevsky Yu. M. Osvobozhdeniye ot otbyvaniya nakazaniya [Release from serving a sentence]. Moscow, Yurid. lit., 1970. 240 p.

4. Zeldov S. I. Osvobozhdeniye ot nakazaniya i ego otbyvaniya [Release from punishment and its serving]. Moscow, Yurid. lit, 1982. 137 p.

5. Mikhlin A. S. Problemy dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya [Problems of early release from serving a sentence]. Moscow, Izd-vo VNII MVD SSSR, 1982. 152 p.

6. Babayan S. L. [Improvement of incentive institutions of penal enforcement law - an important task of reforming the penal enforcement system of Russia]. *Ugolovno-ispolnitelnaya politika, zakonodatelstvo i pravo: Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov kruglogo stola, posvyashchennyi pamyati d-ra yurid. nauk, prof., zasluzh. yurista RF O. V. Filimonova* [Penal enforcement policy, legislation and law: The current state and prospects of development. Collection of materials of the round table, dedicated. in memory of Dr. legal. sci., Prof., honored. Lawyer of the Russian Federation O. V. Filimonov]; ed. by V. I. Seliverstov, V. A. Utkin. Moscow, Jurisprudence Publ., 2014, pp. 43–51. (In Russ.)

7. Geta M. R. Ugolovnoye pravo: predely, ob"ekty i sredstva vozdeystviya v borbe s prestupnostyu v sovremennoy Rossii [Criminal law: limits, objects and means of influence in the fight against crime in modern Russia]. Moscow, Yur. Norma Publ., 2017. 336 p.

8. Konkina O. V. Instituty uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya i zameny neotbytoy chasti nakazaniya boleye myagkim vidom nakazaniya po deystvuyushchemu ugolovnomu zakonodatelstvu Rossii [Institutions of conditional early release from serving a sentence and replacement of the unserved part of the sentence with a milder type of punishment under the current criminal legislation of Russia]. Ryazan, Acad. of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2014. 192 p.

9. Seliverstov V. I. Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [Criminal law and penal enforcement issues of conditional early release]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2015, no. 3, pp. 126–130.

10. Skiba A. P., Myakhanova A. N., Erkhitueva T. I. Uslovnoe osuzhdenie i uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: osnovaniya primeneniya [Conditional conviction and parole: grounds for application]. Ulan-Ude, Buryat St. Univ. Publ., 2020. 124 p.

11. Stepanov V. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya: teoreticheskie i pravoprimenitelnye problemy [Conditional early release from serving a sentence: theoretical and law enforcement problems]; ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 178 p.

12. Sheriev A. M. Subyektivnye prava, svobody i zakonnye interesy kak obyekty pravovoy okhrany i zashchity: problemy teorii i praktiki. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Subjective rights, freedoms and legitimate interests as objects of legal protection and protection: problems of theory and practice. Cand. legal. sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2008. 25 p.

13. Matuzov N. I. Aktualnye problemy teorii prava [Actual problems of the theory of law]. Saratov, Saratov St. Law Acad. Publ., 2004. 510 p.

14. Malko A. V., Subochev V. V. Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya [Legitimate interests as a legal category]. St. Petersburg, Izd-vo R. Aslanova "Jurid. Centr Press", 2004. 357 p.

15. Burmistrova S. A. Zakonnye interesy, sub"yektivnye prava i svobody kak pravovye vozmozhnosti: sootnosheniye struktury, soderzhaniya i realizatsii [Legitimate interests, subjective rights and freedoms as legal possibilities: correlation of structure, content and implementation]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 3, pp. 180–187.

16. Kuliyev R. I. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot lisheniya svobody i problemy povysheniya ego effektivnosti. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conditional early release from imprisonment and problems of increasing its effectiveness. Cand. legal sci. abstract diss.]. Leningrad, 1984. 24 p.

17. Knyazkov A. S. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie: problemy i tendentsii [Parole: problems and trends]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University*. *Right*, 2015, no. 2, pp. 63–69.

18. Makarova O. V. Osvobozhdenie ot nakazaniya [Release from punishment]. *Gumanizatsiya sovremennogo ugolovnogo zakonodatelstva* [Humanization of modern criminal legislation]; ed. by V. P. Kashepov. Moscow, IZiSP pri Pravitel'stve RF Publ., INFRA-M Publ., 2018, pp. 154–182.

19. Minakov G. L., Abashina L. A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya: pravo ili zakonnyy interes? [Conditional early release from punishment: right or legitimate interest?]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 3, pp. 89–94.

20. Ulitsky S. Ya. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennykh k lisheniyu svobody i zamena im nakazaniya bolee myagkim. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conditional early release of convicted persons to imprisonment and their replacement of punishment with a milder one. Cand. legal sci. abstract diss.]. Alma-Ata, 1964. 20 p.

21. Inogamova-Hegai L. V., Kazaryan E. A. Osnovaniya i predposylki primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [Grounds and prerequisites for the application of conditional early release]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2003, no. 4, pp. 28–29.

22. Rashidov Sh. M. Ugolovno-pravovye problemy primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya (po materialam Respubliki Dagestan). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal-legal problems of the application of conditional early release from

serving a sentence (based on the materials of the Republic of Dagestan). Cand. legal sci. abstract diss.]. Makhachkala, 2005. 25 p.

23. Tkachevsky Yu. M. Osvobozhdenie ot nakazaniya [Release from punishment]. Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast. T. 2. Ucheniye o nakazanii [Course of criminal law. General part. Vol. 2. The doctrine of punishment]; ed. by N. F. Kuznetsova and I. M. Tyazhkova. Moscow, Zertsalo, 1999, pp. 216–243.

Информация об авторе / Information about the Author

Кобзева Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: evkobzeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0123-8769

Elena V. Kobzeva, Candidate of Sci. (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: evkobzeva@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0123-8769

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-94-105

(cc) BY 4.0

Проблемные аспекты допроса лиц, ведущих расследование

Д. О. Чистилина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена существованием различных подходов к вопросу возможности осуществления допроса лиц, ведущих расследование, и его предмету. Уголовно-процессуальное законодательство запрещает подобный допрос, однако на теоретическом и практическом уровнях есть сторонники более широкого толкования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих институт допроса.*

Целью *исследования является формирование критериев, которые помогут определить возможность осуществления допроса лиц, ведущих расследование, без нарушения требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законом к доказательствам.*

Задачи *исследования: определить возможную цель уголовно-процессуального доказывания; рассмотреть свойства доказательств; раскрыть особенности производства допроса в уголовном процессе; выявить причины, препятствующие осуществлению допроса лиц, ведущих расследование; осуществить исторический анализ изменений законодательства относительно допроса лиц, ведущих расследование; систематизировать различные позиции по вопросу возможности и предмета осуществления допроса следователя.*

Методология. *Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания; статистический метод; системный подход к рассматриваемой проблеме, исторический метод, формально-логический метод и др.*

Результаты. *В ходе исследования были выявлены и систематизированы различные подходы к вопросу возможности производства допроса лиц, производящих расследование. Автор сформулировал собственное видение проблемы, а также описал существующие законодательные ограничения в ходе допроса следователя.*

Вывод. *Согласно действующему законодательству, допрос лиц, ведущих расследование, невозможен. Однако в некоторых случаях их допрос позволяет установить важные для расследования детали, поэтому на законодательном уровне необходимо предусмотреть такие случаи и подробно регламентировать процедуру подобного допроса. При этом сообщаемые лицом сведения не могут восполнять содержательную сторону доказательства, признанного недопустимым.*

Ключевые слова: *следователь; суд; состязательность; объективная истина; уголовно-процессуальное доказывание; доказательства.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Чистилина Д. О. Проблемные аспекты допроса лиц, ведущих расследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 94–105. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-94-105.

Поступила в редакцию 30.04.2022 Принята к публикации 27.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Чистилина Д. О., 2022

Problematic Aspects of the Interrogation of Persons Conducting the Investigation

Daria O. Chistilina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research is due to the existence of different approaches to the question of the possibility of conducting an interrogation of persons conducting an investigation and its subject. The criminal procedure legislation prohibits such interrogation, however, at the theoretical and practical levels there are supporters of a broader interpretation of the criminal procedure rules governing the institution of interrogation.*

The purpose *of the research is to form criteria that will help determine the possibility of conducting an interrogation of persons conducting an investigation without violating the requirements imposed by the criminal procedure law to evidence.*

The objectives *of the research: to determine the possible purpose of criminal procedural evidence; to consider the properties of evidence; to reveal the peculiarities of interrogation in criminal proceedings; to identify the reasons preventing the interrogation of persons conducting an investigation; to carry out a historical analysis of changes in legislation regarding the interrogation of persons conducting an investigation; to systematize various positions on the possibility and subject of the interrogation of the investigator.*

Methodology. *Methodological basis of research is a general scientific dialectical method as a method of scientific knowledge; statistical method; a systematic approach to the problem, historical method, formal-logical method, etc.*

Results. *In the course of the study, various approaches to the question of the possibility of conducting an interrogation of persons conducting an investigation were identified and systematized. The author formulated his own vision of the problem, and also described the existing legal restrictions during the interrogation of the investigator.*

Conclusion. *According to the current legislation, the interrogation of persons conducting the investigation is impossible. However, in some cases, their interrogation makes it possible to establish important details for the investigation, therefore, at the legislative level it is necessary to provide for such cases and regulate in detail the procedure of such interrogation. At the same time, the information provided by the person cannot fill in the substantive side of the evidence recognized as inadmissible.*

Keywords: *investigator; court; adversarial; objective truth; criminal procedural proof; evidence.*

Conflict of interest: *The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chistilina D. O. Problematic Aspects of the Interrogation of Persons Conducting the Investigation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 94–105. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-94-105.

Received 30.04.2022 Accepted 27.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Процесс доказывания в ходе производства по уголовному делу требует четкого соблюдения процессуального порядка. Основным способом получения доказательств является производство следственных действий, причем каждое следственное действие должно проходить по определенному алгоритму и имеет свои особенности и ограничения. Так, для производства некоторых следственных действий требуется получение разрешения суда, другие требуют вынесения следователем, дознавателем отдельного

постановления, а также участия специалиста.

Самым часто проводимым следственным действием, наряду с осмотром места происшествия, является допрос. Причем не все участники уголовного процесса и не по всем вопросам подлежат допросу. Одних нельзя допрашивать в связи с тем, что они являются носителями различного рода тайн, допрос же других нецелесообразен [1, с. 13–16].

Следователь как участник уголовного судопроизводства является одним из ключевых на стадии предварительного расследования. Именно от его решений зависит дальнейший ход расследования. Несмотря на то, что именно он должен неукоснительно соблюдать правила производства следственных действий и следить, чтобы они были допустимыми, зачастую сам нарушает процессуальный порядок. Затем пытается это исправить путем восстановления картины произошедшего собственным видением в рамках дачи показаний в суде.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос осуществления допроса следователя и иных сотрудников правоохранительных органов, содействующих расследованию преступления. В основном дискуссия сводится к возможным аспектам, по которым могут быть допрошены данные субъекты. Интересным видится рассмотрение нескольких позиций по данному вопросу, а также исследование правоприменительной практики.

Методология

Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, который позволил выявить развитие законодательства и отношение ученых и практиков в уголовно-процессуальной сфере к допросу сотрудников правоохранительных органов.

Также для достижения цели исследования были использованы: исторический метод, позволивший проследить развитие законодательства, регулирующего вопросы допроса различных участников уголовного процесса; системный подход к рассматриваемым проблемам; формально-логический метод, состоящий в толковании содержания правовых норм, регламентирующих такое следственное действие, как допрос; статистический метод, на основе которого удалось обобщить и проанализировать имеющуюся практику по данному вопросу и т. д.

Примененная методология исследования позволила достигнуть поставленную цель и решить сформулированные задачи исследования, а также выявить основные причины нецелесообразности осуществления допроса лиц, ведущих расследование.

Результаты и их обсуждение

Следователь является самостоятельным участником уголовного процесса. Уголовно-процессуальный закон относит его к стороне обвинения, возлагая обязанность по расследованию уголовного дела. Несмотря на то, что он выполняет четко обозначенную задачу по формированию доказательственной базы и отстаиванию позиции стороны обвинения в соответствии со своей основной функцией по уголовному преследованию, закон все же предписывает ему быть объективным и учитывать все имеющиеся факты и проверять возможные версии произошедшего [2, с. 38–44].

В связи с этим перед следователем стоит сложная нравственная дилемма: с одной стороны, он должен осуществить все возможные действия по обвинению лица в совершении преступления и иметь определенную уверенность в том, что именно данное лицо совершило преступление, а с другой стороны, ввиду действия принципа презумпции невиновности должен осознавать, что вывод его носит лишь вероятностный характер, а предложенная версия – лишь обоснованное предположение.

Следователю как субъекту доказывания необходимо четко понимать, что фактически он является основным субъектом, который на досудебных стадиях полномочен формировать доказательственную базу, поэтому ему необходимо быть максимально объективным при осуществлении доказывания [3, с. 183–184]. Желание быстро раскрыть преступление зачастую приводит к тому, что следователи ищут способы восстановления доказательств, полученных с нарушением закона, с минимальными процессуальными затратами.

В связи с этим часто возникает желание у стороны обвинения в случае утраты одного из доказательств восполнить его показаниями следователя, который был непосредственным участником событий, за счет чего можно восстановить утраченную информацию. Однако российское уголовно-процессуальное законодательство не позволяет этого, в связи с чем у теоретиков и практиков это вызывает бурную дискуссию.

Уголовно-процессуальный закон предъявляет к доказательствам определенные требования, которые должны быть соблюдены в совокупности. Доказательства должны быть достоверными, относимыми, допустимыми и достаточными в совокупности для установления какого-либо факта [4, с. 41–43].

Достоверность представляет собой соответствие полученной информации действительности. По сути, это свойство выражает содержательную часть доказательств. Именно к установлению достоверности полученных сведений должен стремиться следователь. Однако процесс получения достоверных сведений должен соответствовать закону. Уголовно-процессуальная форма предписывает получение доказательств только путем производства следственных действий в соответствии с УПК РФ [5, с. 21–22].

Относимость – это такое свойство доказательств, которое свидетельствует о том, что полученные сведения относятся к делу и могут способствовать установлению имеющих значение для дела обстоятельств. Относимость информации проверяется также в процессе доказывания.

Полученные сведения должны соответствовать 4 условиям допустимости доказательств:

1) надлежащий субъект получения доказательств;

2) доказательство должно быть получено из надлежащих источников;

3) при получении доказательств должны быть соблюдены правила проведения процессуальных действий;

4) ход и результаты получения сведений должны быть надлежащим образом зафиксированы [6, с. 8–11].

Фактически, это свойство означает, что при получении доказательств должны быть соблюдены все правила, относящиеся к процессу доказывания и установленные УПК РФ. Сам процесс доказывания состоит из собирания, проверки и оценки, которые осуществляются на протяжении всех стадий уголовного процесса. Именно на этапе проверки может быть выявлено несоответствие порядка получения доказательства требованиям, предъявляемым законом.

Показания как вид доказательств представляют собой сведения, сообщенные на допросе в ходе предварительного следствия или судебного разбирательства. Отметим, что это самый распространенный вид доказательств. Именно с помощью свидетельских показаний зачастую удается восстановить картину произошедшего. Однако это и тот вид доказательств, с которым чаще всего возникают проблемы.

По одной из классификаций показания являются личными доказательствами, что свидетельствует о тесной связи их с личностью носителя информации. Точность и достоверность сведений зависит от многих факторов: когнитивные способности лица, способность запоминать и воспроизводить информацию, желание сотрудничать с органами расследования и судом и др.

Кроме того, данный вид доказательств может быть утрачен в связи со смертью лица (носителя информации) или наличия иных факторов, препятствующих явке участника уголовного процесса [7, с. 203–210]. Кроме того, изменение показаний в суде также является неожиданным и неприятным фактором для стороны обвинения.

Из положений УПК РФ вполне понятно, что в качестве свидетелей не могут быть допрошены лица, ведущие расследование. При этом утрата какого-либо из доказательств по различным причинам может разрушить версию обвинения. Именно в таких случаях у стороны обвинения возникает желание восполнить пробелы путем допроса следователей, дознавателей, что у российских теоретиков и практиков в уголовно-процессуальной сфере вызывает бурные дискуссии.

При исследовании данного вопроса, прежде всего, хотелось бы обратиться к зарубежной практике. Так, в США не ведется традиционного для России расследования на досудебном этапе. Полицейскими составляются отчеты, которые доказательствами по уголовному делу не считаются. Распространенной практикой является допрос офицера в суде по выявленным им обстоятельствам в качестве свидетеля обвинения. Считается, что из первых уст можно получить наиболее полную и достоверную информацию [8, с. 23–25].

Более того, в советской уголовно-процессуальной практике допускался вызов в судебное заседание и допрос в качестве свидетелей лиц, производящих предварительное расследование. Причем они вызывались как по поводу достоверности доказательств, так и в связи с изменением показаний подсудимых и свидетелей. Интересно то, что в советском уголовно-процессуальном законодательстве не было института отвода свидетеля по мотиву заинтересованности в исходе дела или при наличии у него родственных взаимоотношений с другими участниками уголовного процесса. В связи с этим суд не был формально ограничен в вызове на допрос лиц, ведущих расследование. Однако В. Ф. Миронов и В. В. Шимановский отмечают, что в этом случае могли возникнуть некоторые проблемы. Например, следователь, допрошенный в ходе судебного разбирательства, уже не мог вести уголовное дело, если оно возвращалось для дополнительного расследования. Также неизбежно возникал вопрос о сохранении доказательственного значения сведений, собранных таким следователем. Данные обстоятельства заставляли советских исследователей приходить к выводу о том, что допрос следователей в суде в качестве свидетелей должен осуществляться лишь в исключительных случаях, когда без этого невозможно устранить существенные неясности и противоречия в ходе исследования доказательств [9, с. 66–70].

В России сейчас господствует иной подход, запрещающий допрашивать сотрудников правоохранительных органов о том, что ранее обвиняемый говорил при производстве следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, т. е. сотрудник может пояснить что-то о деталях проведенных процессуальных действий, но не воспроизводить информацию со слов лица. Более того, уголовно-процессуальный закон запрещает принимать как доказательства показания с чужих слов, предписывая всегда при возможности обращаться к первоисточнику информации. Так, согласно Определению Верховного Суда РФ от 07.12.2021 № 7-УД21-10-К2, в качестве свидетеля был допрошен участковый уполномоченный об обстоятельствах, ставших ему известными со слов опрошенного, хотя был вызван для того, чтобы пояснить обстоятельства производства следственного действия. Суд вполне законно и справед-

ливо счел данные показания недопустимыми[1].

Такая ситуация, как это не парадоксально, не должна становиться проблемой для стороны обвинения, т. к. признание одного из совокупности имеющихся доказательств недопустимым не должно существенным образом влиять на доказательственную базу. Если же данное доказательство является основным, то вопросы вызывает качество проведенного расследования.

По другому делу Верховный Суд РФ также однозначно высказал свою позицию, состоящую в запрете допрашивать сотрудника полиции, производившей личный обыск задержанной, в ходе которого последняя сообщила информацию по делу, но в последующем от этих показаний отказалась[2].

Позиция Конституционного Суда РФ также схожа с позицией Верховного Суда РФ. В одном из определений КС РФ признал незаконным допрос сотрудника органа дознания, который по поручению следователя допрашивал лицо в качестве свидетеля. Из положения п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ следует, что лицо, допрошенное по уголовному делу как свидетель, не может участвовать в производстве по данному делу в качестве дознавателя, несмотря на то, что он не вел расследование, однако выполнял поручение следователя, что также входит в его полномочия. Таким образом, данные положения УПК РФ распространяются и на оперативных сотрудников органа дознания, привлекаемых к участию в расследовании уголовного дела, в том числе по поручению следователя[3].

Еще более интересно Определение КС РФ от 6 февраля 2004 г. N 44-О: «Положения части 5 статьи 246 и части 3 статьи 278, части 3 статьи 56 УПК РФ… в системной связи с другими нормами уголовно-процессуального законодательства, не дают оснований рассматривать их как позволяющие суду допрашивать дознавателя и следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым, и как допускающие возможность восстановления содержания этих показаний вопреки закрепленному в пункте 1 части второй статьи 75 УПК Российской Федерации правилу, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым. Тем самым закон, исходя из предписания статьи 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации, исключает возможность любого, прямого или опосредованного, использования содержащихся в них сведений»[4].

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2021 № 7-УД21-10-К2. URL: https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07122021-n-7-ud21-10-k2/#:~:text=Определение%20Судебной%20коллегии%20по%20уголовным,об%20обстоятельствах%20совершения%20им%20преступления (дата обращения: 05.04.2022).

[2] ВС объяснил, о чем можно допрашивать следователей и полицейских в суде. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29884/ (дата обращения: 05.04.2022).

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ана Роберта Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 61 и частью первой статьи 62 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2012 г. № 2417-О. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5503/ (дата обращения: 06.04.2022).

[4] По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 февр. 2004 г. № 44-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47218/ (дата обращения: 02.04.2022).

Еще больше определенности внесло недавнее Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. в качестве кассационной инстанции, в котором было признано, что показания дознавателя, следователя, сотрудника, осуществляющего оперативное сопровождение дела, могут быть оценены в суде только по обстоятельствам проведения того или иного процессуального действия. Допустимо использовать их лишь при решении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения содержания показаний допрошенного лица[1].

Таким образом, Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ придерживаются единой позиции о недопущении допроса в качестве свидетелей следователей и дознавателей, в том числе дознавателей, выполняющих поручения следователей, в целях восполнения утраченных доказательств.

При этом отметим, что в некоторых случаях проблема лежит гораздо глубже и связана она со злоупотреблениями со стороны органов расследования. Это относится к особым порядкам судебного разбирательства. Так, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может сложиться такая ситуация, при которой лицо на первоначальном этапе (при подаче ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) сообщает определенные сведения о преступной деятельности следователю, чтобы заинтересовать сторону обвинения, но в последующем прокурор отказывает в заключении сделки. Далее полученная информация может быть использована в ходе дальнейшего расследования, в том числе и путем допроса следователя. Данная ситуация не представляется законной, т. к. в этом случае сторона обвинения пользуется правовой безграмотностью обвиняемого [10, с. 56–60].

При этом Р. Г. Зорин и И. В. Смолькова отмечают, что многие судьи считают недопустимым допрашивать должностных лиц правоохранительных органов, обращая внимание, что закон не предусматривает никаких исключений. Решение проблемы они видят в осуществлении видеозаписи во время производства следственного действия, которая снимет множество вопросов и позволит более детально исследовать представленные стороной обвинения доказательства [11, с. 93–102].

Даже допрос следователя о применении им незаконных методов расследования в отношении обвиняемого представляется недопустимым ввиду того, что подобное заявление стороны защиты является поводом для возбуждения уголовного дела по факту совершения должностных преступлений следователем. Данное обстоятельство требует принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела и допроса следователя уже в качестве обвиняемого, что дает ему право не давать показания и не свидетельствовать против самого себя.

Кроме того, довольно часто на практике следователя вызывают на допрос в качестве свидетеля, чтобы выяснить причины отказа или изменения показаний подсудимого, что завуалированно является попыткой стороны обвинения восстановить содержание первоначальных показаний обвиняемого, от которых он отказался в суде. В данном случае стороны и суд должны задавать вопросы, касающиеся исключительно процедурных моментов, а не содержательной стороны следственного действия [12, с. 11–14].

Стоит отметить, что данный порядок был отвергнут еще во времена Судебной реформы 1864 г. Правительствующий се-

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. по делу № 16-УД21-32-К4. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24022022-n-16-ud21-32-k4/ (дата обращения: 30.03.2022).

нат признал такой подход гибельным для уголовного судопроизводства, искажающим судебное следствие и способствующим возвращению к инквизиционному типу уголовного процесса с почти полным игнорированием прав обвиняемых [13, с. 123–125].

Однако отметим, что встречаются и сторонники допроса следователя в суде в некоторых случаях. Так, Н. В. Радутная считает, что если, например, в протоколе осмотра места происшествия будет отсутствовать подпись следователя, то для восполнения данного доказательства можно допросить следователя в суде, но подобные случаи должны быть, скорее, исключением, чем правилом [14, с. 139–142]. Позволим себе усомниться в данной позиции, т. к. не всегда будет понятно, в каком случае имела место действительно техническая ошибка, а в каком нарушение процессуального порядка производства следственного действия.

Более того, некоторые исследователи в уголовно-процессуальной сфере считают, что следователя можно вызвать в суд в качестве консультанта по существу процессуальных документов [15, с. 30–32]. Однако не очень понятно, какой процессуальный статус ему будет присвоен. Выступать в качестве свидетеля или специалиста он не может, т. к. является лицом, ведущим расследование, а двойную процессуальную роль он выполнять также не может. Кроме того, законом не дан четкий ответ на вопрос о возможности и цели производства правовой экспертизы в рамках уголовного процесса, поэтому и статус эксперта ему присвоен быть не может [16, с. 155–66].

Предлагаемые варианты данными исследователями напоминают концепцию асимметрии правил о допустимости доказательств, в рамках которой предлагается делить нарушения, которые допущены в ходе расследования уголовных дел на восполнимые и невосполнимые, существенные и несущественные. Восполнимые и несущественные недостатки можно нивелировать либо путем производства иных следственных действий, либо допроса участников следственного действия. При этом согласно данной концепции недопустимыми могут быть признаны лишь обвинительные доказательства, т. к. считается, что сторона обвинения намеренно может опорочить оправдательные доказательства [17, с. 58–62].

Концепция асимметрии правил о допустимости доказательств была разработана в США для англо-американской правовой системы, поэтому не совсем корректно ложится на наши правовые обычаи, в связи с чем не применяется в российском уголовном процессе. Данная концепция имеет ряд недостатков, связанных с необходимостью выработки четких критериев отнесения тех или иных нарушений к различным группам. Также вполне оправданы опасения относительно возможного злоупотребления и применения двойных стандартов в уголовном процессе, что вызовет еще больше споров по поводу допустимости доказательств и затруднит ведение уголовного судопроизводства.

Интересна позиция В. В. Кальницкого, который считает возможным допросить следователя в ходе судебного разбирательства для получения от него «дополнительных сведений о наблюдавшихся им следах преступления, но недостаточно полно отраженных в материалах дела». Получение сведений из первоисточника является приоритетной задачей органов расследования, поэтому иногда допрос сотрудников правоохранительных органов может стать ценным дополнением материалов дела. Так, может сложиться ситуация, когда описанное в рапортах нескольких сотрудников, наблюдавших одно и то же событие, совпадает, однако при более детальном исследовании устанавливается невозможность наблюдать одним из них описываемые события. Также возможна и обратная ситуация, когда при допросе сотрудник может вспомнить и рассказать больше деталей,

чем изложено в рапорте или протоколе ввиду того, что ранее они показались ему незначимыми [18, с. 35–40]. В любом случае допрос такого сотрудника поможет внести ясность и приблизиться к истине.

Более того, В. В. Кальницкий предлагает предусмотреть возможность участия следователя в прениях сторон для интерпретации версии стороны обвинения. При этом получение сведений для решения вопроса о допустимости доказательств ему видится неприемлемым, т. к. данный вопрос должен решаться исключительно по результатам оценки всех доказательств [19, с. 72–78].

Таким образом, допрос следователя приводит к искусственному созданию обвинительных доказательств.

Выводы

Проанализировав сразу несколько точек зрения на вопрос о возможности и предмете допроса следователя, можно прийти к выводу, что современное российское уголовно-процессуальное законодательство не дает однозначного ответа.

Безусловно, формально допрос лиц, ведущих расследование, запрещен, однако существуют случаи, когда информация, полученная от них, будет весьма ценной. В связи с этим мы предлагаем провести некую градацию между сведениями, которые на допросе может сообщить следователь, дознаватель. Так, если его показания будут касаться исключительно процедурных моментов (т. е. деталей производства следственного действия), то такой допрос можно признать допустимым и полезным для достижения объективной истины. При этом необходимо будет предусмотреть ряд процессуальных моментов, которые не позволят в своих показаниях выходить за рамки дозволенного стороне обвинения.

Если же допрос будет касаться восполнения информации, сообщенной другим лицом в ходе следственного действия, признанного незаконным, то эта ситуация должна быть однозначно признана недопустимой.

Список литературы

1. Пашутина О. С., Алымов Д. В. Очная ставка: проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования // Российский следователь. 2020. № 6. С. 13–16.

2. Чеботарева И. Н. Паритет обвинения и защиты в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 38–44.

3. Бурмаков Д. О., Петрова О. В. Институт следственных действий: проблемы и пути совершенствования // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 6 т. Курск: Университетская книга, 2018. С. 183–184.

4. Брянская Е. В. К вопросу о свойствах доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 41–43.

5. Ряполова Я. П. Производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении: системные противоречия уголовно-процессуального закона // Российский следователь. 2021. № 5. С. 21–25.

6. Воскобойник И. О. Некоторые аспекты свойства допустимости доказательств по уголовным делам // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 8–11.

7. Лазарева В. А. Показания в уголовном процессе: содержание или форма? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2(45). С. 203–210.

8. Калиновский К. Уголовный процесс современных зарубежных государств. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 45 с.

9. Миронов В. Ф., Шимановский В. В. О допросе следователей в суде в качестве свидетелей // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 6. С. 66–70.

10. Козявин А. А., Чистилина Д. О. Уголовное судопроизводство и институты гражданского общества: взаимодействие и его перспективы: монография. Курск: Университетская книга, 2017. 124 с

11. Зорин Р. Г., Смолькова И. В. Допрос следователя в суде в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2015. № 5(201). С. 93–102.

12. Смолькова И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. № 6. С. 11–14.

13. Сборник решений Правительствующего Сената по вопросам о привлечении к ответственности должностных лиц судебного ведомства за неправильные действия по службе / сост. Н. Рычков. СПб.: Сенат. тип., 1879. 214 с.

14. Радутная Н. В. Коллизии норм уголовно-процессуального законодательства и возможности их преодоления в судебной практике // Комментарий российского законодательства. М.: Изд. Рос. правовой акад. Мин-ва юстиции РФ, 1997. С. 139–155.

15. Пысина Г. Допрос следователя в суде // Законность. 2003. № 11. С. 30–32.

16. Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Использование знаний сведущих лиц при осуществлении защиты по уголовным делам: законодательный, доктринальный и правоприменительный аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 3(72). С. 155–166.

17. Панькина И. Ю. Асимметрия правил допустимости доказательств в контексте принципа состязательности сторон // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 58–62.

18. Кальницкий В. В., Павлов А. В. Предмет допроса следователя в суде // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская акад. Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 35–-40.

19. Кальницкий В. В. Участие сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в судебном разбирательстве // Законодательство и практика. 2020. № 1(44). С. 72–78.

References

1. Pashutina O. S., Alymov D. V. Ochnaya stavka: problemnye aspekty ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya [Confrontation: problematic aspects of criminal procedural regulation]. *Rossijskij sledovatel' = A Russian investigator*, 2020, no. 6, pp. 13–16.

2. Chebotareva I. N. Paritet obvineniya i zashchity v rossiiskom ugolovnom protsesse [The parity of prosecution and defense in the Russian criminal procedure]. *Advokatskaya praktika = Lawyer practice*, 2018, no. 6, pp. 38–44.

3. Burmakov D. O., Petrova O. V. [Institute of Investigative actions: problems and ways of improvement]. *Nauka molodyh - budushchee Rossii. Sbornik nauchnyh statej 3-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivnyh razrabotok molodyh uchenyh* [Science of the Young – the future of Russia. Collection of scientific articles of the 3rd International Scientific Conference of promising developments of young scientists]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 183–184. (In Russ.)

4. Bryanskaya E. V. K voprosu o svoistvakh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [On the question of the properties of evidence in criminal proceedings]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2018, no. 6, pp. 41–43.

5. Ryapolova Ya. P. Proizvodstvo sledstvennykh deistvii v khode proverki soobshcheniya o prestuplenii: sistemnye protivorechiya ugolovno-protsessual'nogo zakona [Production of investigative actions during the verification of a crime report: systemic contradictions of the Criminal Procedure Law]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2021, no. 5, pp. 21–25.

6. Voskobojnik I. O. Nekotorye aspekty svoistva dopustimosti dokazatel'stv po ugolovnym delam [Some aspects of the property of admissibility of evidence in criminal cases]. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*, 2021, no. 1, pp. 8–11.

7. Lazareva V. A. Pokazaniya v ugolovnom protsesse: soderzhanie ili forma? [Testimony in criminal proceedings: content or form?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 2(45), pp. 203–210.

8. Kalinovskij K. Ugolovnyi protsess sovremennykh zarubezhnykh gosudarstv [Criminal proceedings of modern foreign states]. Petrozavodsk, Petrozavodsk St. Univ. Publ., 2000. 45 p.

9. Mironov V. F., Shimanovskij V. V. O doprose sledovatelei v sude v kachestve svidetelei [About interrogating investigators in court as witnesses]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 1988, no. 6, pp. 66–70.

10. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i instituty grazhdanskogo obshchestva: vzaimodeistvie i ego perspektivy [Criminal justice and civil society institutions: interaction and its prospects]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2017, 124 p.

11. Zorin R. G., Smol'kova I. V. Dopros sledovatelya v sude v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii [Interrogation of an investigator in court in the criminal procedure of the Russian Federation]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4: Pravovedenie = Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4: Jurisprudence*, 2015, no. 5(201), pp. 93–102.

12. Smol'kova I. V. Dokazatel'stvennoe znachenie doprosa sledovatelya v kachestve svidetelya v sude [Evidentiary value of interrogating an investigator as a witness in a court of first instance]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2013, no. 6, pp. 11–14.

13. Sbornik reshenii Pravitel'stvuyushchego Senata po voprosam o privlechenii k otvetstvennosti dolzhnostnykh lits sudebnogo vedomstva za nepravil'nye deistviya po sluzhbe [Collection of decisions of the Governing Senate on the issues of bringing to justice officials of the judicial department for improper actions in the service]; ed. by N. Rychkov. St. Petersburg, Senat. tip., 1879. 214 p.

14. Radutnaya N. V. Kollizii norm ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva i vozmozhnosti ikh preodoleniya v sudebnoi praktike [Collisions of norms of criminal procedural legislation and the possibility of overcoming them in judicial practice]. *Kommentarij rossijskogo zakonodatel'stva* [*Commentary of the Russian legislation*]. Moscow, Izd. Ros. pravovoj akad. Min-va yusticii RF, 1997, pp. 139–155.

15. Pysina G. Dopros sledovatelya v sude [Interrogation of an investigator in court]. *Zakonnost' = Legality*, 2003, no. 11, pp. 30–32.

16. Pashutina O. S., Chebotareva I. N. Using the knowledge of knowledgeable persons in the implementation of criminal defense: legislative, doctrinal and law enforcement aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2017, vol. 21, no. 3(72), pp. 155–166.

17. Pan'kina I. Y. Asimmetriya pravil dopustimosti dokazatel'stv v kontekste printsipa sostyazatel'nosti storon [Asymmetry of the rules of admissibility of evidence in the context of the principle of adversarial parties]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*, 2018, no. 3, pp. 58–62.

18. Kal'nickij V. V., Pavlov A. V. [The subject of interrogating an investigator in court]. *Sovershenstvovanie ugolovno-processual'nyh i kriminalisticheskih mer protivodejstviya prestupnosti. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [The implementation of criminal procedural and criminalistic measures to counteract crime. Collection of materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Omsk, Omsk. akad. Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2019, pp. 35–40. (In Russ.)

19. Kal'nickij V. V. Uchastie sotrudnika organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii v sudebnom razbiratel'stve [Participation of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation in court proceedings]. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*, 2020, no. 1(44), pp. 72–78.

Информация об авторе / Information about the Author

Чистилина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Daria O. Chistilina, Can. of Sci. (Juridical), Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-106-115

CC BY 4.0

Глобальные проблемы современности как угроза экологической безопасности России

Н. И. Кузнецова[1] ✉

[1] Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Летчика Пилютова 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

✉ e-mail: natasha40480@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Статья посвящена возрастающей опасности глобальных проблем современности, обладающих определенной спецификой, затрагивающих интересы всех стран и народов мира, и в значительной мере – Российской Федерации. Экологическая проблема относится к числу трудноразрешимых и чрезвычайно опасных проблем для всего мира, ставящих под угрозу существование жизни на Земле. Сущность данной проблемы заключается в том, что некогда была нарушена жизненно необходимая взаимосвязь между природой и человеком. Это положение привело к стремительному истощению всех возможных ресурсов, уничтожению и оскуднению большого числа растений и животных, критическому загрязнению окружающей среды.*

Целью *является обоснование криминологического изучения глобальных проблем современности и поиск путей выхода из сложившейся ситуации, уточнение концепта экологической безопасности России.*

Задачи: *выявить потенциальные угрозы для экологической безопасности России, предложить меры по минимизации ущерба от глобальных проблем современности.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания действительности, позволяющие исследовать глобальные проблемы современности. Применены политико-правовой и междисциплинарный подходы к исследованию.*

Результаты*. В ходе исследования предложено понимание глобальных проблем современности как комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых жизненно важных общепланетарных проблем, имеющих ярко выраженный экономический аспект, наличие которых может угрожать самому существованию человеческой цивилизации и которые требуют для своего решения международного сотрудничества.*

Выводы. *В ходе исследования предложены пути выхода из сложившейся ситуации, включающие необходимость сокращения антропогенной нагрузки, ограничение количества автомобильного транспорта, повышение экологической грамотности и культуры населения, рациональное использование изделий из пластика, стимулирование использования экологически чистого транспорта и энергии, политику планирования семьи, проведение четкой уголовно-экологической политики, усиление пенализации за совершение экологических преступлений.*

Ключевые слова: *экологическая безопасность; уголовно-экологическая политика; вред окружающей среде; экологические преступления; глобальное потепление; экологическая миграция.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кузнецова Н. И. Глобальные проблемы современности как угроза экологической безопасности России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 106-115. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-106-115.

Поступила в редакцию 17.04.2022 Принята к публикации 24.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Кузнецова Н. И., 2022

Global Problems of our Time as a Threat to Russia's Environmental Security

Natalia I. Kuznetsova[1] ✉

[1]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Pilot Pilyutov Str., Saint Petersburg 198206, Russian Federation

✉ e-mail: natasha40480@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article is devoted to the increasing danger of global problems of our time, which have certain specifics, affecting the interests of all countries and peoples of the world, and to a large extent – the Russian Federation. The environmental problem is one of the intractable and extremely dangerous problems for the whole world, endangering the existence of life on Earth. The essence of this problem lies in the fact that the vital relationship between nature and man was once violated. This situation has led to the rapid depletion of all possible resources, the destruction and impoverishment of a large number of plants and animals, and critical environmental pollution.*

The purpose: *the aim is to substantiate the criminological study of the global problems of our time and to find ways out of the current situation, to clarify the concept of environmental safety of Russia.*

Objectives: *to identify potential threats to Russia's environmental security, to propose measures to minimize damage from global problems of our time.*

Methodology*. The methodological basis of the research consists of general scientific and private scientific methods of cognition of reality, which allow us to explore the global problems of our time. A political and legal approach to the study was applied.*

Results*. In the course of the study, an understanding of the global problems of our time is proposed as a complex of interrelated and interdependent vital global problems with a pronounced economic aspect, the presence of which may threaten the very existence of human civilization and which require international cooperation for their solution.*

Conclusions*. The study suggests ways out of the current situation, including the need to reduce the anthropogenic load, limiting the number of motor transport, improving environmental literacy and culture of the population, - rational use of plastic products, stimulating the use of environmentally friendly transport and energy, family planning policy, conducting a clear criminal and environmental policy, strengthening penalization for environmental crimes.*

Keywords: *environmental safety; criminal environmental policy; environmental damage; environmental crimes; global warming; environmental migration.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publiation of this article.*

For citation: Kuznetsova N. I. Global Problems of our Time as a Threat to Russia's Environmental Security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 106–115. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-106-115

Received 17.04.2022 Accepted 24.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Глобальные проблемы современности – тема широчайшая. Она не теряет своей актуальности и со временем приобретает новую остроту. Это происходит потому, что, во-первых, регулярно возникают новые угрозы для безопасности населения земного шара (пандемия COVID-19 и предшествующие ей менее массовые эпидемии, глобальное потепление, экологическая миграция, мусорный экоцид, возрастающее число экологически неблагоприятных территорий, критическое оскуднение флоры и фауны, во-

оруженные конфликты за природные ресурсы), во-вторых, уровень антропогенного воздействия человека на окружающую среду ставит под угрозу существование жизни на планете, в-третьих, необходимость папирования глобальных угроз диктует потребность в их изучении и тщательном криминологическом осмыслении, в-четвертых, потребность прогнозирования потенциальных глобальных угроз и выработки адекватных мер противодействия им.

Методология

Основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод. Также использован общенаучный метод анализа, который позволил дать правовую оценку существующим глобальным проблемам современности. Метод научного синтеза использовался для формулирования выводом и предложений о законодательном закреплении уголовной ответственности за новые виды экологически опасных деяний, усилении законодательной и правоприменительной пенализации за совершение экологических преступлений.

Результаты и их обсуждение

Следует определиться с понятийным аппаратом, используемым в настоящей работе. Сам термин «глобальный» ведет своё происхождение от латинского слова «глобус», т. е. Земля, и буквально означает «пространственно-планетарное измерение». Таким образом, речь идет о планетарных, масштабных проблемах. На нашей планете много проблем, но далеко не все можно считать глобальными, поэтому следует определиться с методологическим аспектом исследования глобальных проблем современности, выделением критериев этих проблем, их сущностью и содержанием. Мы полагаем, что таких критериев пять:

1) имеют общепланетарный характер, т. к. затрагивают жизненно важные вопросы всех стран и народов мира [1, с. 25];

2) часто приводят к значительным экономическим и социальным потерям, а в случае их обострения могут угрожать самому существованию человеческой цивилизации [2, с. 20];

3) имеют комплексный характер глобальных проблем, который хорошо просматривается, например, в современных вооруженных конфликтах; как правило, причиной их становится ресурсная проблема – нехватка ресурсов для обеспечения функционирования экономик развитых стран [3, с. 137];

4) отличаются ярко выраженным экономическим аспектом [4];

5) требуют разрешения на международном уровне.

Таким образом, глобальные проблемы современности – это комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых жизненно важных общепланетарных проблем, имеющих ярко выраженный экономический аспект, наличие которых может угрожать самому существованию человеческой цивилизации и которые требуют для своего решения международного сотрудничества.

Большинство ученых выделяют следующие наиболее очевидные глобальные проблемы: угрозу ядерного апокалипсиса, экологическую, сырьевую, энергетическую, продовольственную, демографическую, преодоления опасных болезней, мирного освоения космоса и богатств Мирового океана, преодоления экономического отставания развивающихся стран [5, с. 189]. Некоторые ученые среди глобальных проблем называют также экстремизм [6], терроризм [7], коррупцию [8], наркоманию [9], алкоголизм [10], труд [11], безработицу [12], международную миграцию [13], интернет-зависимость [14] и др.

Экологическая проблема относится к числу трудноразрешимых и чрезвычайно опасных проблем для всего мира, ставящих под угрозу существование жизни на Земле. Сущность данной проблемы заключается в том, что некогда была нарушена жизненно необходимая взаимосвязь между природой и человеком. Это положение привело к стремительному истощению всех возможных ресурсов, уничтожению и оскуднению большого числа растений и животных, критическому загрязнению окружающей среды и др. Очевидно, следует остановиться на ряде причин, которые привели к критическому состоянию природы. Если не предпринимать никаких мер, то в будущем эти проблемы будут только усугубляться.

Население земного шара увеличивается, растут потребности людей, а вместе с ними и экологические проблемы [15, с. 18]. Так, за последние 100 лет численность населения планеты увеличилась в 4 раза, а совокупный продукт, вырабатываемый человечеством, возрос в 17,6 раз. При этом потребление минерального сырья выросло в 29 раз [16, с. 16]. В целом планета способна вместить и гораздо большее количество людей. Проблема заключается в неравномерности давления, оказываемого на природу в разных регионах. Три четверти населения планеты проживают в странах, уровень потребления которых превышает регенерационные возможности природы [17].

Закономерно, что с ростом населения растет количество отходов и производимых выбросов. Только пластиковых бутылок в мире ежеминутно покупается один миллион [18]. Пластик, из которого они изготовлены, разлагается от 80 до 600 лет. Он выделяет токсичные вещества, вызывающие гибель растений и животных как на суше, так и в воде, является причиной многих болезней людей. Заполняя территории, пластмассовые отходы уничтожают целые экосистемы, особенно вблизи рек и в океанах. Вредно и само производство пластмасс, для которого также используются различные ядовитые и опасные вещества[1].

В 2017 г. на каждого россиянина производилось около 43 тонн отходов в год (из них более 650 кг – опасных). В Российской Федерации в 2018 г. было накоплено более 500 тонн отходов на каждого жителя [19, с. 6].

Вред отходов часто недооценивают. Отторжение ценных земель, их нерациональное использование для свалок, загрязнение грунтовых вод и наземных водоёмов, почв, воздуха, разрушение озонового слоя, вред здоровью человека, животному и растительному миру – вот перечень последствий, которые сопутствуют функционированию мусорных свалок и полигонов. Пагубное воздействие продолжается даже после их закрытия [20].

По оценкам экспертов, человечество потребляет более 20% планетарной биомассы в энергетическом эквиваленте, тогда как допустимое изъятие, не разрушающее биосферу, не должно превышать 1%. Следовательно, человечество уже более чем в 20 раз превысило допустимый предел мощности своей экономики, вышло за пределы устойчивости биосферы [21].

Антропогенное воздействие приводит к сокращению биологического разнообразия. По мнению ученых, скорость вымирания биологических видов, оскудения генетического богатства планеты в наши дни в 1 тысячу раз больше, чем когда-либо за последние 65 миллионов лет истории Земли [22]. Ежедневно вымирает 1-2 вида растений. Между тем один вид растений обеспечивает существование в

[1] Охрей А. Чем опасен пластик для окружающей среды? URL: https://ecogrizzly.shop/ru/dangerous-plastic-ru/ (Дата обращения: 13.03.2022).

среднем 11 видов животных, а в тропических лесах – 20 видов [23, с. 413].

Одной из главных экологических проблем современности является загрязнение окружающей среды в результате выбросов промышленными предприятиями и автотранспортом вредных веществ в атмосферу, что наиболее наглядно проявляется в таких российских мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург, в городах Абакан, Братск, Норильск, Канск, Новокузнецк, Череповец и др.

При этом транспортные загрязнения атмосферы составляют более 70% валового выброса. Содержащиеся в нем вредные, в том числе канцерогенные, вещества достигают опасных концентраций. Из-за того, что выбросы располагаются на уровне органов дыхания человека, они намного опаснее промышленных и энергетических поллютантов, рассеиваемых высокими трубами на большие расстояния. По имеющимся оценкам, 100 тыс. случаев смерти в год в перечисленных городах могут быть связаны с загрязнением атмосферного воздуха транспортными средствами [24].

Очевидно, что следует поднимать вопрос об ограничении количества автомобилей в населенных пунктах, вводить запрет на въезд на определенные территории, на пользование ими в установленные дни и часы, стимулировать использование альтернативного экологически чистого транспорта.

На территории нашей страны практически все водоёмы подвержены антропогенному воздействию. Качество воды в большинстве из них не отвечает нормативным требованиям. Черная и цветная металлургия, металлообрабатывающая промышленность, предприятия химической, целлюлозно-бумажной, машиностроительной, текстильной, пищевой промышленности загрязняют водоёмы, что негативно сказывается на здоровье человека. Так, например, железо в воде провоцирует сердечно-сосудистые болезни, кадмий разрушает структуру ДНК, никель поражает кожу, цинк выводит из строя почки, алюминий парализует центральную нервную и иммунную системы (особенно у детей). Поэтому сегодня проблему защиты воды следует считать одной из важнейших, т. к. вода – это не только здоровье населения, но и жизнь представителей флоры и фауны[1].

Повсеместно снижается уровень плодородия почвы из-за добычи полезных ископаемых, выполнения геологоразведочных, изыскательских, строительных и других работ, эксплуатационной деградации почв, вырубки леса. Так, в 2019 г. площадь нарушенных земель в России составила 1 076,9 тыс. га, что на 4,5 тыс. га больше, чем в 2018 г. В целом за последние несколько лет наблюдается тенденция к росту нарушения земель. В большей степени это относится к землям промышленного и иного назначения [25, с. 990].

В мире и в стране появляются зоны экологического неблагополучия. К таким зонам относится, например, Норильск. Зоны экологического неблагополучия не возникают внезапно – это продукт деятельности человека. Итогом хозяйственной деятельности людей является разрушение экосистем на огромных территориях. Этому способствуют и отсутствие надлежащего контроля, в том числе общественного, безнаказанность за совершение экологических правонарушений и преступлений, непродуманная политика строительства и размещения промышленных предприятий, коррупционные интересы местных властей и бизнеса [26, с. 98]. По сути дела, подобные зоны эко-

[1] Широкова И. Г., Соловьёв Н. А. Источники химического загрязнения и их влияние на гидросферу и здоровье человекаю URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-himicheskogo-zagryazneniya-i-ih-vliyanie-na-gidrosferu-i-zdorovie-cheloveka (дата обращения: 26.03.2022).

логического неблагополучия возникают в результате масштабных экологических преступлений. Данные преступления нарушают интересы каждого человека, проживающего в любой точке мира. У экологических преступлений нет территориальных границ, пострадавшим, так или иначе, является всё человечество.

Профессор Ю. М. Антонян приходит к заслуживающему внимание выводу о том, что человек проявляет агрессию не только против себе подобных, но и против окружающей среды, растительного и животного мира. При этом «…часто создается впечатление, что лишь отдельным людям, не всегда при этом наделенным большой властью, приходит в голову счастливая мысль о том, что все это, наоборот, надо беречь». Однако, к сожалению, следует признать, что психические особенности человека отнюдь не являются главным фактором, порождающим противостояние общества и природы. Гораздо большую роль играет стремление к извлечению выгоды самыми различными, в том числе незаконными, способами.

Возникает вопрос, каковы пути развития ситуации в будущем? Согласно оптимистичным заключениям к 2100 г. население Земли достигнет 11–14 млрд человек и стабилизируется. Существующие экологические проблемы усугубятся, нагрузка на ресурсы многократно увеличится, многие невозобновляемые запасы будут исчерпаны. При этом произойдет рывок в технологическом развитии, благодаря чему человечество сумеет обеспечить существование столь огромного населения и нивелировать некоторые глобальные проблемы.

С другой стороны, согласно самым пессимистичным выводам человечество ждёт коллапс, вызванный избытком населения, недостатком ресурсов, природными бедствиями, войнами и другими проблемами. В результате всего этого прогнозируется нанесение серьёзного ущерба природе и сокращение численности людей до 1–3 миллиардов[1].

Негативное влияние на экологическую обстановку в стране и мире оказывают экологические преступления. Несмотря на их особую вредоносность степень общественной опасности экологических преступлений государством и гражданским обществом явно недооценена. Так, глава 26 УК РФ «Экологические преступления» содержит 47 составов преступлений. Из них к преступлениям небольшой тяжести относятся 24 состава (51%), к преступлениям средней тяжести – 15 (32%); к тяжким – 8 (17%); особо тяжких преступлений не предусмотрено вообще. Следовательно, большая часть экологических преступлений относится к категории небольшой тяжести, что вряд ли можно признать оправданным. Представляется, что категоризация экологических преступлений должна быть пересмотрена в сторону увеличения санкций за совершение рассматриваемых преступлений.

Выводы

Несомненно, обозначенные нами проблемы должны быть осмыслены криминологами и представителями других наук, поскольку несут угрозы как экологической, так и национальной безопасности. В целях минимизации выявленных угроз предлагаем следующие пути выхода из сложившейся ситуации:

– сокращение антропогенной нагрузки;

– ограничение количества автомобильного транспорта;

– повышение экологической грамотности и культуры населения;

[1] Трофимов С. Перенаселение планеты и борьба за ресурсы как один из факторов экологической катастрофы. URL: https://vc.ru/future/347321-perenaselenie-planety-i-borba-za-resursy-kak-odin-iz-faktorov-ekologicheskoy-katastrofy-aleksandr-rayskiy (дата обращения: 13.03.2022).

– рациональное использование природных и энергоресурсов;

– рекультивация земель, очищение вод и атмосферного воздуха, восстановление лесного фонда и озеленение населенных пунктов;

– строительство жилых и промышленных объектов с учетом экологического равновесия;

– рациональное использование изделий из пластика;

– стимулирование использования экологически чистого транспорта;

– политика планирования семьи;

– проведение четкой уголовно-экологической политики;

– усиление пенализации за совершение экологических преступлений.

Список литературы

1. Чекмасова Ю. В. Глобальные проблемы современности как угроза пограничной безопасности России: дис. … канд. филос. наук. М., 2015. 183 с.

2. Гринёв А. В. Глобальные проблемы современности и угрозы национальной безопасности России // Клио. 2010. № 3 (50). С. 20–27.

3. Глобальные проблемы современности // История и философия науки / отв. ред. А. В. Жукоцкая, С. В. Черненькая; Моск. город. пед. ун-т. М.: Книгодел, 2020. 140 с.

4. Лихтинова М. А. Глобальные проблемы современности: экономический подход // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 4-8. С. 62–64.

5. Лобачева З. Н., Гаджиломаров Б. Глобальные проблемы современности и пути их решения // Вестник Махачкалинского филиала МАДИ. 2010. № 10. С. 187–189.

6. Бельчик А. М., Павлов Н. В. К вопросу об экстремизме как глобальной проблеме современности // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 430–431.

7. Муртазин А. И., Зайцев А. Г. Терроризм как глобальная проблема современности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 336–337.

8. Шукайло Т. И. Коррупция – глобальная проблема современности // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский ин-т МВД Республики Беларусь, 2014. С. 85–86.

9. Федулов А. Наркотизация – глобальная проблема современности // Власть. 2007. № 9. С. 56–58.

10. Корогодина Е. А. Алкоголизм как глобальная проблема современности // Региональный вестник. 2020. № 11 (50). С. 35–36.

11. Блажиевская Г. А. Труд как глобальная проблема современности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1-2. С. 19–25.

12. Бушуев А. Д. Безработица – глобальная проблема современности // Научно-практические исследования. 2019. № 4.1 (19). С. 7–9.

13. Муйдинов Д. Международная миграция – глобальная проблема современности // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: сборник статей по материалам XV Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2018. С. 47–52.

14. Крайнов А. Л. Интернет-зависимость как глобальная проблема современности // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 4 (30). С. 38–45.

15. Антонов В. Н., Баркова В. В. Философские проблемы экологии как науки // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2013. № 3. С. 18–29.

16. Ромасевич Д. И. Глобальные проблемы современности и экологическая политика России: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2006. 30 с.

17. Рогожкина Н. Г. Новые тенденции в экологической политике развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 4. С. 81–89.

18. Лягина И. В. Мусор как глобальная проблема современности // Энигма. 2019. № 12-1. С. 109–120.

19. Блоков И. П. Окружающая среда и ее охрана в России. Изменения за 25 лет. М.: ОМНИО «Совет Гринпис», 2018. 432 с.

20. Власов А. Г. Пожарная и экологическая опасность твердых бытовых отходов: на примере Московской области: дис. ... канд. техн. наук. М., 2001. 202 с.

21. Соколов Ю. И. На пороге рискованного будущего // Проблемы анализа риска. 2014. Т. 11, № 2. С. 6–23.

22. Смышляев В. А. Современная экологическая политика: сущность, теория и социально-экономические приоритеты // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. №7 С. 161–163.

23. Новиков Ю. В. Экология, окружающая среда и человек. М.: Фаир-пресс, 2005. 736 с.

24. Лим Т. Е. Влияние транспортных загрязнений на здоровье человека: обзор литературы // Экология человека. 2010. № 1. С. 4–9.

25. О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2019 году: гос. докл. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. 990 с.

26. Транин А. А. Правовые проблемы экологического равновесия современной России: монография / отв. ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ М. М. Бринчук. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.

References

1. Chekmasova Yu. V. Global'nye problemy sovremennosti kak ugroza pogranichnoi bezopasnosti Rossii. Diss. kand. filos. nauk [Global problems of modernity as a threat to the border security of Russia. Cand. philos. sci. diss.]. Moskow, 2015. 183 p.

2. Grinev A. V. Global'nye problemy sovremennosti i ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossii [Global problems of modernity and threats to the national security of Russia]. *Klio = Klio*, 2010, no. 3 (50), pp. 20–27.

3. Birich I. A. Global'nye problemy sovremennosti [Global problems of modernity]. Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]; ed. by A.V. Zhukotskaya, S. V. Chernenkaya. Moscow, Knigodel Publ., 2020. 140 p.

4. Likhtinova M. A. Global'nye problemy sovremennosti: ekonomicheskii podkhod [Global problems of modernity: an economic approach]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii = Modern trends in the development of science and technology*, 2016, no. 4-8, pp. 62–64.

5. Lobacheva Z. N., Gadzhilomarov B. Global'nye problemy sovremennosti i puti ikh resheniya = Global problems of modernity and ways to solve them]. *Vestnik Makhachkalinskogo filiala MADI = Bulletin of the Makhachkala branch of MADI*, 2010, no. 10, pp. 187–189.

6. Belchik A. M., Pavlov N. V. K voprosu ob ekstremizme kak global'noi probleme sovremennosti [On the issue of extremism as a global problem of our time]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2022, no. 1 (164), pp. 430–431.

7. Murtazin A. I., Zaitsev A. G. Terrorizm kak global'naya problema sovremennosti [Terrorism as a global problem of modernity]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 3 (142), pp. 336–337.

8. Shukailo T. I. [Corruption – a global problem of modernity]. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Fighting crime: theory and practice. Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Mogilev, Mogilev in-t MVD Respubliki Belarus, 2014, pp. 85–86.

9. Fedulov A. Narkotizatsiya – global'naya problema sovremennosti [Anesthesia – a global problem of modernity]. *Vlast' = Power*, 2007, no. 9, pp. 56–58.

10. Korogodina E. A. Alkogolizm kak global'naya problema sovremennosti [Alcoholism as a global problem of modernity]. *Regional'nyi vestnik = Regional Bulletin*, 2020, no. 11 (50), pp. 35–36.

11. Blazhievskaya G. A. Trud kak global'naya problema sovremennosti [Labor as a global problem of modernity]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*, 2006, no. 1-2, pp. 19–25.

12. Bushuev A. D. Bezrabotitsa – global'naya problema sovremennosti [Unemployment - a global problem of modernity]. *Nauchno-prakticheskie issledovaniya = Scientific and practical research*, 2019, no. 4.1 (19), pp. 7–9.

13. Muidinov D. [International migration - a global problem of our time]. *Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Sbornik statei po materialam XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [History, political science, sociology, philosophy: theoretical and practical aspects. Collection of articles based on the materials of the XV International scientific and practical conference]. Novosibirsk, Sibirskaya akademicheskaya kniga Publ., 2018, pp. 47–52. (In Russ.)

14. Krainov A. L. Internet-zavisimost' kak global'naya problema sovremennosti [Internet addiction as a global problem of modernity]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve = Philosophy and humanities in the Information society*, 2020, no. 4 (30), pp. 38–45.

15. Antonov V. N., Barkova V. V. Filosofskie problemy ekologii kak nauki [Philosophical problems of ecology as a science]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Modern Higher School: Innovative aspect*, 2013, no. 3, pp. 18–29.

16. Romasevich D. I. Global'nye problemy sovremennosti i ekologicheskaya politika Rossii. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Global problems of modernity and environmental policy of Russia. Cand. polit. sci. abstract diss.]. Moscow, 2006. 30 p.

17. Rogozhkina N. G. Novye tendentsii v ekologicheskoi politike razvivayushchikhsya stran [New trends in environmental policy of developing countries]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and International Relations*, 2009, no. 4, pp. 81–89.

18. Lyagina I. V. Musor kak global'naya problema sovremennosti [Garbage as a global problem of modernity]. *Enigma = Enigma*, 2019, no. 12-1, pp. 109–120.

19. Blokov I. P. Okruzhayushchaya sreda i ee okhrana v Rossii. Izmeneniya za 25 let [Environment and its protection in Russia. Changes over 25 years]. Moscow, Greenpeace Council, 2018. 432 p.

20. Vlasov A. G. Pozharnaya i ekologicheskaya opasnost' tverdykh bytovykh otkhodov: na primere Moskovskoi oblasti. Diss. kand. tekhn. nauk [Fire and environmental hazards of solid household waste: on the example of the Moscow region. Cand. eng. sci. diss.]. Moscow, 2001. 202 p.

21. Sokolov Yu. I. Na poroge riskovannogo budushchego [On the threshold of a risky future]. *Problemy analiza riska = Problems of risk analysis*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 6–23.

22. Smyshlyaev V. A. Sovremennaya ekologicheskaya politika: sushchnost', teoriya i sotsial'no-ekonomicheskie prioritety [Modern environmental policy: essence, theory and socio-

economic priorities]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Simvol nauki" = International scientific journal "Symbol of Science"*, 2016, no. 7, pp. 161–163.

23. Novikov Yu. V. Ekologiya, okruzhayushchaya sreda i chelovek [Ecology, environment and man]. Moscow, Fair Press, 2005. 736 p.

24. Lim, I. E. Vliyanie transportnykh zagryaznenii na zdorov'e cheloveka: obzor literatury [The impact of transport pollution on human health. literature review]. *Ekologiya cheloveka = Human ecology*, 2010, no. 1, pp. 4–9.

25. O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy v Rossiiskoi Federatsii v 2019 godu. [On the state and protection of the environment in the Russian Federation in 2019]. Moscow, Lomonosov Moscow St. Univ. Publ., 2020. 990 p.

26. Tranin A. A. Pravovye problemy ekologicheskogo ravnovesiya sovremennoi Rossii [Legal problems of ecological equilibrium of modern Russia]; ed. by M. M. Brinchuk. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 224 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузнецова Наталья Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: natasha40480@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5801-9255

Natalia I. Kuznetsova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: natasha40480@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-5801-9255

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-116-127

(cc) BY 4.0

Размещение систем ПРО США в АТР как угроза безопасности стран региона

В. М. Кузьмина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Вопрос о развёртывании системы противоракетной обороны США в настоящее время как никогда приобрел актуальность с связи с последними событиями на Украине. Развивающиеся страны, на территории которых происходит развертывание систем ПРО США, должны понимать, что они сами могут стать мишенью для других государств, вовлеченных в какой-либо локальный конфликт. Эта ситуация усугубилась в связи с отказом США продлить Договор об ограничении развертывания сил ПРО.*

Цель *– рассмотреть тенденции размещения ПРО США в АТР в контексте угрозы национальной безопасности стран данного региона.*

Задачи: *рассмотреть этапы развертывания глобальной системы ПРО США; изучить позиции размещения ПРО США в АТР; обозначить проблемные поля в геополитическом пространстве АТР, РФ и США в связи с размещением системы ПРО в данном регионе.*

Методология. *Метод сравнительного анализа применялся для сравнения различных официальных документов и отчетов Вашингтона по размещению ПРО в АТР; метод системного анализа позволил исследовать данные Aegis Ballistic Missile Defense и U.S. Department of Defense.*

Результаты. *Исследование доказало, что в АТР Вашингтон проводит более гибкую политику с опорой на разногласия между ключевыми акторами региона – КНР, КНДР, Республику Корея, Японию. Китай серьезно противодействует США в АТР, но в военно-техническом плане пока проигрывает. Размещение системы ПРО США на территории Южной Кореи и Японии дестабилизирует ситуацию в АТР.*

Выводы. *Напряженность в АТР возрастает из-за системы THAAD в Сончжу, в Японии, которые Вашингтон размещает на территории Японии и Южной Кореи, стремясь к созданию системы ПРО США глобального характера. Но противоречия между крупнейшими державами в АТР (Япония, Китай, Северная Корея, Южная Корея) настолько глубоки, что несогласованность в действиях между крупнейшими игроками позволяет России себя чувствовать спокойно за свои границы, за национальную безопасность.*

Ключевые слова*: противоракетная оборона; национальная безопасность; баллистические ракеты.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Кузьмина В. М. Размещение систем ПРО США в АТР как угроза безопасности стран региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 116–127. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-116-127

Поступила в редакцию 11.04.2022 Принята к публикации 23.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Кузьмина В. М., 2022

Deployment of US Missile Defense Systems in the Asia-Pacific Region as a Threat to the Security of the Countries of the Region

Violetta M. Kuzmina[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The issue of deploying a US missile defense system has now become more relevant than ever in connection with the latest events in Ukraine. Developing countries where US missile defense systems are being deployed should understand that they themselves can become a target for other states involved in some kind of local conflict. This situation was exacerbated by the US refusal to renew the Treaty on Limiting the Deployment of ABM Forces.*

The purpose *is to consider trends in the deployment of US missile defense systems in the Asia-Pacific region in the context of the threat to the national security of the countries of this region.*

Objectives *to consider the stages of deployment of the US global missile defense system; to study the positions of the US missile defense deployment in the Asia-Pacific region; to identify problem fields in the geopolitical space of the Asia-Pacific region, the Russian Federation and the United States in connection with the deployment of the missile defense system in this region.*

Methodology. *The method of comparative analysis was used to compare various official documents and reports from Washington on the deployment of missile defense systems in the Asia-Pacific region; the system analysis method allowed us to examine the data of Aegis Ballistic Missile Defense and U.S. Department of Defense.*

Results. *The study proved that Washington is pursuing a more flexible policy in the Asia-Pacific region based on disagreements between the key actors in the region - China, North Korea, the Republic of Korea, and Japan. China is seriously opposing the United States in the Asia-Pacific region, but in military-technical terms, it is still losing. The deployment of the US missile defense system on the territory of South Korea and Japan destabilizes the situation in the Asia-Pacific region.*

Conclusions. *Tensions in the Asia-Pacific region are rising because of the THAAD system in Songju, Japan, which Washington is deploying on the territory of Japan and South Korea, seeking to create a global US missile defense system. But the contradictions between the major powers in the Asia-Pacific region (Japan, China, North Korea, South Korea) are so deep that the inconsistency in actions between the largest players allows Russia to feel calm about its borders, for national security.*

Keywords: *missile defense; national security; ballistic missiles.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kuzmina V. M. Deployment of US Missile Defense Systems in the Asia-Pacific Region as a Threat to the Security of the Countries of the Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 116–127. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-116-127

Received 11.04.2022 Accepted 23.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Сейчас не для кого не секрет, что США претендуют на развёртывание систем ПРО глобального масштаба и уверенно идут по этому направлению уже несколько десятилетий подряд. ПРО США находится на территории Европы, Ближнего Востока и в АТР, и, заметьте, все это за пределами национальных границ США. Каждый раз при аргументировании процесса размещения ПРО за пределами своей территории правительство США старается выглядеть убедительным на заседании Совета НАТО, говоря о

наличии потенциальных угроз своей стране или союзникам по НАТО со стороны Ирана и Северной Кореи, но территориально это приближается к границам Российской Федерации и КНР. Соответственно правительства стран России и Китая видят в таком развертывании сил ПРО угрозу уже национальным интересам своих государств.

Цель исследования – рассмотреть тенденции размещения ПРО США в АТР в контексте угрозы национальной безопасности стран данного региона.

Среди профессиональных исследователей вопросы ПРО США как вообще, так и по отношению к отдельным регионам рассматриваются не очень часто, поскольку данная информация не относится к категории повседневной и широко обсуждаемой. Amy L. Freedman, Robert C. Gray [1] делают вывод о том, что отношения между ЕС и НАТО стали более институционализированными, поскольку там уже практически отсутствуют конфликты, нет территориальных споров, в отличие от Азии, где амбиции азиатских игроков слишком высоки и порой разрушительны для более слабых стран.

Richard L. Russell, профессор Центра стратегических исследований Ближнего Востока и Южной Азии Национального университета обороны, также считает, что «США должны о себе более уверенно заявлять как о ведущей мировой державе на Ближнем Востоке и Азии, тем более, что противоракетная мощь США позволяет это сделать» [2]. Эту идею о продвижении США в Азию поддерживает другой исследователь Matteo Dian [3], заявляя о том, что «с 2010 года администрация Обамы продвигала свой поворот в сторону Азии, который заключался в многоплановых усилиях по восстановлению баланса китайского влияния и подтверждению превосходства Америки в регионе. Разворот Америки к Азиатско-Тихоокеанскому региону вместе с усиливающейся военной модернизацией Китая привел к углублению союза США и Японии». В открытых источниках нечасто встречаются технические данные о системах ПРО США, которые базируются и развертываются в разных регионах мира. Некоторые их характеристики представлены в коллективной монографии отечественных и зарубежных авторов «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?» [4]. В данном коллективном исследовании авторы раскрывают сущность и значение американских ПРО на разных континентах. Из зарубежных исследователей в данной монографии публиковались Джордж Льюис, Марк Фицпатрик, Майкл Эллеман, Дин Уилкенинг, Лора Саалман, Эндрю Риди.

Однако азиатские исследователи поиному рассматривают процесс наполнения региона ПРО США. Так Park Chang Kwoun видит в этом процессе угрозу национальной безопасности Китая [5], так же как и Kim Heung-Kyu [6]. Л. Саалман подтверждает мысли предыдущего автора, заявляя о том, что существует китайский взгляд на ПРО и на процессы стратегической стабильности [7].

Американские исследователи J. Buontempo [8], L. Grego [9], T. Karako [10], Kingston R. [11] отстаивают стратегическую необходимость размещения систем ПРО на любых базах НАТО, не только в зоне АТР, считая это стратегической необходимостью для ядерного сдерживания прежде всего Северной Кореи (L. Grego) и, конечно же, для обеспечения собственной национальной безопасности США (T. Karako). В их работах присутствует гордость за системы ПРО США и понимание того, что другие государства в АТР должны быть благодарны США за тот противоракетный щит, который им предоставляет Вашингтон.

Отечественные исследователи также не оставляют в стороне тему размещения ПРО США в зоне АТР. Контекст данных исследований (В. Задорожный [12], Я. Пак [13], Ю. Ю. Паршкова [14], Н. Фомкин [15], М. Вильданов [16], В. А. Васильев [17]) сводится к тому, что

США, используя свое превосходство в развитии стратегического оборонительного и наступательного вооружения среди государств АТР, фактически навязывают другим странам размещение системы ПРО на их территориях, связывая эти страны (на примере Южной Кореи и Японии) долгосрочными обязательствами относительно контроля над военными базами исключительно со стороны США.

Методология

Методологической основой исследования являются всесторонний подход к анализу объекта и предмета исследования, рассмотрение изучаемых явлений в динамике с учетом совокупности правовых и исторических научных фактов. Метод сравнительного анализа применялся для сравнения различных официальных документов и отчетов Вашингтона по размещению ПРО в АТР (Ballistic Missile Defense Review Report, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China); метод системного анализа позволил исследовать данные Aegis Ballistic Missile Defense (Агентство противоракетной обороны Министерства обороны США).

Результаты и их обсуждение

Начало развертывания первых систем ПРО США стало происходить в условиях «холодной войны», к тому же Карибский кризис 1962 г. показал, что ситуация в мире достаточно нестабильна и равновесие между державами может быть в любой момент нарушено. Начался процесс негласного масштабирования развертывания систем ПРО. США и СССР дошли до такого уровня гонки вооружений, что объективно возникла необходимость подписания Договора о ПРО 1972 г. Ситуация в мире изменилась в связи с падением Берлинской стены, распадом ОВД и СССР. Теперь США уже никто не мог сдерживать в их стремлении нарастить свой военный потенциал и системы ПРО. Однако произошла качественная трансформация этого процесса: произошел переход от нестратегических ПРО к тактическим ПРО, причем в ряде государств такой подмены долго не замечали, именно на территории АТР и в зоне Персидского залива.

Можно выделить несколько этапов становления системы ПРО США.

Первый этап хронологически длится до 2011 г., в это время происходит наполнение системами ПРО базы Рамштайн в Германии, развертывание кораблей с системой «Иджис» в Средиземном море.

На втором этапе (до 2015 г.) актуальным становится вопрос о совершенствовании системы ПРО, и «Иджис» заменяется на «Иджис Эшфор», появляются противоракетные системы SM-3 Block IB. В территориальном плане ПРО уже затрагивает Гавайи и частично военные базы в Румынии и Польше.

На третьем этапе (до 2018 г.) система SM-3 Block IB заменяется на усовершенствованную систему SM-3 Block IIA, и в территориальном плане задействуется Япония [15].

Если устойчивый интерес США к развертыванию систем ПРО в Европе можно оправдать тем, что основные члены НАТО находятся территориально в Европе, то интерес к АТР (интенсивному размещению на военно-морских кораблях системы ПРО SM-3 (Standard Missile-3)) заставляет задуматься об истинных целях США в данном регионе. Поскольку все эти действия происходят в непосредственной близости от границ КНР и Российской Федерации, вполне ясна озабоченность лидеров данных стран столь повышенным интересом США к АТР.

На саммите государств-членов ШОС в Душанбе 12 сентября 2014 г. была принята Декларация, в которой напрямую говорилось о недопустимости наращивания систем ПРО в одностороннем порядке, поскольку это вызовет дестабилизационные тенденции в регионе и нанесет ущерб безопасности государств [16].

Но военная стратегия США всегда ставила перед собой первейшую задачу наращивания сил и их развертывания за рубежом. Все это в рамках идеологии «Pax Americano», в основе которой контроль за всем миром со стороны США. Развертывание системы ПРО, по мнению американских специалистов, позволяет гарантировать успех в проведении военных операций за рубежом.

Для США основным источником угроз на территории АТР видится КНДР, поэтому вопрос об обеспечении национальной безопасности не сходит с саммитов НАТО. США считают, что та часть войск, которая находится на территории Республики Корея, на островах Окинава и Гуам, может быть в первую очередь подвержена нападению со стороны КНДР. Ситуация осложняется многолетним противостоянием КНДР и Республики Корея, которые так и не смогли найти мирные средства для заключения, подписания договора о добрососедстве, что по факту означает пребывание двух стран в состоянии войны [12]. Почему это напрягает США? Да потому, что Штаты связаны с Республикой Корея обязательствами по обеспечению безопасности и оказанию военной помощи в случае войны. Неоднократные ядерные испытания КНДР (в 2017 г. – 22 пуска, в 2018 г. – нет данных, в 2019 г. – 13, в 2020 г. – 2, в 2021 г. – 8, за январь-март 2022 г. – 11 пусков) заставляют США неуютно чувствовать себя в данном регионе, поскольку Вашингтон понимает, что ядерные боеголовки Пхеньяна направлены не против Сеула, а для защиты от США.

Развертывание сил ПВО США в АТР только стимулирует КНДР к дальнейшему развитию своего ядерного военного комплекса. У Пентагона появились сведения о том, что Пхеньян разработал и ввел в действие ракеты моноблочного типа малой, средней и промежуточной дальности. Некоторые из специалистов высказывали свое мнение относительно того, что КНР могли участвовать в разработке данного типа ракет. При этом забывается о том, что КНДР сохраняет хорошие отношения не только с КНР, но и с Ираном, Пакистаном, Сирией, Йеменом, которые тоже разрабатывают подобного типа оружие.

Россию США также не могли оставить в стороне от данного процесса, и в качестве аргумента сравнивают ракету Taepo Dong с давно снятой с российского производства ракетой R-27 еще советского времени. По мнению Вашингтона, эта модель ракеты была продана Россией КНДР в 1990-е г. Вашингтон фактически игнорирует тот факт, что КНДР является членом МАГАТЭ и, соответственно, стране доступны технологии полного ядерного топливного цикла.

Отдельные представители от демократической партии в США считают, что ядерная мощь Пхеньяна преувеличена, поскольку КНДР не владеет технологиями, не имеет соответствующего оборудования для создания полноценной ядерной бомбы, об этом говорят неудачи при запуске ракет с ядерными боеголовками. Но нельзя отрицать факта экспорта собственных ракет КНДР таким странам, как Пакистан и Иран.

Начиная с периода правления Б. Обамы Китай стал рассматриваться не как союзник, а как противник для США в АТР. Это своего рода стратегическое соперничество, поскольку еще в Военной доктрине США от 2012 г. говорилось о тех сложностях, которые создает Китай наращиваем своего вооружения в АТР [18]. К началу 2022 г. ситуация не изменилась в сторону улучшения взаимоотношений КНР и США по вопросам наращивания тактического и стратегического вооружения стран в АТР. Диалог, который имел место быть между КНР и США, больше носил формальный характер, поскольку за ним стояло дальнейшее наращивание вооружения в регионе. Модернизация НОАК (Народно-освободительной армии Китая) заставила Пентагон действовать несколько осмотрительнее в

АТР, поскольку НОАК регулярно проводит совместные военные учения с Россией. Цель данного сотрудничества – отработка военных действий на случай доступа армии США к военным объектам на территории Юго-Восточной Азии. На самом деле американские эксперты обращают больше внимания не на обороноспособность НОАК, которая владеет арсеналом моноблочных ракет широкого радиуса действия, а на разработку КНР твердотопливной баллистической ракеты среднего радиуса действия CSS.

Сам Китай очень напрягается от мысли вмешательства третьей стороны в лице США в военный конфликт с Тайванем, ситуация усугубляется тем, что военные специалисты США проводят учения и обучение армии Тайваня. На сегодняшний день правительство КНР напрямую видит последствия такого обучения на примере Украины и действия там национальных батальонов «Азов», «Донецк» и «Айдар».

Пентагон дает высокую оценку процессу совершенствования баллистических ракет всех уровней дальности со стороны КНР, считая, что они все нацелены на Тайвань, но забывает о том, что Китай не отчитывается перед мировым сообществом о своих фактических ядерных силах [19].

В докладе, предоставленном конгрессу США в 2019 г. США заявили о наличии у правительства КНР от 50 до 70 межконтинентальных баллистических ракет, которые развернуты как в шахтах, так и в системах наземного базирования. Конечно, нельзя упускать из виду и факт нагнетания обстановки в АТР самим Пентагоном для увеличения расходов по военному бюджету, но и игнорировать данные цифры тоже нельзя.

В ближайшее время США ожидают от КНР появления подводных лодок класса Jin, оснащенных 12 ракетами CSS-NX-14/JL-2 (ядерные боеголовки) для патрулирования территории вблизи Тайваньского пролива. Это означает, что Китай может нанести ответный ядерный удар по морю.

Китай вкладывает сегодня серьезные средства в разработку системы ПРО, а также в противоспутниковое оружие, чтобы у противника не было желания нанести превентивный удар по КНР. Можно сомневаться в словах китайских специалистов о том, что их системы по перехвату межконтинентальных баллистических ракет сегодня находятся на мировом уровне. А можно всерьез отнестись к самому факту непрерывной модернизации и успешных испытаний противоракеты шахтного базирования, в задачу которой входит перехват баллистических ракет на заатмосферном уровне[1].

Конечно, это не американская и не российская система ПВО, способная перехватывать разделяющие блоки таких ракет, но при соответствующих усилиях эта задача может быть решена КНР в ближайшее время. США больше тревожит факт возможного попадания технологических разработок подобного оружия в руки Ирана и Пакистана, т. к. Китай хитро использует в своих интересах Пакистан с целью уменьшения роли Индии в регионе. Ранее Китай заявлял о том, что система ПРО – это «силовая» политика как США, так и России. Но стоило стране успешно испытать собственную систему ПРО в 2010 и 2013 гг., как точка зрения Пекина кардинально изменилась. Сами представители Пентагона не отрицают того факта, что им сложно вести диалог с представителями китайской администрации, ссылаясь на непредсказуемость и закрытость властей КНР.

В свою очередь, китайские эксперты считают процесс наращивания военного потенциала США в АТР как уязвимость Китая, к тому же их очень насторожил

[1] Russia, China react angrily as U.S. to put anti-missile THAAD system in South Korea. URL: https://www.yahoo.com/news/china-russia-share-opposition-u-thaad-south-korea-073206904.html?guccounter= (дата обращения 26.03.2022)

выход США из Договора ПРО 1972 г., который сохранял свою стабильность и незыблемость даже в самые тяжёлые годы противостояния США и СССР. Россия, по мнению КНР, готова отразить ядерный удар США, а вот в отношении КНР есть много нерешенных вопросов, поэтому их нужно срочно ставить на повестку дня и решать в самое ближайшее время. Китай не верит в заверения США о том, что их система ПРО направлена против Северной Кореи, считая, что это такой дипломатический маневр, который должен ввести в заблуждение китайское правительство. КНР считает, что реальная цель системы ПРО США – это КНР и Россия, а не какие-то там другие государства [20].

Япония начала активное военно-техническое сотрудничество с США с момента подписания в 1999 г. Соглашения о технологическом сотрудничестве. И в качестве ответа со стороны Северной Кореи начались испытания баллистических ракет. Этот шаг Пхеньяна привел к тому, что Вашингтон и Токио стали испытывать образцы SM-3 Block IIA (система ПРО США). Данная установка оценивается примерно в 2,1 млрд долл. США, причем Япония оплатила не менее 50%. Япония хочет создать и установить на своей территории не отдельные элементы системы ПРО, а целую эшелонированную систему, которая бы могла обеспечить бесперебойную работу совместно с ПРО США. «Сегодня эта система включает в себя 6 эсминцев, оснащенных системой Aegis с противоракетами SM-3 Block IA, более 15 зенитных ракетных комплексов (ЗРК) Patriot-3, радары японского производства FPS-3 и FPS-5 и систему боевого управления ПРО на базе американских наработок. К 2020 г. Япония планирует развернуть систему раннего предупреждения о ракетном нападении, включая специализированные космические спутники. В рамках развивающегося сотрудничества США разместили два передвижных радара AN/TPY-2 на севере и юге Японии, а также радар на морской платформе X-Band для контроля пусков ракет из Северной Кореи. Все они находятся под управлением Тихоокеанского и Северного командований США. Создаваемые в АТР элементы системы боевого управления ПРО C2BMC (Command, Control, Battle Management and Communication) позволяют использовать эти радары не просто во взаимодействии с японской системой ПРО, но и делают их частью глобальной системы ПРО под контролем США. Радары способны передавать сведения о ракетных пусках на японские и американские корабли Aegis в Японском море, на ЗРК THAAD (Theater High Altitude Area Defense), а также на наземные. Оперативное взаимодействие японо-американскими силами ПРО осуществляется Центром двустороннего объединенного оперативного командования, расположенным на военно-воздушной базе Йокота, и американским Тихоокеанским командованием со штаб-квартирой на Гавайских островах. Совместная информационная инфраструктура позволяет обнаруживать, сопровождать и перехватывать цели. Для отработки совместных противоракетных операций ежегодно проводятся учения Keen Edge»[1].

Выгода от такого сотрудничества носит двусторонний характер, поскольку позволяет японцам использовать новейшие разработки США в системе ПРО, а американцы чувствуют большую уверенность в защите своих интересов на территории АТР.

Южная Корея также относит себя к стратегическим союзникам США в регионе, поскольку, как и Япония, претендует на размещение новейших систем ПРО у себя на территории. Для нее, по мнению

[1] США потребовали от Южной Кореи завершить установку батареи ПРО THAAD. URL: https://news.rambler.ru/usa/42278295/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.03.2022).

Сеула, это жизненная необходимость. Но здесь надо быть очень щепетильным и проводить осторожную политику, поскольку мир, который установился между КНДР и Республикой Корея, очень хрупкий, и одного неверного слова или действия достаточно для того, чтобы разрушить в один миг то, что создавалось годами. Тем не менее результаты сотрудничества Сеула и Вашингтона уже сегодня есть: это 3 эсминца с системой Aegis, к сожалению Сеула, – без противоракет. SM-2 в скором времени будут заменены на SM-6, поскольку предыдущая версия очень уязвима для ракет Пхеньяна. В 2014 г. была заключена сделка с США на закупку Сеулом 136 ЗРК Patriot-3 на сумму 1,3 млрд долл. США. Выгода Вашингтона очевидна – у них происходит ротация оружия, оборонный бюджет приносит государству прибыль, и все это достигается лишь посредством нагнетания ситуации вокруг Северной Кореи и КНР. С 2020 г. началась поставка нового технологического оборудования для выведения на орбиту 5 военных спутников. «Конечно, Южная Корея далеко не иждивенец в вопросах системы ПРО, она сама разрабатывала соответствующие системы защиты – национальные системы ПВО/ПРО Kill Chain и KAMD (Korean Air and Missile Defense)»[1]. Вопрос о совместимости национальных систем ПРО с американскими остается открытым. Многие из политических и военных деятелей США высказались против подконтрольности национальных систем ПРО Соединенным Штатам.

Сегодня в Сончжу развернута батарея THAAD, позволяющая прикрыть от обстрела до 2/3 территории Южной Кореи. Соединенные штаты предоставили данный комплекс на условиях совместного командования объединенными силами Южной Кореи: ВС РК в Керёндэ, командование ВВС РК и базу ВВС в Осане, командование ракетными войсками РК в Ымсоне и ряд других.

Помимо управления процессом командования военными силами Сеула, США удовлетворены тем, что под их контролем находятся такие стратегические объекты, как: «основная военная база в Пхентхэке, главная база ВВС США в Осане, крупный центр логистики и т.н. склады обеспечения в уезде Чхильгок, а также командование ВМС США в Пусане. Для США важно, что под защитой оказываются порты Пусана и Ульсана» [21]. Сами военные специалисты США считают, что за такую «услугу» Сеул должен вложить 15 млрд долл. США для расширения военного присутствия США на о. Гуам.

Естественно, что Пекин официально заявил о непринятии такой стратегии Южной Кореи и выразил протест против размещения комплекса THAAD, поскольку теперь США имеют возможность мониторинга воздушного пространства, в том числе и над территорией КНР. Чтобы не провоцировать КНР на конфликт с Республикой Корея, США выступили с заверениями о том, что радары THAAD будут активны только в ближнем радиусе действия, исключительно для перехвата ракет из Пхеньяна, но Пекин это совершенно не успокоило.

Такие противоречия в АТР приводят нас к мысли о том, что, несмотря на старания США, единый проект ПРО, которого так долго добивались США, будет вряд ли возможен, поскольку слишком многообразные и сложные отношения в самом АТР между его виднейшими игроками.

Выводы

1. Несмотря на сложности реализации стратегии США в АТР, тем не менее 17 января 2019 г. Пентагон обнародовал новый «Обзор политики в сфере ПРО». В

[1] США потребовали от Южной Кореи завершить установку батареи ПРО THAAD. URL: https://news.rambler.ru/usa/42278295/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 30.03.2022).

этом документе подчеркивалась необходимость усиления ПРО в АТР за счет новых технологий и финансовых потоков. В качестве стратегических противников названы Российская Федерация и КНР, против которых также необходимо развертывание ПРО в данном регионе. Новшеством в данном обзоре можно назвать акцент на необходимость развертывания группировок ПРО космического базирования, т. е. размещение на орбите ударных ПРО.

2. Такая агрессивная и стремительная тактика по размещению систем ПРО вызывает тревогу не только у КНР, КНДР, но и Российской Федерации, которая в последние годы стремится к паритету по отдельным направлениям развития стратегического вооружения, а в сфере создания и применения гиперзвукового оружия («Калибр», «Кинжал», «Циркон») опережает США.

3. Развертывая свою систему ПРО в АТР, США никак не могут проигнорировать позицию Китая по этому вопросу. И США, и Россия понимают, что на сегодняшний день Китай не владеет актуальными средствами преодоления ПРО США. Соответственно, ведущие державы будут стараться оказывать влияние на КНР именно в этом направлении, используя «слабые» позиции Китая для решения своих стратегических задач. Правительство КНР неоднократно заявляло о своем недовольстве по поводу размещения комплекса THAAD в Южной Корее, что закономерно влечет рост напряженности в регионе.

4. Российская Федерация поддерживает отрицательную позицию КНР по поводу размещения ракет ПРО США в Юной Корее, соответственно, у Пекина и Москвы гораздо больше точек соприкосновения, нежели у США и Пекина.

5. КНДР всегда однозначно отрицательно относилась к развертыванию комплексов THAAD на базе в Сончжу или каких-то других территориях. Поэтому Пхеньян и проводит так часто испытания своих баллистических ракет преимущественно над территорией Сончжу.

В целом, напряженность в регионе возрастает не столько из-за размещения системы ПРО США, сколько из-за радиолокационных комплексов батареи THAAD, которая может работать в нескольких режимах – от передового базирования до непосредственно режима THAAD. Вашингтон не теряет надежды на создание трехстороннего сотрудничества по вопросам глобальной системы ПРО США, вовлекая туда и Сеул, и Токио.

Список литературы

1. Freedman A. L., Gray R. C. The Implications of missile defense for northeast Asia // Orbis. 2004. Vol. 48, is. 2. P. 335–350. https://doi.org/10.1016/j.orbis.2004.01.013.

2. Russell R. L. Swords and shields: Ballistic missiles and defenses in the Middle East and South Asia // Orbis. Vol. 46, is. 3. P. 483–498. 2002. https://doi.org/10.1016/S0030-4387(02)00125-4.

3. Dian M. The evolution of the US–Japan alliance the eagle and the chrysanthemum // Chandos Asian Studies Series. 2014. P. 151–197. https://doi.org/10.1533/9781780634470.151.

4. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 367 с.

5. Park Chang Kwoun. The deepening rivalry between the United States and China and its influence on the regional order and national security of the ROK // Korea Defense Issue & Analyses. 2015. Is. 13. P. 7–8.

6. Kim Heung-Kyu. The international politics of THAAD and the direction of South Korea's diplomacy // The Institute for Far Eastern Studies. Issues and Analysis. URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr (дата обращения: 26.03.2022).

7. Саалман Л. Китайский взгляд на ПРО и стратегическую стабильность // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 212–238.

8. Buontempo J. A trajectory for homeland ballistic missile defense // Defense & Security Analysis. 2015. Vol. 31, no. 2. P. 99–109.

9. Grego L. Strategic missile defense and nuclear deterrence // Bulletin of the American Physical Society. 2017. Vol. 62, no. 4. URL: http://absimage. aps.org/image/MAR17/MWS_MAR17-Physical-2017-020945.pdf (дата обращения: 31.03.2022).

10. Karako T. Homeland missile defense: How the United States got here // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. Vol. 73, is. 3. P. 159–166.

11. Kingston R. Missile defense review begins // Arms Control Today. 2017. Vol. 47. URL: https://www.armscontrol.org/act/2017-05/news/missile-defense-review-begins (дата обращения: 31.03.2022)

12. Задорожный В. Американская космическая система обнаружения пусков баллистических ракет // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 2. С. 57–61.

13. Пак Я. Развитие систем ПВО-ПРО боевых кораблей ВМС США // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 5. С. 66–75.

14. Паршкова Ю. Ю. Развертывание противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая политика. 2015. № 6 (45). С. 188–195.

15. Фомкин Н. Основные направления реализации программы противоракетной обороны США // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 8. С. 38–40.

16. Вильданов М. Состояние и основные направления развития средств ПРО для защиты континентальной части США // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 19–21.

17. Васильев В. А. Создание и развертывание противоракетной обороны США и перспективы ее развития до 2020 года // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 136–144.

18. Арбатов А. Новая диалектика наступательных и оборонительных стратегических вооружений // Разоружение и безопасность. 2016. № 5. С. 79–83.

19. Military and security developments involving the people's Republic of China 2015. Annual Report to Congress. Washington: Office of the Secretary of Defense, 2015. 194 p

20. Есин В. И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 85–114.

21. Кирьянов О. В. Противоракетный щит над Южной Кореей // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1 (714). С. 9–15.

References

1. Freedman A. L., Gray R. C. The Implications of missile defense for northeast Asia. *Orbis*, 2004, vol. 48, is. 2, pp. 335–350. https://doi.org/10.1016/j.orbis.2004.01.013.

2. Russell R. L. Swords and shields: Ballistic missiles and defenses in the Middle East and South Asia. *Orbis*, 2002, vol. 46, is. 3, pp. 483–498. https://doi.org/10.1016/S0030-4387(02)00125-4.

3. Dian M. The evolution of the US–Japan alliance the eagle and the chrysanthemum. *Chandos Asian Studies Series*, 2014, pp. 151–197. https://doi.org/10.1533/9781780634470.151.

4. Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo? [Missile defense: confrontation or cooperation?]; ed. A. Arbatov and V. Dvorkin. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. 367 p.

5. Park Chang Kwoun. The deepening rivalry between the United States and China and its influence on the regional order and national security of the ROK. *Korea Defense Issue & Analyzes*, 2015, is. 13, pp. 7–8.

6. Kim Heung-Kyu. The international politics of THAAD and the direction of South Korea's diplomacy. The Institute for Far Eastern Studies. Issues and Analysis. URL: http:// ifes.kyungnam.ac.kr (accessed 26.03.2022)

7. Saalman L. Kitaiskii vzglyad na PRO i strategicheskuyu stabil'nost'. [Chinese view of missile defense and strategic stability]. Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo? [Missile defense: confrontation or cooperation?]; ed. A. Arbatov, V. Dvorkin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, pp. 212–238.

8. Buontempo J. A trajectory for homeland ballistic missile defense. *Defense & Security Analysis*, 2015, vol. 31, no. 2, pp. 99–109.

9. Grego L. Strategic missile defense and nuclear deterrence. *Bulletin of the American Physical Society*, 2017, vol. 62, no. 4. URL: http://absimage. aps.org/image/MAR17/MWS_MAR17-Physical-2017-020945.pdf (accessed 31.03.2022).

10. Karako T. Homeland missile defense: how the United States got here. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 2017, vol. 73, is. 3, pp. 159–166.

11. Kingston R. Missile defense review begins. *Arms Control Today*, 2017, vol. 47. URL: https:// www.armscontrol.org/act/2017-05/news/missile-defense-review-begins (accessed 31.03.2022)

12. Zadorozhny V. Amerikanskaya kosmicheskaya sistema obnaruzheniya puskov ballisticheskikh raket [American Space System for Detection of Ballistic Missile Launches]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie = Foreign Military Review*, 2017, no. 2, pp. 57–61.

13. Pak Ya. Razvitie sistem PVO-PRO boevykh korablei VMS SShA [Development of air defense and missile defense systems of US Navy warships]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie = Foreign military review*, 2017, no. 5, pp. 66–75.

14. Parshkova Yu. Yu. Razvertyvanie protivoraketnoi oborony SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [US missile defense deployment in the Asia-Pacific]. *Mirovaya politika = World politics*, 2015, no. 6 (45), pp. 188–195.

15. Fomkin N. Osnovnye napravleniya realizatsii programmy protivoraketnoi oborony SShA [The main directions of the implementation of the US missile defense program]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie = Foreign military review*, 2018, no. 8, pp. 38–40.

16. Vildanov M. Sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya sredstv PRO dlya zashchity kontinental'noi chasti SShA [Status and main directions of development of missile defense systems for the protection of the continental part of the United States]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie = Foreign military review*, 2015, no. 5, pp. 19–21.

17. Vasiliev V. A. Sozdanie i razvertyvanie protivoraketnoi oborony SShA i perspektivy ee razvitiya do 2020 goda [Creation and deployment of US missile defense and prospects for its development until 2020]. *Vestnik Akademii voennykh nauk = Bulletin of the Academy of Military Sciences*, 2015, no. 4 (53), pp. 136–144.

18. Arbatov A. Novaya dialektika nastupatel'nykh i oboronitel'nykh strategicheskikh vooruzhenii [New dialectic of offensive and defensive strategic weapons]. *Razoruzhenie i bezopasnost' = Disarmament and security*, 2016, no. 5, pp. 79–83.

19. Military and Security developments involving the people's Republic of China 2015. Annual Report to Congress. Washington: Office of the Secretary of Defense, 2015. 194 p.

20. Esin V. I. Politika SShA v oblasti protivoraketnoi oborony i ee vliyanie na strategicheskuyu stabil'nost' [US policy in the field of missile defense and its impact on strategic stability]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics*, 2015, no. 3, pp. 85–114.

21. Kiryanov O. V. Protivoraketnyi shchit nad Yuzhnoi Koreei [Anti-missile shield over South Korea]. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2017, no. 1 (714), pp. 9–15.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Department of International Relations and Public Administration Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-128-140

(cc) BY 4.0

Постталибский Афганистан и его отношения с Россией

Бахадари Абдул Фарук[1] ✉

[1]Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, г. Москва 117198, Российская Федерация

✉ e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Для государства Афганистан на протяжении долгого времени была характерна «политическая мозаика», состоящая из разных противоборствующих сил, которые всегда стремились усилить свое влияние в стране. Ситуация в стране продолжает оставаться тяжелой. Необходимо искать точки соприкосновения и налаживать диалог с властью Афганистана для сдерживания дальнейших угроз терроризма и распространения наркотических средств по миру.*

Целью *настоящей статьи является освещение феномена «политической мозаики» на территории Афганистана, наличие которого, в свою очередь, усугубляет ситуацию безопасности в стране, а также описание попыток России по инициированию мирных переговоров с властями Афганистана.*

Задачи: *дать краткую характеристику движению Талибан и перечислить исторические сведения о переходе к постталибскому правлению в этом государстве; охарактеризовать период постталибского правления; провести анализ отношений России и постталибского Афганистана.*

Методология. *При написании работы были использованы общенаучные методы: исторический и логический, теоретический и эмпирический, индуктивный и дедуктивный, сравнительный. Из частнонаучных методов в работе были использованы такие методы, как системный, логико-юридический и сравнительно-правовой.*

Результаты. *В статье изучены исторические предпосылки оформившейся государственности Афганистана в постталибский период. Внимание также уделено феномену движения талибов и их влиянию, оказываемому на современный Афганистан, а также был затронут вопрос о падении Талибана и дальнейшей судьбе талибов, мигрировавших за пределы государства. Освещены вопросы двусторонних отношений России и Афганистана и проведен сравнительный анализ таких отношений в период правления талибов и после их ухода из страны, а также на современном этапе развития международных отношений.*

Выводы. *Даже на сегодняшний день Россия продолжает участвовать посредственно в мирном процессе по Афганистану. Представляется, что политика России по отказу от активных боевых действий и непосредственного вовлечения в конфликт и отказу от поддержки террористов оказался наиболее мудрым и выверенным стратегическим расчетом из всех возможных. Независимо от исхода конфликта Россия сохранит возможность оказывать содействие в мирном процессе и продолжит оставаться посредником, к которому противоборствующие силы смогут обратиться.*

Ключевые слова: *Афганистан; Талибан; постталибский период; двусторонние отношения; мирный процесс.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Бахадари Абдул Фарук. Постталибский Афганистан и его отношения с Россией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 128–140. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-128-140.

Поступила в редакцию 08.04.2022 Принята к публикации 25.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Бахадари Абдул Фарук, 2022

Post-Taliban Afghanistan and Its Relations with Russia

Abdul Farooq Bahadari[1] ✉

[1] RUDN University
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russian Federation

✉ e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Abstract

Relevance. *The state of Afghanistan has long been characterized by a "political mosaic" of different opposing forces that have always sought to increase their influence in the country. The situation in the country remains difficult. It is necessary to find common ground and establish a dialogue with the authorities of Afghanistan to contain further threats of terrorism and the spread of narcotics around the world.*

The purpose *of this article is to highlight the phenomenon of "political mosaic" on the territory of Afghanistan, the presence of which, in turn, exacerbates the security situation in the country, and to describe Russia's attempts to initiate peace talks with the Afghan authorities.*

Objectives. *To give a brief description of the Taliban movement and list historical information about the transition to post-Taliban rule in this state; to characterize the period of post-Taliban rule; to analyze relations between Russia and post-Taliban Afghanistan.*

Methodology. *In writing the work, general scientific methods were used: historical and logical, theoretical and empirical, inductive and deductive, and comparative. Among the specific scientific methods such methods as systematic, logical-legal and comparative-legal methods were used in work.*

Results. *In the article the historical preconditions of Afghanistan's statehood in the post-Taliban period were studied. Attention was paid to the phenomenon of Taliban movement and their influence on modern Afghanistan; the question of Taliban's fall and the fate of Taliban who migrated outside the state was also touched upon. The issues of bilateral relations between Russia and Afghanistan have been covered and a comparative analysis of such relations during the Taliban's rule and after their departure from the country, as well as at the present stage of development of international relations has been made.*

Conclusions. *Even today, Russia continues to mediate in the Afghan peace process. It seems that Russia's policy of refraining from military action and direct involvement in the conflict and from supporting terrorists has proven to be the wisest and most strategic choice available. Regardless of the outcome of the conflict, Russia will retain the ability to assist in the peace process and will continue to be a mediator that the opposing forces can turn to.*

Keywords: *Afghanistan; Taliban; post-Taliban period; bilatera relations; peace process.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publiation of this article.*

For citation: Abdul Farooq Bahadari. Post-Taliban Afghanistan and Its Relations with Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 128–140. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-128-140.

Received 08.04.2022 Accepted 25.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Для государства Афганистан на протяжении долгого времени была характерна «политическая мозаика», состоящая из разных противоборствующих сил, которые всегда стремились усилить свое влияние в стране. В последнее время одной из ключевых сил в регионе стало движение Талибан [1; 2].

Талибан является исламистским религиозным течением, которое запрещено во многих странах, а также рядом меж-

дународных организаций, например ООН[1]. Данное движение впервые оформилось в Афганистане в 1994 г. Талибы находились у власти с 1996 по 2001 г. В 2021 г. им практически удалось вернуть себе правящие позиции в этом государстве после оглашенного решения США о выводе американских войск с территории [3]. 15 августа талибы объявили о том, что фактически контролируют территорию всего государства[2].

Талибан провозгласил своей официальной идеологией ислам суннитского толка. Любой гражданин, не согласный с этой идеологией, подлежал гонениям. На всей территории при правлении Талибана вводилось обязательное следование нормам шариата, а также ряд запретов, например, на телевидение, алкоголь, белую обувь, а также работу и образование (не отсутствовало полностью, но значительно ограничено) среди лиц женского пола и др. [4]

Крупные террористические акты 11 сентября 2001 г., совершенные террористической организацией «Аль-Каидой», явились причиной для ввода войск США на территорию Афганистана для совершения акта возмездия [5]. При поддержке Северного Альянса режим талибов был свергнут. По имеющимся данным, талибы укрылись в Пакистане в провинции Вазиристан. Со временем в этой провинции Талибан оттеснил местные племена и захватил там власть.

Со времен СССР государство активно предпринимало попытки по выстраиванию отношений с ним. После прихода к власти моджахедов двусторонние контакты двух государств сократились. Однако после прихода к власти Талибана Россия стала стараться поддерживать с ними диалог, поскольку моджахеды представляли собой меньшее зло, нежели талибы[3].

Талибан ввел в стране жесточайший режим, напоминающий по своей природе карательный, поскольку достаточно сурово наказывались даже мелкие проступки. После терактов 2001 г. Талибан укрыл лидера Аль-Каиды Усаму бен Ладена, отказывая США в его выдаче.

Талибан известен и тем, что открыто поддержал сепаратистов в Чечне. Спустя год отношение талибов к России изменилось. В своем интервью Сергей Борисович Иванов, будучи в период с 2001 по 2007 г. министром обороны России, отмечал, что в 2001 г. духовный лидер талибов Мулла Омар предлагал инициировать двустороннее сотрудничество Афганистана и России против Соединенных Штатов[4]. Однако Россия отказалась от такого сотрудничества. Двумя годами позднее Верховный Суд Российской Федерации признал Талибан террористической организацией и запретил ее деятельность на территории государства [6].

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, согласно которому контакты России и режима Талибов были минимальны, хотя со стороны Талибана предпринимались попытки взаимодействия с Россией.

22 декабря 2001 г. было знаменательно тем, что именно тогда оформилось Временное правительство Хамида Карзая. Для последующего решения задач, стоявших перед Временным правительством в начале своего правления, была принята новая Конституция Афга-

[1] Тульский М. ООН против талибов. URL: https://www.ng.ru/events/2001-03-01/2_un-via-taliban.html (дата обращения: 11.01.2022).

[2] Талибы контролируют почти всю территорию Афганистана, заявил Путин. URL: https://ria.ru/20210903/taliby-1748522966.html (дата обращения: 14.01.2022).

[3] Одна цель, разные подходы: почему талибы и игиловцы убивают друг друга // ГАЗЕТА.RU. 2021. 29 авг. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/29_a_13929422.shtml (дата обращения: 14.01.2022).

[4] Признает ли Москва талибов? Главные вопросы к стратегии России в Афганистане. URL: https://www.bbc.com/russian/features-58247499 (дата обращения: 14.01.2022).

нистана. Она вступила в силу 4 января 2004 г. По своему характеру новая Конституция имела достаточно демократические положения, хотя и веками сформировавшиеся неписаные обычаи народа Афганистана имели безусловное влияние на текст этого документа. Таким образом, документ представляет собой сочетание прогрессивных положений, характерных для светского демократического государства, и укоренившихся обычаев, характерных для менталитета мусульманских обществ.

Например, в Конституции закреплялось положение, которое гласило, что Афганистан представляет собой Исламскую Республику [7], при этом признавалось, что лица, придерживающиеся взглядов иных религий, имели право исповедовать их по своему желанию[1]. Это положение достаточно прогрессивное для исламского государства, учитывая прошлое отношение к инакомыслящим при правлении Талибана [4]. Жизнь женщин с момента принятия Конституции существенно изменилась, что может свидетельствовать о зрелости общества и принятии современных мировых стандартов. Это говорит о государстве как об акторе, желающем развиваться и перенимать нормы и достижения международного сообщества для своего населения. Также Конституция закрепляла президентскую форму правления в стране.

Таким образом, Афганистан превратился в достаточно открытую страну, т. к. признал возможность доступа к власти лиц, имеющих связь не только с Афганистаном, но и с другими государствами. Автор не высказывается по поводу того, насколько эффективными и благотворными для страны являются такого рода нововведения, поскольку доступ лиц с двойным гражданством к государственной власти означает возможность оказания определенного влияния как на внутреннюю, так и на внешнюю политику страны. Не всегда такое влияние может иметь положительные результаты, и в некоторых случаях может оказать пагубное воздействие на функционирование всей системы государственных органов власти такого государства. Автор лишь подчеркивает то, что за достаточно короткий период после достаточно продолжительного периода времени нахождения у власти Талибана, государство смогло открыться новым изменениям и сделать шаг в сторону дальнейшей трансформации и обретению некоторых основ светскости, характерных для развитых западных стран, а также для незападных государств, являющихся тем не менее определенного рода центрами силы (например, таких как Россия, Бразилия и другие государства). Готовность государства преодолеть привычные устои, сформированные под гнетом предыдущих правящих структур, характеризует такое государство с положительной стороны [8].

Падение Талибана и уход талибов с территории Афганистана также послужило образованию и дальнейшему становлению так называемой многопартийности в стране. Со временем на территории государства стало функционировать порядка 60 политических партий и движений. Однако, как отмечается многими учеными, изучающими процесс оформления многопартийности в Афганистане, часть таких партий имели виртуальный характер, их программы были слабо проработаны или вообще отсутствовали. Действия таких партий часто носили этноплеменной характер [9].

Таким образом, с момента прихода к власти Временного правительства во главе с Хамидом Карзаем имелись достаточно определенные попытки по модернизации государственного устройства Афганистана в постталибский период, что проявлялось во введении в силу законодательных положений, провозглашающих нормы, направленные на реализацию преобразования государства.

[1] Статья 1 Конституции Афганистана от 4 января 2004 года. URL: https:// worldconstitutions.ru/ ?p=24 (дата обращения: 20.01.2022)

Как отмечается многими специалистами по изучению данного региона, ситуация в стране во многих планах оставалась даже после введения в действие Конституции стабильно тяжелой. Общество продолжало оставаться расколотым [10].

О глубоком политическом расколе в стране свидетельствуют и сами выборы, проведенные впервые среди населения Афганистана в 2004 г. 9 октября Хамид Карзай победил на выборах с результатом 55% голосов избирателей. Эти выборы показали наличие этноконфессионального раскола в стране[1].

Как показали следующие выборы 2009 г., этноконфессиональный раскол продолжал оставаться в стране. Победителем выборов снова стал Хамид Карзай практически с теми же показателями – 54,6%. Такие цифры, сохранившиеся на протяжении 5 лет, могут свидетельствовать о том, что во время нахождения у власти Хамида Карзая ему не удалось устранить имевшийся на 2004 г. раскол в обществе. Тем не менее период правления Хамида Карзая с 2004 по 2009 г. нельзя было назвать полностью безуспешным. В этой связи следует отметить, прежде всего, успех Хамида Карзая в постепенном уменьшении влияния Севера на политические процессы в стране, при этом ему удалось соблюсти этнический баланс в высших органах государственной власти. Во-вторых, знаковым стало решение Хамида Карзая накануне выборов о замене кандидата на пост вице-президента. От Карзая ожидалось, что его кандидатурой для выдвижения на пост вице-президента станет министр обороны маршал Фахим, который обвинялся на тот момент в протекционизме, непотизме, коррупции, участии в наркобизнесе. Вместо Фахима кандидатом на пост вице-президента стал Ахмад Зия Масуд.

2007 год характеризовался формированием новой оппозиционной силы. Однако к 2009 г. условия и соотношение сил в стране поменялись. К весне этого года фактически пришел в упадок НФА [11]. Процесс сопровождался раздираемыми внутренними противоречиями лидеров северной части государства, которые играли практически самые ключевые роли в функционировании Фронта, а также стремление Б. Раббани преобразовать фронт в личное политическое предприятие.

Все это в определенной мере служило подрывом статуса НФА. Однако главной причиной раскола НФА стало намерение и дальнейшая реализация смены тактики со стороны Фахима, Мохакека, М. Захира, Дустума, которая заключалась в том, чтобы фронт прекратил исполнять роль системной оппозиции правящей власти, которая отвечала интересам Б. Раббани, который вел закулисные переговоры с Карзаем и мог таким образом получать свои личные преференции.

Еще одним нюансом, который бы свидетельствовал о расколе НФА, является заявление двух лиц М. Мохакека (ПИЕА) и А. Р. Дустумы (НИДА) о создании единого политического союза. Более того, лица, поддерживавшие ранее движение коммунистов, также продолжили обособлять себя от деятельности Фронта. Победа на президентских выборах 2009 г. Хамида Карзая не решила проблем, которые продолжали оставаться законсервированными и могли в любой момент привести к плачевным последствиям.

В научной литературе, посвященной исследованиям государства Афганистан, зачастую высказывается схожая точка зрения, согласно которой, если бы в стране своевременно, на этапе зарождающегося конфликта был найден грамотный баланс интересов группировок и сил, успевших оформиться за время суще-

[1] Афганистан. Президентские выборы 2004. Электоральная география 2.0. URL: http://www.electoralgeography.com/news/ru/countries/afghanistan/2004-president-elections-afghanistan.html (дата обращения: 14.01.2022).

ствования государства, а также верное распределение их полномочий в высших органах власти и их равное представительство в таких органах, то это послужило бы гарантией дальнейшего мирного и стабильного развития государства.

Однако период гражданской войны принес в страну дестабилизирующие тенденции в результате начавшейся борьбы различных группировок и этносов за власть в стране, а также несоблюдения принципа представительства.

После свержения режима талибов Россия активно участвовала в восстановлении государственности в Афганистане, содействуя достижению Боннских договоренностей, участвуя в проводимых международных конференциях, посвященных проблемам Афганистана. Россия активно сотрудничала при решении проблем, связанных с Афганистаном, в отличие от периода правления талибов [12].

Официальными представителями России не раз подчеркивалось, что существует опасность возвращения талибов к власти, и ни одно государство не должно этого допустить. Следует принять своевременные меры для пресечения такой возможности. В частности, об этом говорил директор Второго департамента Азии МИД России Владимир Михайлов[1].

С 2003 г. появились явные доказательства того, что падший ранее режим талибов начинает восстанавливать свою мощь. Именно в 2003 г. талибами был совершен ряд крупных нападений на представителей коалиционных сил. Факт активного участия НАТО в выстраивании своей тактики в отношении афганской кампании явилось толчком для талибов по выстраиванию движения сопротивления. По сообщениям различных источников, стабильно совершались нападения на войска НАТО со стороны талибов. Например, в 2005 г. было зарегистрировано около 130 нападений на войска ежемесячно. В последующие годы их число росло. К примеру, в марте 2006 г. ежемесячно совершалось уже около 300 актов нападения, а в октябре того же года – около 600 [13].

С целью попыток национального примирения Афганистана и, что немаловажно, интеграции части умеренных талибов в афганском обществе был создан Высший Совет мира в 2010 г. [14] Со стороны международного сообщества также делаются попытки по усмирению талибов и предотвращению роста их воинственного настроя. Например, со стороны Великобритании звучали предложения об учреждении представительства движения Талибан за рубежом для инициирования политического диалога. Летом 2011 г. международное сообщество также предприняло меры по улучшению ситуации вокруг Афганистана. В пример можно привести инициирование делистинга санкционного списка Совета Безопасности ООН, в результате которого из этого списка был исключен ряд влиятельных талибов (около 16 человек).

Тем временем между США и Талибаном было принято решение о создании переговорных площадок. В ответ на такие договоренности Хамид Карзай инициировал собственные переговоры с талибами и также с представителем Исламской партии Афганистана Г. Хекматьяром, поскольку у Хамида Карзая имелись вполне обоснованные опасения, что самостоятельные переговоры представителей США и движения Талибан приведут к достижению между двумя сторонами договоренностей о возможном отстранении его от власти. Таким образом, инициирование переговоров Хамида Карзая с представителями движения Талибан может расцениваться как попытка создания альтернативы аналогичным переговорам

[1] Выступление заместителя начальника департамента Средней Азиии и Афганистана МИД РФ Владимира Михайлова на международной научно-практической конференции «Россия и Афганистан» // Afghanistan.ru. 2006. 27 февр. URL: https://afghanistan.ru/doc/7037.html (дата обращения: 20.01.2022).

талибов и представителей от Соединенных Штатов.

Одним из результатов инициирования переговоров официальной власти Афганистана с талибами являлось принятие в 2012 г. дорожной карты мирного процесса на базе ВСМ.

Предпринимались и другие попытки национального примирения в Афганистане как правящими структурами страны, так и международным сообществом.

Однако, как отмечают многочисленные источники, в период с 2002 по 2018 г., характеризовавшийся в том числе военным присутствием США в Афганистане, линия борьбы двух сил – официальной власти и движения Талибан – повлекла за собой смерть более 140 тыс. человек. Однако фактически эта цифра должна быть значительно больше.

Мирный процесс, который пытались инициировать в Афганистане, чтобы положить конец одному из самых затяжных военных конфликтов в мире, сталкивался с серьезными препятствиями на пути своей реализации. Одними из ключевых сложностей, которые мешали в полной мере реализовать мирный процесс, были сочетание попыток установления двух- и многосторонних диалогов с повторяющимися актами насилия. Также сюда можно отнести факт отсутствия по состоянию на декабрь 2019 г. прямых официальных переговоров между основными акторами афганской проблемы, под которыми подразумевается официальная власть, с одной стороны, и талибы – с другой.

Не могли не оказать негативного влияния на инициирование мирного процесса и политические зигзаги администрации Трампа. К примеру, 8 сентября 2019 г. Трамп принял и огласил свое решение по отказу от закрытых переговоров с президентом А. Гани и делегацией талибов. Во многом решение Трампа было продиктовано желанием оказать давление на талибов, а также относительно слабой подготовкой к предстоящим переговорам, хотя официальным предлогом было названо препятствие, заключающееся в совершенном накануне даты переговоров теракте в Кабуле, в результате которого был убит американский солдат.

Прекращение переговорного процесса со стороны США носило временное явление. Однако все вышеперечисленные препятствия дают повод к тому, чтобы прибегнуть к иным способам урегулирования ситуации. Существовали и другие переговорные форматы, в двух из которых Россия либо играла роль организатора, либо была спонсором и принимающей стороной. Форматами, в которых принимала участие Россия, являлись московский формат региональных мирных консультаций и неформальный межафганский диалог в Москве. Также в данной связи можно отметить и наличие так называемого триалога Китая, России и США, который затем преобразовался в четырехсторонний переговорный процесс с участием Пакистана в 2019 г.

Освещая тему взаимодействия России и Афганистана с начала установления дипломатических отношений и также во время постталибского периода, следует иметь в виду следующее. Официальная позиция Российской Федерации заключалась также в том, что необходимо заняться активным укреплением национальной армии Афганистана и усилением полномочий правоохранительных органов. Также необходимо установить срок пребывания иностранных сил на территории Афганистана. Именно в связи с активным участием российских должностных лиц в переговорах в итоговом варианте соглашения по Афганистану, принятого на Лондонской конференции, длившейся с 31 января по 1 февраля 2006 г., содержался точный срок для окончательного формирования национальной армии и правооохранительных органов – конец 2010 г. По сути, это подразумевало и последующий выход иностранных войск с территории Афганистана.

Россия поддерживала стремление Афганистана занять лидирующие позиции в формировании своей армии и полиции, а также в других вопросах. Российские руководители настояли на передаче таких полномочий Афганистану от членов большой восьмерки [15].

Таким образом, впоследствии Россия полностью поддержала итоговые результаты Лондонской конференции, проходившей 28 января 2010 г. Они заключались в передаче полного контроля за безопасностью в стране афганским силам. Был также одобрен план, составленный НАТО, который сводился к поэтапному процессу передачи контроля афганцам в своей стране, который должен был быть осуществлен в течение пяти лет.

Во время Парижской конференции, проходившей в июне 2008 г., российские представители выразили стремление оказать поддержку Афганистану в реставрации боевой мощи его вооруженных сил. В период с 2002 по 2005 г. Россия осуществляла поставки военной техники по линии Министерства обороны на безвозмездной основе. Россией стали проводиться курсы специальной подготовки для афганских военнослужащих. Расширилось количество мест для афганских офицеров для переподготовки и повышения квалификации в вузах России в 2008 г. Аналогичные нововведения были приняты в отношении афганских должностных лиц правоохранительных органов в 2010 г. Переподготовка и повышение квалификации стали проходить для них в вузах Министерства внутренних дел России. Нельзя не упомянуть, что в 2008 г. президент Афганистана Хамид Карзай сам выразил просьбу, направленную в адрес российских представителей, о том, чтобы российские военнослужащие оказали Афганистану свое содействие в улучшении и трансформации потенциала афганской армии и повышения квалификации и мастерства своих солдат.

Также была оказана гуманитарная помощь в достаточно больших объемах (было затрачено около 30 млн долл. США). В пример можно привести январь 2008 г., когда Россией было поставлено 3134 тонны пшеничной муки в Афганистан. Около 18 тыс. тонн пшеничной муки Россия вновь поставила в Афганистан в 2009 г. по просьбе этого государства и еще раз годом позднее.

Что касается сотрудничества в сфере образования, то ежегодно абитуриентам из ИРА до 2010 г. предоставлялась квота на 80 мест для обучения в вузах Российской Федерации (50 стипендий предусмотрены для студентов и 30 – для аспирантов, стажеров и докторантов), а в 2010 г. квота увеличена до 100 стипендий. В июне 2008 г. Правительство Российской Федерации приняло решение о предоставлении через Всемирный банк (ВБ) 4 млн долл. в качестве российского вклада в многосторонний трастовый фонд на цели развития высшего образования в Афганистане. Нельзя не отметить, что диалог России и Афганистана проводится на регулярной основе. Президенты двух стран часто взаимодействуют во время проведения различных международных мероприятий. Позиция России на протяжении многих лет остается неизменной: официальными представителями России не раз озвучивалась готовность государства оказывать всестороннюю помощь и поддержку законной власти Афганистана. Президент России В. В. Путин делал такое заявление не раз, например, в 2014 г. на мероприятии ОДКБ [16].

Взаимодействие двух стран носит положительный характер. Об этом свидетельствует множество событий. Так, в 2014 г. после известных событий на Украине, в результате которых Республика Крым вошла в состав Российской Федерации по итогам справедливого голосования, проводимого среди населения Республики Крым, уже бывший на тот момент президент Афганистана Хамид

Карзай выразил поддержку действиям России и отметил, что афганцы уважают волю крымчан.

Однако рядом исследователей региона Афганистан отмечается довольно ограниченный потенциал России влиять на внутреннюю обстановку в данном государстве по сравнению с другими международными акторами, например, США или региональных соседей Афганистана, под которыми понимаются Пакистан, Иран, Китай, Индия.

Официальной позицией России продолжает оставаться решимость соблюдать дистанцию и исключать прямое военное присутствие в регионе в отличие от Соединенных Штатов.

В данной связи политика России по отношению к Афганистану имела две составляющие. Первая из них заключается в регионализации. Под ней понималось активное взаимодействие российских представителей с основными региональными игроками по афганской проблеме. Под ними понимаются Иран, Китай, Индия, Пакистан. Осуществление регионализации было достаточно успешным ввиду сокращения числа войск США и НАТО к середине 2010-х гг. на территории государства и вместе с тем ослабление влияния Запада на внутриполитические процессы внутри страны.

Вторая составляющая заключалась в активной дипломатической поддержке урегулирования афганской проблемы. Российское руководство пришло к твердому пониманию, что военное противостояние официальной власти Афганистана, США и Талибана подрывает государственность Афганистана, вместо чего необходимо наладить посреднические переговоры борющихся между собой сил [17].

Продуктом линии, проводимой Москвой, стал в определенной степени московский формат по Афганистану, именно такой формат держал свой фокус на регионе, при этом Москве удавалось сохранять желаемую дистанцию от активного вовлечения в боевые действия [18].

В данной связи можно отметить и Межафганский диалог. Хотя Россия не являлась модератором такого диалога, она выступила принимающей стороной. Проведение этого диалога прошло в положительном ключе для самой России. Местом проведения диалога выступила Москва, значение такого выбора было символическим для России, поскольку именно на ее территории собрались все лидеры моджахедов для обсуждения перспектив взаимодействия с Талибаном. Это послужило окончанием неблагоприятных событий 1980–1990-х гг., носивших драматических характер в отношениях двух государств. Кроме того, после проведения такого диалога в Москве утихли голоса, обвинявшие Москву в отсутствии единой позиции по афганской проблеме. Проведение Межафганского диалога свидетельствовало о решимости России по координации действий относительно кризиса в Афганистане.

Кроме того, проведение Межафганского диалога свидетельствовало о развитии дипломатии второго трека. Россия пошла дальше чем когда-либо в обеспечении прямого диалога между представителями различных сил Афганистана (в отличие, например, от аналогичного диалога, носившего название Конгресс народов Сирии, проведенного также на территории России (в городе Сочи) в 2018 г.). Впервые был обеспечен диалог лидеров различных сил без какого-либо модерирования и в отсутствие дипломатов или кого-либо еще, кроме самих афганцев. Проведение такого диалога было довольно успешным. По итогам первой встречи стороны приняли совместное коммюнике.

Таким образом, с периода существования СССР и до второй половины 2010-х гг. произошла эволюция роли России в области ее отношений с Афганистаном, и хотя она не является самой ключевой страной во взаимодействии с Афганистаном, она все же сумела занять свою дипломатическую нишу в мирном процессе. Если бы Россия не смогла прове-

сти верную дипломатическую политику, направленную на участие в таком процессе по Афганистану, она была бы оттеснена полностью из региона другими игроками, а ее интересы не были бы учтены.

Делая краткий обзор на текущую ситуацию в Афганистане (на период 2021 – начала 2022 г.), следует упомянуть о заключенном в феврале 2020 г. договоре, согласно положениям которого США обязались осуществить полный вывод своих войск с территории Афганистана к 1 мая 2021 г. Фактический вывод войск состоялся 11 сентября. В договоре талибы и представители США заключили ряд договоренностей. Например, талибы обязались участвовать в переговорах с официальной властью, не должны были подрывать безопасность США и их союзников и др. Отмечалось, что данный договор являлся весьма рискованным, т. к. означает фактическое признание Талибана в глазах международного сообщества. На договор возлагались надежды по снижению уровня насилия в стране и возможному преодолению затянувшейся кризисной ситуации в стране.

Договор, заключённый между талибами и США, усилил надежды на мирное разрешение ситуации, поскольку после 2014 г., когда была выведена большая часть вооруженных сил НАТО с территории Афганистана, роль и влияние Талибана в стране заметно возросло, игнорировать эту силу уже не представлялось возможным. Талибам удалось расширить подконтрольную территорию Афганистана.

Россия оценила подписание соглашения США и Талибана как важное событие для мирного процесса. На церемонии подписания соглашения присутствовал спецпредставитель президента России по Афганистану Замир Кабулов.

Договор явился дополнительным стимулом для дальнейшего продвижения Талибана на своем пути к полному захвату власти в стране. Таким образом, заканчивается эпоха постталибского Афганистана. Талибы ожидают объявления о мирной передаче власти. Талибан выражает надежду на признание Россией сформированного им правительства в Афганистане.

Тем временем нельзя однозначно объявить Талибан официальной властью, все еще идет борьба за политическое влияние в стране со стороны разных сил. Россия выразила свою готовность предоставить площадку для диалога талибов и оппозиции.

Выводы

Тем не менее официальная позиция Российской Федерации пока остается неизменной. Как отметил С. В. Лавров, вопрос о признании правительства талибов пока преждевременный. Признание зависит от того, насколько будут выполнены их обязательства. В частности, Талибан должен продемонстрировать предпринимаемые им меры по эффективному противодействию террористической и наркотической угрозам. Только после таких действий можно будет говорить о его возможном исключении из санкционного списка СБ ООН. Вместе с тем Россия призывает США и их союзников по НАТО разморозить финансовые средства Афганистана, которые содержатся на международных счетах. По словам официальных представителей, в России убеждены, что такие меры помогут властям Афганистана в борьбе с терроризмом.

Список литературы

1. Афганистан и безопасность Центральной Азии / под ред. А. А. Князева. Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, Общественный фонд Александра Князева, 2005. Вып. 2. 2005. 248 с.

2. Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития: (по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближ. и Сред. Востока ИВ РАН 2 апр. 2012 г.) / отв. ред. М. Р. Арунова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. 227 с.

3. Афганистан в начале XXI века: сборник статей / отв. ред. В. Коргин. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока РАН, 2004. 207 с.

4. Waldman A. A Nation challenged: the law; no TV, no chess, no kites: Taliban's code, from A to Z // New York Times. 2001. November 11.

5. Асатрян Г. Э. Военно-политическая стратегия США в Афганистане (2001–2008 гг.). Антитеррористический аспект. Документы и материалы // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 259–261.

6. Коргун В. Г. Афганистан: итоги 2007 года // Афганистан.Ру. 2007. 27 дек. URL: http://www.Afghanistan.ru/print/?id=10876 (дата обращения: 14.01.2022).

7. Коргун В. Г. Афганистан: поиски вектора развития // Ближний Восток и современность: сборник статей. Выпуск №20 / отв. ред. А. О. Филоник. М.: ИВ РАН, ИИИиБВ, 2003. 396 с.

8. Взгляд на Евразию: в крупном опросе в Афганистане обнаружены большие региональные различия / под ред. Джим Лоуб // EurasiaNet.org. 2004. 14 июля. URL: https://www.EurasiaNet.org/departments/insight/articles/eav071404a_pr.shtml (дата обращения: 20.01.2022).

9. Баутин А. А. Постталибский Афганистан и процессы государственного строительства: проблемы и противоречия // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1 (14). С. 166–171.

10. Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии = Afghanistan, SCO, security and geopolitics of Central Eurasia: материалы Международной конференции / под общ. ред. А. А. Князева. Бишкек: Обществ. фонд Александра Князева, 2008. 390 с.

11. Серенко А. Афганистан: политические итоги 2008 года // Афганистан.Ру. 2009. 26 янв. URL: http://www.Afghanistan.ru/doc/13884 (дата обращения: 14.01.2022).

12. Бочков С. О., Журавлев В. П. В. В. Путин и проблемы борьбы с терроризмом // Право и Безопасность. 2003. № 1-2.

13. Степанова Е. Мирный процесс по Афганистану и роль России // Пути к миру и безопасности. 2019. № 2(57). С. 21–33. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-2-21-33.

14. Серенко А. «Национальный фронт» уходит с афганской политической сцены // Афганистан.Ру. 2009. 23 апр. URL: http://www.Afghanistan.ru/print?id=14571 (дата обращения: 14.01.2022).

15. Лалетин Ю. П. Российско-афганские отношения на современном этапе. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

16. Серенко А. Политический кризис в Кабуле ведет к модернизации партийной системы // Афганистан.Ру. 2007. 28 мая. URL: http://www.Afghanistan.ru/print?id=9113 (дата обращения: 14.01.2022).

17. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ // Политэкс. 2013. Т. 9, № 1. С. 160–176.

18. Торкунов А. В. История международных отношений: в 3 т. Т. 3: Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект Пресс, 2020. 552 с.

References

1. Afganistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii [Afghanistan and the security of Central Asia]; ed. by A. A. Knyazev. Bishkek, Foundation named after Friedrich Ebert, Alexander Knyazev Foundation Publ., 2005. Iss. 2. 248 p.

2. Afganistan i Pakistan: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: (po materialam rabochego soveshchaniya, sostoyavshegosya v Tsentre izucheniya stran Blizh. i Sred. Vostoka IV RAN 2 apr. 2012 g.) [Afghanistan and Pakistan: Current state and development prospects: (based on the materials of the workshop held at the Center for the Study of the Countries of the Near East. and Wednesday. In-stock IV RAS 2 Apr. 2012)]; ed. by M. R. Arunova. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2012. 227 p.

3. Afganistan v nachale XXI veka. Sbornik statei [Afghanistan at the beginning of the XXI century. Collection of articles]; ed. V. Korgin. Moscow, Institute of the Study of Israel and Blizh. of the East, 2004. 207 p.

4. Waldman A. A Nation Challenged: the Law; No TV, no Chess, No Kites: Taliban's Code, from A to Z. *New York Times*, 2001, November 11. (accessed 11.01.2022)

5. Asatryan G. E. Voenno-politicheskaya strategiya SShA v Afganistane (2001—2008 gg.). Antiterroristicheskii aspekt. Dokumenty i materialy [US military-political strategy in Afghanistan (2001-2008). Anti-terrorist aspect. Documents and materials]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. The science. Scientific personnel*, 2014, no. 6, pp. 259–261.

6. Korgun V. G. Afganistan: itogi 2007 goda [Afghanistan: results of 2007]. *Afghanistan.Ru*, 2007, December 27. URL: http://www.Afghanistan.ru/print/?id=10876 (accessed 14.01.2022).

7. Korgun V. G. Afganistan: poiski vektora razvitiya [Afghanistan: the search for a vector of development]. *Blizhnii Vostok i sovremennost'. Sbornik statei* [Middle East and modernity. Collection of articles]. Iss. 20; ed. by A. O. Filonik. Moscow, IV RAS, IIIiBV, 2003. 396 p.

8. Vzglyad na Evraziyu: v krupnom oprose v Afganistane obnaruzheny bol'shie regional'nye razlichiya [A look at Eurasia: Large regional differences were found in a large survey in Afghanistan]; ed. by Jim Loeb. *EurasiaNet.org*, 2004, July 14. URL: https://www. EurasiaNet. org/ departments/insight/articles/eav071404a_pr.shtml (accessed 20.01.2022).

9. Bautin A. A. Posttalibskii Afganistan i protsessy gosudarstvennogo stroitel'stva: problemy i protivorechiya [Post-Taliban Afghanistan and the processes of state construction: problems and contradictions]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2010, no. 1 (14), pp. 166–171.

10. Afganistan, ShOS, bezopasnost' i geopolitika Tsentral'noi Evrazii. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii [Afghanistan, SCO, security and geopolitics of Central Eurasia. Materials of the International Conference]; ed. by A. A. Knyazev. Bishkek, Societies Alexander Knyazev Foundation, 2008. 390 p.

11. Serenko A. Afganistan: politicheskie itogi 2008 goda [Afghanistan: political results of 2008]. *Afghanistan.Ru*, 2009, January 26. URL: http://www.Afghanistan.ru/doc/13884 (accessed 14.01.2022).

12. Bochkov S. O., Zhuravlev V. P. V. V. Putin i problemy bor'by s terrorizmom [V. V. Putin and the problems of combating terrorism]. *Pravo i Bezopasnost' = Law and Security*, 2003, no. 1-2.

13. Stepanova E. Mirnyi protsess po Afganistanu i rol' Rossii [The peace process in Afghanistan and the role of Russia]. *Puti k miru i bezopasnosti =Paths to peace and security*, 2019, no. 2(57), pp. 21–33. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-2-21-33.

14. Serenko A. "Natsional'nyi front" ukhodit s afganskoi politicheskoi stseny ["National Front" leaves the Afghan political scene]. *Afghanistan.Ru*, 2009, April 23. URL: http://www.Afghanistan.ru/print?id=14571 (accessed 14.01.2022).

15. Laletin Yu. P. Rossiisko-Afganskie otnosheniya na sovremennom etape [Russian-Afghan relations at the present stage]. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf (accessed 14.01.2022).

16. Serenko A. Politicheskii krizis v Kabule vedet k modernizatsii partiinoi sistemy [The political crisis in Kabul leads to the modernization of the party system]. *Afghanistan.Ru*, 2007, May 28. URL: http://www.Afghanistan.ru/print?id=9113 (accessed 14.01.2022).

17. Kazantsev A. A., Gusev L. Yu. Prognoz deyatel'nosti terroristicheskikh organizatsii v stranakh Tsentral'noi Azii i Afganistane: vozmozhnye puti protivodeistviya v interesakh bezopasnosti RF [Forecast of the activities of terrorist organizations in the countries of Central Asia and Afghanistan: possible ways of countering in the interests of the security of the Russian Federation]. *Politeks = Politex*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 160–176.

18. Torkunov A.V. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. T. 3. Yaltinsko-Potsdamskaya Sistema [History of international relations. Vol. 3. Yalta-Potsdam system]. Moscow, Aspect Press Publ., 2020. 552 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Бахадари Абдул Фарук, преподаватель департамента политологии и международных отношений, Университет Бадахшана г. Файзабад, Афганистан; аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов РУДН, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Abdul Farooq Bahadari, Lecturer Department of Political Science and International Relations, Badakhshan University, Faizabad, Afghanistan; Post-Graduate Student of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation, e-mail: f.bahadari1988@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-141-152

(cc) BY 4.0

ЮАР и БРИКС: политические и экономические аспекты сотрудничества при администрации Джейкоба Зумы

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди[1] ✉

[1] Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, г. Москва 117198, Российская Федерация

✉ e-mail: freddyagonnoude@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Присоединение в 2011 году к группе БРИК Южноафриканской Республики значительно увеличило внимание к этому объединению со стороны других международных организаций и ведущих экономических держав. В статье рассматриваются предпосылки принятия решения администрацией президента ЮАР Джейкоба Зумы о вступлении в БРИК, политические и экономические аспекты взаимоотношений Южной Африки с партнерами по группе в период президентства Дж. Зумы.*

Цель *исследования: выявление политико-экономических причин присоединения ЮАР к объединению БРИК.*

Задачи *исследования: анализ основных векторов взаимодействия ЮАР и стран БРИКС при президенте Джейкобе Зуме; выявление особенностей внешнеполитической риторики ЮАР в период присоединения к БРИК; анализ двусторонних отношений ЮАР с Россией и Китаем; сравнение южноафриканской внешней торговли со странами БРИКС в период президентства Джейкобе Зумы.*

Методология *исследования основана на анализе и синтезе как общих методах исследования. Использовались также структурно-функциональный метод и сравнительно-политологический анализ. Через структурно-функциональный метод выявлены связи между политическими акторами Южной Африки в рамках сотрудничества со странами БРИКС. Сравнительно-политологический анализ позволил выявить особенности внешнеполитической риторики ЮАР в период присоединения к БРИК и характер двусторонних отношений ЮАР с Россией и Китаем.*

Результаты. *Определена внешнеполитическая риторика ЮАР как один из мотивов присоединения страны к группе БРИК. Выявлен лоббистский подход ЮАР в своих отношениях с Россией и Китаем в рамках присоединения к БРИК. Рассмотрены аспекты южноафриканской торговли со странами БРИКС при президенте Дж. Зуме; установлено, что ключевым торговым партнером Южной Африки в группе БРИКС является Китай.*

Выводы. *Вступление ЮАР в группу БРИК в 2011 году позволило Претории существенно повысить свой международный статус и закрепить за собой роль «региональной державы» в формирующемся новом миропорядке, усилить свои позиции в качестве представителя африканского континента. В процессе вступления в БРИК отражались основные цели внешней политики ЮАР – укрепление статуса регионального лидера Африки.*

Ключевые слова: *Южная Африка; сотрудничество; внешняя политика; двусторонние отношения; региональная держава.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Агоннуде Бидолей Вианней Фредди. ЮАР и БРИКС: политические и экономические аспекты сотрудничества при администрации Джейкоба Зумы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 141–152. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-141-152.

Поступила в редакцию 18.03.2022 Принята к публикации 23.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Агоннуде Бидолей Вианней Фредди, 2022

South Africa and BRICS: political and economic aspects of cooperation under the Jacob Zuma administration

Agonnoude Bidoley Vianney Freddy[1] ✉

[1] RUDN University
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow 117198, Russian Federation

✉ e-mail: freddyagonnoude@mail.ru

Abstract

Relevance. *The accession of the Republic of South Africa to the BRIC group in 2011 significantly increased the attention to this association from other international organizations and leading economic powers. The article discusses the prerequisites for the decision by the administration of South African President Jacob Zuma (2009-2018) to join the BRIC, the political and economic aspects of South Africa's relations with partners in the group during the presidency of J. Zuma.*

The purpose *of the study is to identify the political and economic reasons for the accession of South Africa to the BRIC association.*

The Objectives *of the research are: analysis of the main vectors of interaction between South Africa and the BRICS countries under Jacob Zuma; determination of the foreign policy rhetoric of South Africa at the time of accession the BRIC; analysis of South Africa's bilateral relations with Russia and China; comparison of South African trade with the BRICS countries under Jacob Zuma.*

The research methodology *is based on analysis and synthesis as general research methods. The structural-functional method and comparative political analysis were also used. Through the structural-functional method, the links between the political actors of South Africa in the framework of cooperation with the BRICS countries were revealed. Comparative political analysis made it possible to identify the features of South Africa's foreign policy rhetoric during the period of joining the BRIC and the nature of South Africa's bilateral relations with Russia and China.*

Results. *The foreign policy rhetoric of South Africa is defined as one of the motives for joining the BRIC group. The lobbying approach of South Africa in its relations with Russia and China in the framework of accession the BRIC has been revealed. Aspects of South African trade with the BRICS countries under Zuma are considered; it is established that from a trade point of view, China is South Africa's key partner in the BRICS group.*

Conclusion. *The accession of South Africa to the BRIC group in 2011 allowed Pretoria to significantly increase its international status and secure the role of a "regional power" in the emerging new world order, to strengthen its position as a representative of the African continent. In the process of joining the BRIC, the main goals of South Africa's foreign policy were reflected - strengthening the status of Africa's regional leader.*

Keywords: *South Africa; cooperation; foreign policy; bilateral relations; regional power.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Agonnoude Bidoley Vianney Freddy. South Africa and BRICS: Political and Economic Aspects of Cooperation under the Jacob Zuma Administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 141–152. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-141-152.

Received 18.03.2022 Accepted 23.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Взаимоотношения ЮАР со странами группы БРИК и с самим объединением имели важнейшее значение во внешней политике страны при президенте Джейкобе Зуме (2009–2018 гг.). Официальное присоединение Южной Африки к БРИК в феврале 2011 г. отмечается как одно из ярких внешнеполитических положительных достижений администрации Зумы, в

том числе по его экономическим последствиям.

Методология

Методология исследования основана на анализе и синтезе как общих методах исследования. Использовались также структурно-функциональный метод и сравнительно-политологический анализ. Через структурно-функциональный метод выявлены связи между политическими акторами Южной Африки в рамках сотрудничества со странами БРИКС; связи Африканского Национального Конгресса с партией «Единая Россия» и Коммунистической партией Китая. Сравнительно-политологический анализ позволил выявить особенности внешнеполитической риторики ЮАР в период присоединения к БРИК и характер двусторонних отношений ЮАР с Россией и Китаем; провести анализ южноафриканской внешней торговли со странами БРИКС при президенте Джейкобе Зуме (2009–2018 гг.).

Результаты и их обсуждение

По основным экономическим показателям, в частности объему ВВП, ЮАР уступает другим участникам группы БРИКС[1]. При этом имеются сферы, в которых Претория демонстрирует свои преимущества. В частности, по соблюдению макроэкономических показателей, качеству финансовых институтов и уровню сложности бизнеса, конкурентоспособности целого перечня товаров машиностроения и металлообработки на глобальном мировом рынке. Страна демонстрирует существенное международное влияние в ключевых многосторонних институтах на африканском континенте и в мире в целом.

В 2020 г. по объему ВВП Южная Африка, согласно данным Всемирного банка, занимала пятое место среди стран группы БРИКС (717 млрд долл. США). Экономический рейтинг мировых держав возглавлял Китай с 24 273 млрд долл. США соответственно, это было первое место и в БРИКС. Второе место в группе занимала Индия (8 907 млрд долл. США), третье место – Россия (4 133 млрд долл. США), четвертое – Бразилия (3 154 млрд долл. США)[2]. В 2020 г. ВВП Китая превышал ВВП других членов группы БРИКС вместе взятых. Аналогичные показатели наблюдались в 2018 и 2019 гг. (табл.).

Таблица. Рейтинг стран БРИКС по ВВП (ППС) согласно данным Всемирного банка в 2018 и 2019 гг.[1]

Страны БРИКС	ВВП (ППС), млрд долл.	
	2018 г.	2019 г.
Бразилия	3 365	3 248
Россия	4 213	4 284
Индия	10 505	9 562
Китай	25 270	789
ЮАР	23 444	762

Тем не менее уступая другим странам БРИКС по размеру своей экономики, Южная Африка имеет статус второй крупнейшей экономики Африки и одновременно регионального политического лидера на континенте [1, с. 17]. Помимо экономической константы также различается политический вес каждой из стран БРИКС на международной арене. Однако статус регионального лидера и ведущего участника различных субрегиональных организаций придает членам группы БРИКС региональный политический вес, который бесспорно проявляется на мировой арене. Кроме того, на международной арене ЮАР пользуется высоким моральным авторитетом, который она постоянно подтверждает, занимая активную позицию в миротворческих операциях и выступая в качестве посредника в военных конфликтах [2, с. 231].

Критика в снижении международного статуса Южной Африки наблюдалась в период президентства Джейкоба Зумы (май 2009 г. – февраль 2018 г.) – аналити-

[1] Рейтинг стран по ВВП (ППС) // Nonews. 2020. URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/gdp-ppp (дата обращения: 30.01.2022).

ки выражали недоверие к обоснованию уменьшения участия страны в вопросах обеспечения мира и безопасности на африканском континенте [3, с. 65]. На наш взгляд, основным мотивом снижения активности в региональной политике являлось стремление администрации Зумы к участию в более глобальных процессах. К тому же в этот период руководство ЮАР целенаправленно занималось вопросом присоединения страны к группе БРИК. По мнению А. А. Архангельской, вхождение в БРИК позволяло Претории существенно повысить свой международный статус и закрепить за собой роль «региональной державы» в формирующемся новом миропорядке, усилить позиции в качестве представителя африканского континента и добиться увеличения притока иностранных инвестиций [4, с. 26]. Именно эти цели преследовала администрация Джейкоба Зумы.

Профессор Йоханнесбургского университета Крис Ландсберг (Chris Landsberg) считает, что внешняя политика правительства Зумы демонстрировала идею концентрических кругов, подчеркивающих как внешнюю, так и внутреннюю политику, а именно внутренние или национальные интересы, т. е. «африканскую повестку дня», сотрудничество Юг-Юг, диалог Север-Юг, социально-экономические и политико-экономические вопросы, безопасность, глобальное управление и экономическая дипломатия [5, с. 155]. В этих направлениях отражены цели внешней политики Южной Африки. На наш взгляд, в первую очередь они были направлены на укрепление статуса регионального лидера ЮАР в Африке. В таком случае БРИКС явно рассматривался Преторией в качестве инструмента укрепления позиций ЮАР на африканском континенте. Поэтому можно согласиться с позицией Криса Алдена (Chris Alden) и Макси Шумана (Maxi Schoeman) о том, что последствия символической репрезентативности Южной Африки, а не реальной гегемонии в Африке обусловлены тем, что руководство ЮАР, особенно при Зуме, чувствовало необходимость сотрудничества с внешними игроками африканского геополитического пространства для достижения целей своей внешней политики [6, с. 251]. Дипломатия администрации президента Джейкоба Зумы в большей степени была направлена именно на возвышение такой символической роли ЮАР в мире.

Внешнеполитическая риторика Претории

Государства-члены БРИКС отличаются между собой не только размерами экономики, присутствуют кардинальные культурные и политические различия, однако все эти страны объединяет недовольство существующим международным порядком и недостаточное влияние на международные процессы принятия решений, несмотря на статус развивающихся экономик [7, с. 41]. Общеизвестно, что Южная Африка выступает за приоритетное развитие и укрепление отношений Юг-Юг, активным координатором по этой линии является и Китайская Народная Республика [8, с. 345]. Тем самым у двух стран имеются общие представления о горизонтальных взаимодействиях на глобальном Юге. До присоединения к БРИК риторика объединения восходящих экономик глобального Юга в меняющемся мировом геополитическом пространстве стала ключевой темой, вытекающей из внешнеполитических заявлений Южной Африки. Рационально считать, что именно данная риторика проложила путь для вхождения ЮАР и в группу БРИК.

Необходимо заметить, что в процессе присоединения ЮАР к БРИК именно этим оправдывалось растущее внимание «к себе подобным» странам Юга в противовес традиционным партнерам – странам Севера. Одновременно и экономический рост Китая поддерживался политикой укрепления его отношений с государствами глобального Юга, охватывая большую часть африканского континента. Руководство Южной Африки ви-

дело в этом подходе Китая возможность сыграть решающую посредническую роль во взаимоотношениях КНР со странами Африки. Это отразилось во встречах 2013 и 2018 гг. группы БРИКС с главами африканских государств в рамках южноафриканских саммитов БРИКС. Необходимо напомнить, что приоритетной сферой своей внешней политики ЮАР видела в Африке, начиная с её Юга, с последующим расширением зоны своих стратегических интересов до континентального масштаба [9, с. 120].

В ЮАР прекрасно понимают, что с момента обретения независимости место государств африканского континента в международном разделении труда мало чем изменилось. Африка остается экспортером природного сырья, удовлетворяя растущий аппетит новых динамичных экономик мира. Однако в нынешнем контексте глобализации и появления новых акторов (такие как страны группы БРИКС и др.) в определенной степени происходит изменение условий торговли в пользу африканских стран [10, с. 13]. Как отмечает Е. Н. Корендясов, изменения системного характера в положении африканского континента на геополитическом и геоэкономическом пространстве последовали за динамично развивающимся международным партнерством Африки в рамках сотрудничества Юг-Юг и, в первую очередь, с восходящими странами [11, с. 205].

Считаем, что сегодня африканский континент, безусловно, нуждается в новых подходах к сотрудничеству со стороны внешних партнеров. В связи с этим следует поддержать мнение В. И. Юртаева о том, что «Африка нуждается сегодня в модели сотрудничества, которая противостоит модели помощи, являющейся неэффективной. Поэтому практически значимым является формирование Повестки дня БРИКС для Африки в рамках деятельности объединения БРИКС как стратегии полноценного взаимодействия с Африканским регионом в условиях глобализации» [12, с. 192]. И. О. Абрамова считает, что изменение положения африканского континента в мировой системе координат привлекает к нему внимание всех крупных международных игроков, как традиционных (США, Великобритании, Франции, Германии), так и новых (Китая, Японии, Индии, Бразилии, Турции, Ирана, Индонезии, Австралии и даже Новой Зеландии) [13, с. 18].

На наш взгляд, дальнейший успех этих новых акторов африканского геополитического пространства зависит от того, насколько их подходы к сотрудничеству будут отличаться от позиции и взглядов западных держав. В этом же духе обосновывается южноафриканское видение отношений группы БРИКС с африканским континентом. Возможно, благодаря посреднической роли ЮАР африканские страны смогут воспользоваться и финансовой поддержкой Нового Банка Развития БРИКС, который рассматривает расширение инфраструктурных проектов на зоны, не входящие в территории стран-участниц группы.

Южная Африка приняла свой первый саммит БРИКС 26–27 марта 2013 г. в Дурбане. Проведение саммита с большим энтузиазмом воспринималось как правительственными чиновниками, так и деловым сообществом страны, оценивалось как знак признания ЮАР в качестве одного из ключевых участников мировых процессов. Считаем, что в этот период Южная Африка сформировала свой подход к сотрудничеству в рамках БРИКС с точки зрения укрепления отношений со странами-единомышленниками, а также создания возможностей для расширения торговых и инвестиционных связей. Кроме того, руководство ЮАР привлекало и то обстоятельство, что члены группы стремились одновременно поддерживать отношения с традиционными центрами силы, развивать разносторонние связи с США и членами ЕС [14, с. 62].

В общей риторике государств-участников БРИКС по мировой экономи-

ческой политике наиболее активно поднимается тема реформирования международных финансовых институтов, в частности пересмотра квот и доли в МВФ. Южная Африка видит в реформах важнейших областей глобального управления свои очевидные выгоды, поэтому отстаивает их в союзе со странами, чье влияние рассматривается как растущее. Но существует ряд тем, по которым позиции стран БРИКС отличаются, например, по либерализации услуг, изменению отношений в ВТО и характеру реформы Организации Объединенных Наций. По данным вопросам вхождение ЮАР в группу БРИК в определенной степени снизило значение других международных форматов с участием ЮАР, в частности IBSA Dialogue Forum (Индия, Бразилия и Южная Африка), который был образован по инициативе второго президента ЮАР Табо Мбеки в 2003 г. Алан Александрофф (Alan Alexandroff) справедливо отмечает, что переориентация Южной Африки на Россию и БРИКС в целом привела к тому, что правительство ЮАР уменьшило внимание к другим организациям, в первую очередь к IBSA [15, с. 257].

В контексте усиления стран группы БРИКС на мировой арене можно говорить о нисходящем тренде влияния формата IBSA. При этом по сравнению с БРИКС данный формат пользовался гораздо большим доверием в продвижении на мировой арене определенных ценностей, в частности справедливости. IBSA также отличается от БРИКС по своим представлениям о реформе Совета Безопасности ООН, поскольку группа состоит из государств, не являющихся постоянными членами Совбеза. Известно, что страны IBSA (Индия, Бразилия и Южная Африка) претендуют на постоянное место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. За последние два десятилетия именно эти страны рассматривались как акторы международных отношений, борющиеся за законное место в Совбезе ООН.

Лоббистская деятельность Претории в двусторонних отношениях с Москвой и Пекином

Необходимо отметить, что двусторонние отношения Южной Африки с Китаем и Россией развиты в большей степени, чем с Бразилией и Индией. С 2009 г. правящая партия ЮАР Африканский национальный конгресс (АНК) и правительство Южной Африки при президенте Зуме активно стремились сблизиться с БРИК в целях создания альтернативной мировой экономической системы. Поэтому при Зуме внешняя политика Южной Африки резко сместилась в сторону Китая и России. По мнению южноафриканских исследователей Кобо и Дубе, при президенте Зуме отношения с Россией стали новым приоритетом внешней политики Южной Африки [16, с. 148]. В частности, во время своего президентства Джейкоб Зума посетил Россию большее количество раз, чем любую другую зарубежную страну. Отношения Претории с Москвой и Пекином также развивались на уровне политических партий: Африканский национальный конгресс (АНК) укрепил межпартийные отношения в октябре 2013 г. с «Единой Россией»[1] и Коммунистической партией Китая[2]. На наш взгляд, акцент на межпартийных отношениях между правящим АНК и правящими партиями Китая и России мог послужить лоббистским проводником установления прагматических политических и экономических отношений между странами. Вплоть до того, что в 2015 г.

[1] ANC pact with Russian Party raises eyebrows // Business Day. 2013. 11 October. URL: https://www.businesslive.co.za/bd/politics/2013-10-11-anc-pact-with-russian-party-raises-eyebrows/ (дата обращения: 30.01.2022)

[2] Xi Jinping meets with members of the Workshop of the ANC National Executive Committee of South Africa // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Lithuania. 2013. 11 October. URL: http://lt.china-embassy.org/eng/xwdt/t867008.htm (дата обращения: 30.01.2022)

возникли слухи о секретном характере соглашения по передаче Россией Южной Африке ядерных технологий. В ЮАР тогда возникли опасения, что процедуры закупок могли быть нарушены, чтобы дать России преимущество над другими потенциальными претендентами (Франция, Китай, США и Южная Корея)[1].

Что касается связей ЮАР с КНР, то очевидно, что Южная Африка не могла игнорировать экономический вес Китая и необходимость углубления торговых и инвестиционных связей с таким экономическим гигантом. В экономических взаимоотношениях ЮАР и Китая присутствует вектор усиления поддержки индустриализации Южной Африки со стороны КНР, наблюдается стимулирование экспорта товаров с более высокой добавленной стоимостью.

Говоря о внешнеполитической стратегии администрации Зумы, складывается впечатление, что за период его президентства Южная Африка поставила под угрозу независимость своей внешней политики в обмен на большее признание со стороны Китая. Но если рассматривать данный тезис как внешнеполитическую тактику в реализации глобальной стратегии, то мы увидим, что она сработала, т. к. именно Китай лоббировал в БРИК вопрос присоединения к группе ЮАР. Важно подчеркнуть, что в целом такая интеграция представляет опасность, когда «средняя» держава может контекстуализировать свои цели внешней политики, чтобы служить интересам великой державы. В этой связи вполне логично сделать вывод об изменении или пересмотре некоторых направлений внешней политики ЮАР в контексте ее участия в БРИКС. Следует добавить, что у стран объединения имеется общее ценностное представление по многим глобальным вопросам справедливого мироустройства. Естественно, что это укрепляет их взаимосвязи.

В целом можно сделать вывод, что при Джейкобе Зуме опасность сближения Южной Африки с Китаем и Россией заключалась в том, что внешнюю политику Претории вполне можно было бы отнести к реализации геополитических и экономических интересов этих двух стран. Но, по мнению властей самой Претории, Южная Африка намерена выстраивать отношения с Россией и Китаем исходя из четкого представления о своих экономических интересах и о том, как их можно использовать для продвижения собственной позиции в различных глобальных процессах. После вступления ЮАР в БРИК страна стала активно наращивать свои торгово-экономические отношения именно с новыми партнерами по группе.

Южноафриканская торговля со странами БРИКС во время президентства Джейкоба Зумы

Торговля является одним из факторов, определяющих важность БРИКС с точки зрения руководства Южной Африки, и следует помнить о том, что Китай в настоящее время является крупнейшей страной-экспортером в мире [17, с. 51]. После присоединения ЮАР к БРИК ее торговля со странами африканского континента выросла с 21,4 млрд долл. в 2011 г. (южноафриканский экспорт – 13,811 млрд; импорт – 6,55 млрд) до 24,5 млрд долл. в 2012 г. (экспорт –14,494 млрд, импорт – 10,019 млрд долл.) [18, с. 209]. Общий объем торговли Южной Африки с ее партнерами по БРИКС увеличился с 3,1 млрд долл. США в 2001 г. до 28,9 млрд долл. США в 2016 г. При этом высокий рост наблюдался в 2013 г. и составлял 39 млрд долл. США [19, с. 3]. Увеличение экспорта Южной Африки во многом было связано с ростом спроса со стороны Китая, чей мировой импорт в январе 2017 г. был на 25,2% выше, чем в

[1] Russia's Rosatom denies securing SA's nuclear deal // eNCA online. 2015. 15 July. URL: http://www.enca.com/south-africa/russias-rosatom-denies-securing-sas-nuclear-deal (дата обращения: 30.01.2022)

предыдущем году[1]. Кроме того, как тогда отметил Джейкоб Зума в своем президентском послании о состоянии Нации от 9 февраля 2017 г., «восстановление цен на сырьевые товары привело к росту добычи полезных ископаемых»[2]. В последние годы правления Дж. Зумы экономическая ситуация в ЮАР осложнилась. Темпы роста экономики снизились в связи с падением сырьевых цен, и вместо намеченных по плану в 2016 г. 5,4% прирост экономики составил всего лишь 0,4%, а в 2017 г. – 1,6% [20, с. 3].

Важно подчеркнуть, что феноменальный рост торговли ЮАР с партнерами по БРИКС позволил стране диверсифицировать экспортные рынки за пределы своих традиционных партнеров (ЕС и США). Данная политика оказалась достаточно важной для Южной Африки, особенно в контексте последствий глобального финансового кризиса 2008 г., когда снизился спрос на товары южноафриканского производства на западных рынках. Стоит заметить, что с 2016 по 2020 г. южноафриканская политика диверсификации внешнеторговых партнеров оставалась актуальной в контексте протекционистской позиции президента США Дональда Трампа. Кроме того, политика диверсификации торгово-экономических партнеров приобретает все большее значение для Южной Африки, поскольку страны БРИКС увеличивают свою долю на мировом рынке импорта.

Несмотря на значительный рост торговли ЮАР с партнерами по БРИКС необходимо заметить, что торгово-экономические отношения были крайне неравномерными. Импорт Южной Африки из стран БРИКС, особенно из Китая (который имеет самый большой вес в импортной корзине), в основном составлял промышленные товары, машины и транспортное оборудование, а также различные промышленные товары (78,7% импорта в 2016 г.). В экспорте Южной Африки для стран группы преобладают сырье и минеральное топливо (в совокупности 71,3% экспорта в 2016 г.), промышленные товары составляют только 21,3% от общего объема экспорта [19, с. 3]. В 2016 г. из общего объема торговли страны со своими партнерами по БРИКС объем торговли ЮАР с Китаем составил 70,4%, Индией – 21,6%, Бразилией – 6,2% и Россией – 1,9% [19, с. 4]. Доминирование в экспорте сырьевых товаров и усиление зависимости от экономической политики Китая стало крайне проблематичным для Южной Африки, т. к. страна нацелена на углубление своей индустриализации для стимулирования экономического роста и смягчения последствий резкого падения цен на сырьё, а также сохранение политики диверсификации во внешней торговле, что понимается правительством Претории.

Выводы

Вступление ЮАР в БРИК стало неотъемлемой частью реализации стратегии диверсификации внешнеэкономической политики страны. Данный курс реализовывался Южной Африкой в контексте преодоления последствий финансового кризиса 2008 г., когда традиционные партнеры (ЕС и США) сократили объемы своего импорта из ЮАР. В связи с этим поиск новых рынков и источников иностранных инвестиций стал чрезвычайно важным приоритетом внешней политики для Южной Африки и администрации президента Дж. Зумы, вступление в БРИК в определённой степени выполнило поставленные экономические задачи.

[1] China's January exports up 15.9%, imports up 25.2%' // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-02/10/content_28161624.htm (дата обращения: 01.02.2022)

[2] State of the Nation Address by Jacob G. Zuma, President of the Republic of South Africa on the Joint Sitting of Parliament Cape Town. 9 Feb 2017 // Сайт правительства ЮАР. URL: https://www.gov.za/speeches/president-jacob-zuma-2017-state-nation-address-9-feb-2017-0000 (дата обращения: 01.02.2022)

Появление БРИК и вступление в эту группу ЮАР снизило внимание к деятельности других межгосударственных форматов с участием ЮАР, в частности к IBSA (Индия, Бразилия и Южная Африка), который пользовался достаточно большой популярностью и доверием как внутри страны, так и на международных площадках. В частности, по вопросу реформы Совета Безопасности ООН и стремлением стран «тройки» войти в Совбез ООН. Можно сделать предположение, что, интернируясь в БРИК, ЮАР рассчитывала на дополнительную поддержку со стороны постоянных членов СБ ООН России и Китая в достижении своей давней внешнеполитической цели – получения места постоянного члена СБ ООН, представляющего Африку.

На внешнеполитическом двустороннем уровне отношения Южной Африки с Китаем и Россией более развиты, чем с Бразилией и Индией. Связи ЮАР с этими двумя партнерами по БРИКС подкреплены дополнительными политическими контактами, в том числе через правящие политические партии (АНК, «Единая Россия» и Китайская коммунистическая партия). Этот подход дал конкретные результаты, что позволяет рекомендовать продолжить работу в этом направлении, а также развивать межпартийные отношения с влиятельными политическими партиями Бразилии и Индии.

В сложной международной обстановке, сложившейся в начале 2022 г., введением экономических и политических санкций на Россию со стороны стран ЕС и США, для достижения своих целей руководству ЮАР целесообразно оживить деятельность формата IBSA и возобновить работу по поиску новых альтернативных рынков. В этом вопросе потенциальными партнерами ЮАР могут выступить страны N-11 или Next Eleven: Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Южная Корея, Филиппины. Данные страны демонстрируют свой экономический рост и тоже находятся в поиске новых форматов международного взаимодействия, могут стать новыми локомотивами международной системы экономических отношений XXI века, наряду со странами БРИКС.

Список литературы

1. Brazil and South Africa: the weak links of the BRICS? / B.V. F. Agonnoude, Y. S. Adohounde, S. A. Stepanov, N. V. Shulenina // Journal of Politics and law. 2019. Vol. 12, no. 4. P. 15–21. https://doi.org/10.5539/jpl.v12n4p15

2. Шубин В. Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. С. 229–246.

3. Hendricks C., Majozi N. South Africa’s International Relations: A New Dawn? // Journal of Asian and African studies. 2021. Vol. 56 (1). P. 64–78. https://doi.org/10.1177/0021909620946851

4. Архангельская А. А. Внешняя политика Джекоба Зумы, 2009-2017 // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2. С. 23–30.

5. Landsberg C. The concentric circles of South Africa's foreign policy under Jacob Zuma // India Quarterly. A Journal of International Affairs. 2014. Vol. 70 (2). P. 153–172. https://doi.org/10.1177/0974928414524652

6. Alden C., Schoeman M. South Africa’s symbolic hegemony in Africa // International Politics. 2015. Vol. 52. P. 239–254. https://doi.org/10.1057/ip.2014.47

7. Fernanda de Castro B. M. New Institutions on the block: The BRICS financial institutions and the roles of Brazil and China // Journal of China and International Relations. 2018. Special Issue. P. 36–52.

8. Забелла А. А. Африка во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. Т. 9, № 4. С. 341–352.

9. Степанов С. А., Агоннуде Б. В. Ф. Африканский вектор внешней политики ЮАР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 118–127.

10. Агоннуде Ф. Африка в геополитической игре мировых держав // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики: материалы V Всероссийского Форума молодых политологов / под общ. ред. И. А. Помигуева, Р. В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 12–13.

11. Корендясов Е. Н. Российско-африканские отношения на новом старте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 2. С. 203–214.

12. Юртаев В. И. БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 2. С. 191–202.

13. Абрамова И. О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры 8 глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 6–21.

14. Шубин В. Г. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка // Индекс Безопасности. ПИР-Пресс, 2013. Т. 19, № 2 (105). С. 57–70.

15. Alexandroff A. South Africa in a complex global order: How and where to fit in? // South African Journal of International Affairs. 2015. Vol. 22 (2). P. 249–268. https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1054868

16. Qobo M., Dube M. South Africa’s foreign economic strategies in a changing global system // South African Journal of International Affairs. 2015. Vol. 22 (2). P. 145–64

17. Neethling T. South Africa’s foreign policy and the BRICS formation: reflections on the quest for the ‘right’ economic-diplomatic strategy // African Studies Association of India SAGE Publications, Insight on Africa. 2017. Is. 9 (1). P. 39–61. https://doi.org/10.1177/09750878166 74580

18. Дейч Т. Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 2. С. 206–228.

19. Prinsloo C. Boosting South Africa’s economic relations with the BRICS // Institute for global dialogue. 2017. Is. 131. P. 1–8.

20. Шубин В. Южная Африка: новый рассвет? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 2–9. https://doi.org/10.31857/S032150750003337-2

References

1. Agonnoude B. V. F., Adohounde Y. S., Stepanov S. A., Shulenina N. V. Brazil and South Africa: the weak links of the BRICS? *Journal of Politics and law*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 15–21. https://doi.org/10.5539/jpl.v12n4p15

2. Shubin V. G. YuAR v BRIKS: poslednyaya po ocheredi, no ne po vazhnosti [South Africa in BRICS: last but not least]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2015, no. 2, pp. 229–246.

3. Hendricks C., Majozi N. South Africa’s international relations: a new dawn? *Journal of Asian and African studies*, 2021, vol. 56(1), pp. 64–78. https://doi.org/10.1177/0021909620946851

4. Arkhangel'skaya A. A. Vneshnyaya politika Dzhekoba Zumy, 2009-2017 [Foreign Policy of Jacob Zuma, 2009-2017]. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2018, no. 2, pp. 23–30.

5. Landsberg C. The concentric circles of South Africa's foreign policy under Jacob Zuma. *India Quarterly. A Journal of International Affairs*, 2014, vol. 70 (2), pp. 153–172. https://doi.org/10.1177/0974928414524652

6. Alden C., Schoeman M. South Africa's symbolic hegemony in Africa. *International Politics*, 2015, vol. 52. pp. 239–254. https://doi.org/10.1057/ip.2014.47

7. Fernanda de Castro B. M. New institutions on the block: The BRICS financial institutions and the roles of Brazil and China. *Journal of China and International Relations, Special Issue*, 2018, pp. 36–52.

8. Zabella A. A. Afrika vo vneshnepoliticheskom kurse KNR [Africa in China's foreign policy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshhaya istoriya = Bulletin of RUDN University. Series: General History*, 2017, vol. 9, no. 4, pp. 341–352.

9. Stepanov S. A., Agonnude B. V. F. Afrikanskij vektor vneshnej politiki YuAR [African vector of South African foreign policy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 118–127/

10. Agonnude F. [Africa in the geopolitical game of world powers]. *Razvitie gosudarstva i obshchestva: idei, sub"ekty, instituty i praktiki. Materialy V Vserossiiskogo Foruma molodykh politologov* [Development of the state and society: ideas, subjects, institutions and practices: materials of the V All-Russian Forum of Young Political Scientists]; ed. by I. A. Pomiguev, R. V. Savenkov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2018, pp 12–13.

11. Korendyasov E. N. Rossiisko-afrikanskie otnosheniya na novom starte [Russo-African relations at a new start]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 2016, no. 2, pp. 203–214. (In Russ.)

12. Yurtaev V. I. BRIKS: vyzovy sotrudnichestva na afrikanskom kontinente [BRICS: challenges of cooperation on the African continent]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 2016, no. 2, pp. 191–202.

13. Abramova I. O. Afrika v sovremennoi modeli miroustroistva: vesomyi igrok ili autsaider? [Africa in the modern model of the world order: a significant player or an outsider?]. *Kontury 8 global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Contours of 8 global transformations: politics, economics, law*, 2018, vol. 11, no. 5. pp. 6–21.

14. Shubin V. G. Zachem Yuzhnoj Afrike BRIKS i zachem BRIKSu Yuzhnaya Afrika [Why South Africa needs BRICS and why BRICS needs South Africa]. *Indeks Bezopasnosti = Security Index*, 2013, vol. 19, no. 2 (105), pp. 57–70.

15. Alexandroff A. South Africa in a complex global order: How and where to fit in? *South African Journal of International Affairs*, 2015, vol. 22 (2), pp. 249–268. https://doi.org/10.1080/10220461.2015.1054868

16. Qobo M., Dube M. South Africa's foreign economic strategies in a changing global system. *South African Journal of International Affairs*, 2015, vol. 22 (2), pp. 145–64.

17. Neethling T. South Africa's foreign policy and the BRICS formation: reflections on the quest for the 'right' economic-diplomatic strategy. *African Studies Association of India SAGE Publications, Insight on Africa*, 2017, is. 9 (1), pp. 39–61. https://doi.org/10.1177/0975087816674580

18. Deich T. L. Regional'naya politika BRIKS v Afrike [BRICS regional policy in Africa]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 2015, no. 2, pp. 206–228.

19. Prinsloo C. Boosting South Africa's economic relations with the BRICS. *Institute for global dialogue*, 2017, is. 131, pp. 1–8.

20. Shubin V. Yuzhnaya Afrika: novyi rassvet? [South Africa: a new dawn?]. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2019, no. 1, pp. 2–9. https://doi.org/10.31857/S0321507 500 03337-2

Информация об авторе / Information about the Author

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: freddyagonnoude@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5807-6591, Researcher ID: AAF-9991-2020

Bidoley Vianney Freddy Agonnoude, Cand. of Sci. (Political), Associate Professor Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, e-mail: freddyagonnoude@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5807-6591, Researcher ID: AAF-9991-2020

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-153-166

CC BY 4.0

Внешние связи субнациональных регионов унитарных стран в ЕС: основные тенденции

Е. С. Поваляшко[1] ✉

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
пр. Гагарина 23, г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация

✉ e-mail: epovalyashko@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Вовлечение субнациональных регионов в политический процесс во второй половине XX века привело к восприятию их в качестве акторов. Постепенно регионы стали осуществлять внешние связи, причем в настоящий момент это характерно не только для субнационального уровня федераций, но и унитарных стран. Вместе со значительными преимуществами для развития регионов данное явление хранит в себе большой конфликтный потенциал. Наиболее ярко данный процесс проявляется в рамках интеграционных образований, так как там вовлечение субнационального уровня в процесс принятия решений неизбежно ведет к осуществлению внешних связей. Анализ данных связей представляется актуальным ввиду развития интеграции в мире, а также с учетом количественного преобладания унитарных государств. Наиболее показательным примером с учетом глубины интеграции и количества унитарных государств видится Европейский союз.*

Цель исследования *заключается в выявлении и анализе основных тенденций осуществления внешних связей субнациональными регионами унитарных стран в рамках ЕС.*

Задачи исследования сводятся к анализу динамики процесса осуществления указанных связей и тесно связанных с ним процессов, возникающих в политической архитектуре ЕС.

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы анализа и синтеза научной информации, а также структурно-функциональный и сравнительный методы.*

Результаты. *Выделены четыре основные тенденции осуществления внешних связей субнациональных регионов в рамках ЕС: непосредственно характеризующие процесс (углубление институционализации и развитие нормативной базы; расширение спектра тематик) и относящиеся к сопутствующим процессам (включение в осуществление внешних связей муниципального уровня; формирование единого административного поля внешних связей субнационального уровня).*

Вывод. *Изменения, происходящие со всем комплексом внешних связей субнациональных регионов унитарных стран в рамках ЕС, позволяют трактовать их не как инструмент в реализации местных задач, а как неотъемлемый элемент политической архитектуры ЕС.*

Ключевые слова: *внешние связи регионов; субнациональные регионы; унитарные государства; Европейский союз; интеграция; симметричные и асимметричные связи.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Поваляшко Е. С. Внешние связи субнациональных регионов унитарных стран в ЕС: основные тенденции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 153–166. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-153-166.

Поступила в редакцию 28.03.2022 Принята к публикации 24.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Поваляшко Е. С., 2022

External Relations of Unitary Countries Subnational Regions in the EU: Main Trends

Ekaterina S. Povalyashko[1] ✉

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

✉ e-mail: epovalyashko@mail.ru

Abstract

Relevance. *The involvement of subnational regions in the political process in the second half of the 20th century led to their perception as actors. Gradually, the regions began to carry out external relations. At the moment this is typical for the subnational level of federations as well as for the regions of unitary countries. Together with significant advantages for the development of the regions, this phenomenon holds a great potential for conflict. This process is most clearly manifested in the framework of integration entities, since there the involvement of the subnational level in the decision-making process inevitably leads to the implementation of external relations. The analysis of these links seems relevant due to the development of integration processes in the world, as well as taking into account the quantitative predominance of unitary states. Taking into account the depth of integration and the number of unitary states, the European Union is seen as the most illustrative example.*

The purpose *of the study is to identify and analyze the main trends of the implementation of external relations by subnational regions of unitary countries within the EU.*

Objectives *of the study are to analyze the dynamics of the implementation of these links and closely related processes arising in the political architecture of the EU.*

Methodology. While preparing the study, general scientific methods of analysis and synthesis of scientific information, as well as structural-functional and comparative methods were used.

Results. *Four main trends of the implementation of external relations of subnational regions within the EU are identified: directly characterizing the process (deepening institutionalization and development of the regulatory framework; expanding the range of topics) and mentioning the related processes (involvement of the municipal level in the implementation of external relations; formation of a single administrative field of external relations at the subnational level).*

Conclusion. *The changes taking place with the entire complex of external relations of subnational regions of unitary countries within the EU allow to interpret them not as a tool in the implementation of local tasks, but as an integral element of the EU political architecture.*

Keywords: *external relations of regions; subnational regions; unitary states; European Union; integration; symmetrical and asymmetric relations.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Povalyashko E. S. External Relations of Unitary Countries Subnational Regions in the EU: Main Trends. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 153–166. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-153-166.

Received 28.03.2022 Accepted 24.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Изменения на международной арене в XX в. заставили исследователей обратить внимание на деятельность субнациональных регионов. Регионы постепенно, но настойчиво включались в политический процесс, становясь его акторами, а не только субъектами. Постепенно их активность стала проявляться и на международном уровне. Первопроходцами стали преимущественно субнациональные единицы федераций, но со временем в

процесс включились и регионы унитарных государств. Несмотря на распространенность явления участие субнациональных регионов унитарных стран в политическом процессе, в том числе осуществление ими внешних связей, может встречать неодобрение, в первую очередь из-за высокого конфликтного потенциала такой деятельности. Вместе с тем регионы унитарных стран активно вовлекаются в процесс, и наиболее ярко это проявляется в рамках Европейского союза (в частности, под влиянием интеграционных процессов, поощрения приграничного и межрегионального сотрудничества, развития многоуровневого управления и внедрения принципа субсидиарности).

Анализ внешних связей регионов унитарных стран в рамках интеграционного образования представляется актуальным в связи с развитием интеграционных процессов в различных частях мира, а также с учетом численного преобладания унитарных стран. В качестве примера наиболее показательным представляется Европейский союз ввиду высокой степени реализованной интеграции в данном объединении и тем фактом, что внешние связи субнациональных регионов в данном случае стали частью политической архитектуры.

Вопросы политической активности субнациональных регионов и осуществления ими внешних связей исследуются как отечественными (И. М. Бусыгина, Н. В. Еремина, Т. В. Зонова, И. Д. Лошкарев, А. А. Керимов, Т. В. Вербицкая, Е. Б. Михайленко), так и иностранными (Т. Донас, И. Байерс, Г. Маркс, Р. Кайзер, Н. Корнаго, Дж. Хант, Т. Джексон) авторами. При этом в российской литературе чаще рассматриваются вопросы парадипломатии и ее место в политическом дискурсе [1–4]. Также уделяется внимание рассмотрению конкретных случаев (casestudies), как на примере российских регионов, так и ЕС [5]. Кроме того, рассматриваются вопросы многоуровневого управления [6; 7] и региональной политики [8–10]. Зарубежные авторы также уделяют существенное внимание вопросам парадипломатии [11–17]. При этом отдельный акцент сделан на способы взаимодействия акторов в данном процессе [18] и возможности возникновения конфликтов [19]. Также важным направлением исследований является вопрос прав субнациональных регионов [20–22] и лоббирования регионами собственных интересов [23; 24].

Таким образом, сформировался значительный пласт исследовательской литературы, прямо или косвенно затрагивающей внешние связи субнациональных государств; традиционно большее внимание уделяется формам, методам и конкретным примерам осуществления внешних связей субнациональных регионов, а также политике ЕС в отношении данного вопроса. Таким образом, существенно меньше внимания уделяется общим тенденциям развития и осуществления внешних связей субнациональных регионов унитарных государств в рамках интеграционных объединений.

На основании изложенного в данном исследовании предлагается выявить и проанализировать основные тенденции, возникающие в рамках европейской интеграции при осуществлении внешних связей субнациональными регионами унитарных государств-членов. В этой связи нужно решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть динамику процесса, включая анализ его институционализации и выработки нормативной базы; во-вторых, проанализировать порождаемые в политической архитектуре ЕС процессы, непосредственно с ним связанные.

Методология

Эмпирическую базу данного исследования составляет весь комплекс внешних связей субнациональных регионов унитарных стран, осуществляемых в рамках европейского интеграционного объединения (за исключением Люксем-

бурга, в силу его малой площади), а также объединения субнациональных регионов и организации наднационального уровня, принимающие участие в осуществлении асимметричных внешних связей упомянутых регионов. Путем типологизации, систематизации и анализа имеющихся данных и источников выделены следующие тенденции: касательно динамики самого процесса, во-первых, наблюдается углубление институционализации и развитие нормативной базы внешних связей субнациональных регионов, а во-вторых – расширение спектра тематик, по которым осуществляются данные связи. Относительно сопутствующих процессов, прежде всего, стоит отметить размывание различий между региональным и местными уровнями в вопросе осуществления внешних связей, с другой стороны, формируется единое административное поле внешних связей субнациональных регионов.

Результаты и их обсуждение

Углубление институционализации и развитие нормативной базы

Внешние связи субнациональных регионов унитарных стран активно развивались в условиях европейской интеграции. Первые примеры можно найти уже в середине XX в. (например, созданный в 1958 г. еврорегион на границе Германии и Нидерландов) [25]. При этом даже такой востребованный участниками и важный для решения их совместных проблем способ взаимодействия, как приграничное сотрудничество, долгое время не имел ни необходимой законодательной базы, ни разработанных типовых механизмов взаимодействия. Вместе с тем стихийная активизация внешних связей регионов (как симметричных, так и асимметричных), их встраивание в политическую архитектуру ЕС и рост роли субнациональных регионов в европейской интеграции в целом предсказуемо привели к развитию и углублению институционализации, а также к формированию и развитию необходимой нормативной базы. С одной стороны, в условиях европейской интеграции развиваются асимметричные связи (связи субнационального региона с акторами наднационального уровня), а с другой стороны – поиск ресурсов, инвестиций и необходимость реализации проектов стимулирует развитие симметричных связей. В итоге процесс углубления институционализации внешних связей субнациональных регионов и повышения их политической активности, а также проработки нормативной базы идет по нескольким направлениям.

Во-первых, регионы даже централизованных унитарных государств получают все больше прав и возможностей в рамках ЕС, чему способствует как внедрение принципа субсидиарности, планомерно закреплявшегося в договорах ЕС с 1992 по 2009 г., так и проводимая с 1994 г. деятельность по повышению значимости Комитета Регионов в процессе выработки и принятия решений в ЕС.

Во-вторых, регламентировались и институционализировались непосредственно сами способы осуществления внешних связей субнациональным уровнем. Во многом это связано с необходимостью установления общих правил ввиду различий в объеме полномочий у регионов разных государств, а также с учетом встраивания внешних связей субнациональных регионов в политическую архитектуру Европы. Основной объем правил формируется ЕС, но также в этом процессе заметно влияние Совета Европы. Например, один из самых распространённых и давних типов таких внешних связей – приграничное сотрудничество. Но несмотря на активное участие регионов в его осуществлении уже с середины XX в., его активная регламентация началась только в 1980-х г., во многом как реакция на сложности в реализации проектов. Основу в данной сфере во многом заложила Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудниче-

стве территориальных сообществ и властей[1], опираясь на которую европейские страны заключали межгосударственные соглашения (например, Конвенция о приграничном сотрудничестве между территориальными сообществами и властями Бенилюкса[2], Конвенция Бенилюкса о приграничном и международном сотрудничестве 2014[3], Байонский договор[4] и т. д.). Также сформировалась институциональная и правовая база, касающаяся программ сотрудничества регионов, инициированных и поощряемых ЕС, например, комплекс мер и документов касательно программы INTERREG[5] или европейским территориальным сообществам[6]. Параллельно с этим увеличивается количество примеров такого сотрудничества. В частности, за последние 30 лет практически ежегодно возникает по несколько новых еврорегионов[7], а в середине этого периода возросло число объединений субнациональных регионов (ассоциаций, организаций, сетей взаимодействия).

В-третьих, вклад в институционализацию и регламентацию вносят упомянутые объединения субнациональных регионов: они лоббируют интересы своих участников в евроинститутах и способствуют формированию и развитию соответствующих идей и норм. Например, распространена практика привлечения таких организаций в евроинституты для консультаций по профильным вопросам (Ассамблея европейских винодельческих регионов[8], Ассамблея европейских садоводческих регионов и регионов, производителей фруктов, овощей[9]), кроме того, организации наравне с рационалистическими партиями активно участвуют в формировании повестки и идейного поля (Ассамблея Европейских регионов, автор Декларации регионализма в Европе[10], принимала участие в создании Комитета регионов ЕС и Палаты регионов в Конгрессе местных и региональных властей

[1] Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей // Совет Европы. URL: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/106?module=treaty-detail&treatynum=106 (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Benelux Convention on Cross-Border Cooperation between Territorial Partnerships or Authorities 12.09.1986 // Портал правовой информации overheid.nl. URL: https://verdragenbank.overheid.nl/en/Treaty/Details/000360 (дата обращения: 20.03.2022).

[3] Convention Benelux de coopération transfrontalière et interterritoriale // Портал правовой информации Люксембурга. URL: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/02/14/a134/jo (дата обращения: 20.03.2022).

[4] Traité de Bayonne // Mission Opérationnelle Transfrontalière. URL: http://www.espaces-transfrontaliers.org/fileadmin/user_upload/documents/Documents_Territoires/Traitede Bayonne.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

[5] EUR-LEX. URL: https://eur-lex.europa.eu/search.html?scope=EURLEX&text=interreg&lang=en&type=quick&qid=1625923632190 (дата обращения: 20.03.2022).

[6] Règlement (CE) n o 1082/2006 du Parlement européen et du Conseil du 5 juillet 2006 relatif à un groupement européen de coopération territoriale (GECT) // Портал правовой информации ЕС. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/ALL/?uri=CELEX%3A32006R1082 (дата обращения: 20.03.2022).

[7] Euroregions, Excellence and Innovation across EU borders // A Catalogue of Good Practices. URL: https://ec.europa.eu/futurium/en/system/files/ged/recot_crii_catalogue_0.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

[8] Ассамблея европейских винодельческих регионов. URL: https://www.arev.org/a-propos-de-larev/ (дата обращения: 20.03.2022).

[9] Ассамблея европейских садоводческих регионов и регионов, производителей фруктов, овощей. URL: https://areflh.org/fr/qui-sommes-nous/missions (дата обращения: 20.03.2022).

[10] Ассоциация европейских регионов. URL: https://aer.eu/the-history-of-aer/ (дата обращения: 20.03.2022).

Совета Европы), также осуществляется обмен знаниями и практиками[1].

Таким образом, в ЕС наблюдается активная институционализация внешних связей субнациональных регионов, плотность контактов возрастает, нарабатывается нормативная база.

Расширение спектра тематик

Традиционно значимая роль во внешних связях субнациональных регионов отводится экономическим вопросам. В первую очередь экономические причины побуждали к созданию первых еврорегионов, а также к созданию и поддержанию межрегиональных связей. Во многом вопросам производства и реализации товаров определены создания целого ряда объединений регионов (например, Ассоциация регионов-производителей вина, Ассоциация регионов-производителей фруктов и овощей и т. д.). Существенными при развитии сотрудничества также были вопросы безработицы, социального обеспечения. Постепенно этот спектр дополнился культурой и образованием. Но чем больше вовлекаются субнациональные регионы в политический процесс в ЕС, тем шире становится круг тематик, обсуждаемых ими в рамках внешних связей. В итоге даже такие вопросы, как внешняя политика и безопасность, перестают быть исключительной прерогативой национального уровня. В первую очередь такие примеры можно найти в рамках многостороннего асимметричного и симметричного сотрудничества. Например, в рамках Комитета регионов действует комиссия CIVEX, координирующая его деятельность, в том числе по вопросам международных договоров, переговоров, борьбы с терроризмом[2].

Значительный импульс для расширения спектра тематик дал миграционный кризис в Европе. С одной стороны, представители субнационального уровня управления активно обсуждали удачные примеры борьбы с возникающими проблемами на местах, с другой – посредством коллективных заявлений и деятельности в различных организациях и институтах (например: Комитет регионов, Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, Ассамблея европейских регионов, Совет европейских муниципалитетов и регионов формулировали требования к национальному и наднациональному уровням касательно своих нужд и возникающих в связи с кризисом сложностей (от нехватки финансирования до вопросов безопасности). Например, Комитет регионов готовил свои рекомендации[3] к Европейской повестке по вопросам миграции, подготовленной Еврокомиссией в мае 2015 г. По линии объединений регионов был разработан проект «Интеграция городов», разработана соответствующая Хартия и предложен план мер[4], Советом европейских муниципалитетов и регионов подготовлена резолюция «Кризис беженцев: За общую европейскую политику предоставления убежища на всех уровнях го-

[1] См. например: Европейская неделя регионов и городов. URL: https://europa.eu/regions-and-cities/about/past-editions (дата обращения: 20.03.2022), Европейский саммит регионов и городов. URL: https://cor.europa.eu/en/summit2019/Pages/Programme.aspx (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Комиссия CIVEX. Комитет регионов. URL: https://cor.europa.eu/en/our-work/Pages/civex.aspx (дата обращения: 20.03.2022).

[3] Local and regional leaders welcome new EU Agenda on Migration // EUReporter. 2015. May 13. URL: https://www.eureporter.co/economy/2015/05/13/local-and-regional-leaders-welcome-new-eu-agenda-on-migration/ (дата обращения: 20.03.2022).

[4] EUROCITIES Charter on Integrating Cities. URL: http://integratingcities.eu/integrating-cities/charter (дата обращения: 20.03.2022).

сударственного управления»[1], в которой отмечается необходимость помощи регионам со стороны власти, а также призывы ко всем участникам к сплочению и поиску решения, отмечается потенциал и предпринятые регионами и местными властями усилия по решению кризиса. Позднее, уже в 2016 г. Комитет регионов провел тематическую конференцию «Интеграция мигрантов из третьих стран: роль местных и региональных властей», для того чтобы обеспечить взаимодействие регионов и еврочиновников, а также организовать обмен опытом между региональными властями[2]. Также развивает взаимодействие с регионами в данной области Еврокомиссия, в том числе предлагая целевое финансирование и реализуя различные проекты, например: «Городская академия по интеграции»[3], совместная инициатива Еврокомиссии и Швейцарским агентством по развитию и кооперации в сотрудничестве с UCLG и UN-Habitat «Средиземноморские города городам по миграции» (MC2CM)[4] и т. д. Кроме того, свое видение миграционного вопроса (существующие проблемы, потребности принимающей стороны и т. д.) представители субнационального уровня выразили и на уровне Совета европейских местных и региональных властей (то лица представителей местного и регионального самоуправления, представляющих 130 тысяч европейских местных и региональных властей и членов 55 национальных объединений), опубликовав Призыв к реальной общей европейской политике убежища[5].

Таким образом, тематика современных внешних связей субнациональных регионов в рамках ЕС стала значительно разнообразней. Дополнение спектра вопросов происходит как по инициативе самих регионов, т. е. «*снизу вверх*» (путем выражения озабоченности), так и директивно «*сверху вниз*», за счет привлечения регионов к обсуждению каких-либо вопросов на наднациональном уровне.

Размывание различий между региональным и местным уровнями в вопросе осуществления внешних связей

Как видно из предыдущего пункта, в осуществление внешних связей субнационального уровня активно вовлекается и местный уровень (самостоятельно или совместно с региональным уровнем). Данное явление также является важной особенностью процесса. В основе лежит несколько предпосылок. Во-первых, в некоторых странах-членах ЕС нет исторически сложившегося регионального уровня управления. В целях статистического учета и унификации форм управления он создается, но активно в таких странах не используется. Во многом по этой причине симметричные связи суб-

[1] Resolution of the Council of European Municipalities and Regions: Refugee crisis For a common European Asylum Policy at all levels of government. 07 December 2015. URL: http://www.ccre.org/img/uploads/piecesjointe/filename/CEMR_resolution_refugees_final_EN-0. (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Committee of the regions Agenda on 6 December 2016: "Integration of third countries migrants: role of local and regional authorities". URL: http://cor.europa.eu/en/events/documents/integration_agenda_6%20december.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

[3] Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions on the Delivery of the European Agenda on Migration. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1512557502832&uri=CELEX:52017DC0558 (дата обращения: 20.03.2022).

[4] Official web-site of the UnitedCities and Local Governments. URL: https://www.learning.uclg.org/mc2cm-project (дата обращения: 20.03.2022).

[5] CEMR Policy Committee Call for a real common European asylum policy. 20 April 2016. URL: http://www.ccre.org/img/uploads/piecesjointe/filename/CEMR_Call_for_a_real_common_european_asylum_policy_EN.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

национального уровня иногда складываются между регионом и муниципалитетом, а не между двумя регионами. Также муниципальный уровень участвует и в асимметричных связях (представительства городов (например, Рига[1], Прага[2], Лондон[3]) и ассоциаций муниципалитетов (например, в случае местных властей Кипра[4]) в Брюсселе).

Во-вторых, существенным стимулом для развития внешних связей служит наличие посольств иностранных государств, штаб-квартир международных организаций в конкретном городе. В таких условиях местные власти постепенно, но активно вовлекаются в процесс осуществления внешних связей. Кроме того, столицы зачастую обладают значительным экономическим потенциалом, а также институциональным и кадровым потенциалом. В этой связи столичные и крупные города также вовлекаются в работу объединения (например, организация Еврогорода[5]).

В-третьих, муниципальный уровень наиболее отвечает потребностям декларируемого в ЕС стремления вовлекать население в процесс принятия решений. Таким образом, обозначая важность данного уровня для учета мнения населения, представители данных властей вовлекаются в различные объединения (либо на уровне исключительно местных властей – Сеть взаимодействия европейских муниципалитетов[6], либо совместно с региональными – Сеть сотрудничества метропольных регионов и районов Метрекс[7], Совет Европейских регионов и муниципалитетов).

В результате муниципальный (местный) уровень все более и более вовлекается в процесс принятия решений и поощряется его участие в осуществлении внешних связей.

Формирование единого административного поля внешних связей субнациональных регионов

Под влиянием интеграционных процессов в Европе внешние связи субнациональных регионов стали важным элементом политической архитектуры ЕС, а участие регионов унитарных стран – неотъемлемой частью. В результате систематизации и институционализации внешних связей субнационального уровня в ЕС формируется единое административное поле, поскольку наблюдается не только общность повестки, но и совместная деятельность (и самостоятельно регионами, и коллективно – по линии их объединений), обмен опытом, а кроме того, единство кадрового поля для специалистов (в первую очередь чиновников и экспертов), занимающихся связанными с субнациональным уровнем вопросами. Таким образом, такие специалисты, продвигаясь по карьерной лестнице, распространяют и утверждают идеи развития субнационального уровня и его вовлечения в процесс принятия решений (что в ЕС неизбежно сопряжено с осуществлением внешних связей). Вследствие усвоения таких идей аппарат, обеспечивающий внешние связи субнациональных ре-

[1] Представительство Риги в Брюсселе. URL: https://www.riga.lv/en/representation-rigas-interests-brussels (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Представительство Праги в Брюсселе. URL: https://www.praha.eu/jnp/en/about_prague/city_administration/city_hall/foreign_activities/prague_house_in_brussels.html (дата обращения: 20.03.2022).

[3] Представительство Лондона в Брюсселе. URL: https://www.cityoflondon.gov.uk/supporting-businesses/global-programme/brussels (дата обращения: 20.03.2022).

[4] Объединение муниципалитетов Кипра. URL: http://ucm.org.cy/en/international-relations/ (дата обращения: 20.03.2022).

[5] Еврогорода. URL: https://eurocities.eu/ (дата обращения: 20.03.2022).

[6] European Municipalities Network. URL: https://municipalitiesnet.eu/index.php/en/ (дата обращения: 20.03.2022).

[7] Network of European Metropolitan Regions and Areas. URL: https://www.eurometrex.org/activities/network-groups/nordic-baltic-network/ (дата обращения: 20.03.2022).

гионов, расширяется, что требует притока кадров (включая их переобучение и обмен опытом), и далее поддерживает идею важности участия субнационального уровня в принятии решений в ЕС.

Несмотря на очевидное преимущество в осуществлении внешних связей для регионов федеративных государств представители регионов унитарных стран также активны на этом поприще. Например, если проанализировать информацию с сайтов Комитета регионов, Ассоциации европейских регионов и Ассоциации приграничных регионов[1], можно заметить, что 8 президентов Комитета регионов были из унитарных стран (7 – из федераций), Ассоциацию Европейских регионов кратно чаще возглавляют уроженцы унитарных стран (7 против 2), та же динамика среди президентов Конгресса Местных и региональных властей Совета Европы (9 против 3). Частично это можно объяснить тем фактом, что унитарных стран количественно больше, чем федеративных, но не стоит забывать о возможностях, которые подобная практика открывает для политиков унитарных стран. В любом случае, вне зависимости от своего гражданства чиновники, эксперты и политики, включенные в данную деятельность, плотно общаются между собой и строят карьеру в сфере политической активности субнационального уровня. Во-первых, они могут привносить и развивать идеи, как например А. Мозер, один из основоположников приграничного сотрудничества в Европе. Именно он как глава кабинета вице-президента Европейской комиссии занимался созданием первого еврорегиона. Он же внес существенный вклад в концептуализацию приграничного сотрудничества как первый президент Ассоциации европейских приграничных регионов (участвовал в организации первых Европейских конференций приграничных регионов 1972 и 1975 гг., а также разработке Мадридской рамочной конвенции 1980 г.[2]). Во-вторых, специалист может целенаправленно строить карьеру в одной из структур. Например, М. Марккула (Финляндия) с 2010 г. является членом Комитета регионов и прошел путь до первого вице-президента Комитета[3]. В-третьих, во время построения карьеры специалисты могут менять организации, а подобная миграция способствует развитию неформальных каналов, а также формирует общее поле контактов. Например, Р. Л. Валькарсель[4] (Мурсия, Испания): 1999–2001 – председатель Межсредиземноморской комиссии, 2002 – вице-президент Политического бюро Конференции периферийных и морских регионов Европы, а также член Комиссии по территориальной сплоченности (COTER), 2003 – член делегации Комитета в Европейской конвенции, в чьи задачи входила подготовка Конституционного соглашения ЕС, 2004–2006 – председатель Комиссии по внешним связям Комитета регионов, 2006 – член Комиссии по устойчивому развитию (DEVE), 2012–2014 – Президент Комитета регионов, 2014 – депутат Европарламента. В

[1] См. например: Руководство АЕР / Ассоциация Европейских регионов. URL: https://aer.eu/governance-structure/the-executive-board/; История Ассоциации приграничных регионов / Ассоциация приграничных регионов. URL: https://www.aebr.eu/history (дата обращения: 20.03.2022); Президент Комитета регионов / Комитет регионов ЕС. URL: https://cor.europa.eu/en/about/president/Pages/president.aspx (дата обращения: 20.03.2022).

[2] История Ассоциации приграничных регионов / Ассоциация приграничных регионов. URL: https://www.aebr.eu/history/ (дата обращения: 20.03.2022).

[3] Марку Марккула / Европейская Комиссия. URL: https://ec.europa.eu/research-and-innovation/en/events/upcoming-events/research-innovation-days/speakers/markku-markkula (дата обращения: 20.03.2022).

[4] История / Европарламент. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/125032/RAMON+LUIS_VALCARCEL+SISO/history/8 (дата обращения: 20.03.2022).

целом специалисты, имеющие опыт работы в евроинститутах, часто вовлекаются в работу различных организаций, например евродепутаты и крупные еврочиновники (Европейская Комиссия, Совет Европы) были президентами Ассоциации приграничных регионов[1].

Кроме того, наблюдается взаимодействие различных организаций по вопросам вовлечения субнационального уровня в процесс выработки и принятия решений на наднациональном, а также развития собственно внешних связей (в частности, приграничного сотрудничества). Например, Комитет регионов тесно сотрудничает с Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы, соответствующие документы подписаны в 2005 и 2009 гг., кроме того, есть меморандум от 2007 г. между ЕС и Советом Европы; организуются ежегодные встречи Президента Комитета и высшего руководства Конгресса, Конгресс привлекает членов Комитета к участию в наблюдательных миссиях на местных выборах и для участия в консультативных встречах[2]. Другой пример – Ассамблея европейских регионов, которая активно сотрудничает с органами и организациями в Европе: является наблюдателем при Конгрессе с 1994 г., а согласно заявлению ее Президента Р. Иллии (в 2007 г.), внесла вклад в формирование Конгресса в его современном виде.

Еще одним важным элементом является общность повестки. Ее формированию способствуют различные мероприятия, проводимые в ЕС для регионов и посвященные регионам. В таких мероприятиях участвуют как представители региональных властей, так и представители их брюссельских офисов, различных объединений и ассоциаций регионов, еврорегионов и т. д. В качестве самых масштабных примеров таких мероприятий можно привести Неделю городов и регионов и Саммит регионов. Организаторами мероприятий традиционно становятся евроинституты, в первую очередь Комитет регионов. Партнерами выступают активные объединения регионов, например Ассоциация европейских регионов. К участию привлекаются не только региональные и местные власти, но и представители общественности, предприятий, а также университетов и исследовательских групп. В результате систематической реализации таких мероприятий, с одной стороны, развиваются связи между субнациональными регионами, а также механизмы их сетевого взаимодействия, что способствует обмену опытом и формированию единой повестки; с другой стороны, появляется информационное поле, посвященное деятельности субнационального уровня, его вовлеченности в процесс принятия решений в ЕС, в интеграцию, что способствует созданию имиджа этого уровня у граждан как неотъемлемого элемента европейской политической архитектуры.

Таким образом, за прошедшие десятилетия в рамках ЕС было сформировано единое административное поле внешних связей субнационального уровня, активными участниками которого являются регионы унитарных стран. Кроме того, в настоящий момент развитие и углубление внешних связей субнационального уровня является результатом их же реализации.

Выводы

В настоящий момент комплекс внешних связей субнациональных регионов унитарных стран в ЕС развивается динамично. Продолжительность и поступательность этого развития позволяет выделить ряд закономерностей, характеризующих как непосредственно сам про-

[1] История Ассоциации приграничных регионов / Ассоциация приграничных регионов. URL: http://www.aebr.eu/en/profile/history.php (дата обращения: 20.03.2022).

[2] Сотрудничество / Совет Европы. URL: http://www.coe.int/t/congress/Activities/partnerships/default_en.asp?mytabsmenu=3 (дата обращения: 20.03.2022).

цесс, так и сопутствующие явления. В первую очередь нужно отметить углубление институционализации и развитие нормативной базы, что повышает возможности регионов унитарных стран в рамках ЕС к участию в процессе. Во-вторых, активное вовлечение в ЕС в процесс принятия решений субнационального уровня привело к расширению спектра тематик, которые рассматриваются участниками в ходе реализации внешних связей регионами унитарных стран в рамках ЕС. В-третьих, вовлечение субнационального уровня в политический процесс и унитарный характер большинства государств в рамках ЕС приводят к вовлечению не только регионального, но и муниципального уровня и поощрения осуществления ими внешних связей. При этом часто и региональный, и муниципальный уровни привлекаются к совместной работе. В-четвертых, в результате разрастания административного аппарата, связанного с участием субнационального уровня в политическом процессе интеграционного образования (в первую очередь, осуществлением им внешних связей), появления значительного числа профильных специалистов и создания общей повестки и информационного пространства, было сформировано общее административное поле внешних связей субнационального уровня. Таким образом, внешние связи регионов унитарных стран в рамках ЕС из инструмента, призванного решать конкретные задачи, превратились в элемент политической архитектуры ЕС, процесс, который вносит значительный вклад в собственную поддержку и укрепление.

Список литературы

1. Артеев С. П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2017. Т. 419. С. 93–98.

2. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Парадипломатия как категория политической науки: теоретико-методологические подходы и научные школы // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. Т. 1. С. 158–166.

3. Лошкарев И. Д. Внешние связи регионов: основные проблемы теории парадипломатии // Право и управление XXI век. 2018. № 3 (48). С. 99–106.

4. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Определение парадипломатии в российском и зарубежном политическом дискурсе. Вопросы управления. 2018. № 2 (32). С. 14–20.

5. Еремина Н. В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 42–51.

6. Борисова Н. В. Маркеры политической субъектности регионов стран Европы в контексте многоуровневого управления // Ars Administrandi. Искусство управления. 2020. Т. 12, № 4. С. 541–555.

7. Полулях Д. С. Эволюция системы многоуровневого управления в Европейском союзе // Политическая наука. 2014. № 2. С. 259–275.

8. Костыгова Л. А. Европейский опыт модернизации промышленности на основе межрегионального сотрудничества // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 4. С. 37.

9. Зарубина Л. А., Кудряшова Е. В. Программы приграничного сотрудничества как ресурс социально-экономического развития Баренцева региона (на примере программы «Коларктик») // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 85–97.

10. Хахалкина Е. В. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности // Современная Европа. 2020. № 5 (98). С. 204–213.

11. Bursens P., Deforche J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences // The Hague Journal of Diplomacy. 2010. Vol. 5 (1-2). P. 151–171. https://doi.org/10.1163/1871191x-05010107.

12. Tatham M. Paradiplomats against the State: explaining conflict in state and substate interest representation in Brussels // Comparative Political Studies. 2013. Vol. 46 (1). P. 63–94.

13. Cornago N. Paradiplomacy and protodiplomacy / Gordon Martel (ed.). Encyclopedia of Diplomacy. Oxford: Blackwell-Wiley, 2018. P. 1–8. https://doi.org/10.1002/9781118885154.dipl0211.

14. Hunt J., Minto R. Between intergovernmental relations and paradiplomacy: Wales and the Brexit of the regions // The British Journal of Politics and International Relations. 2017. Vol. 19(4). P. 647–662.

15. Jackson T. Paradiplomacy and political geography: The geopolitics of substate regional diplomacy // Geography Compass. 2017. Vol. 12 (2). P. e12357. https://doi.org/10.1111/gec3.12357.

16. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions // International Negotiation. 2002. Vol. 7 (1). P. 91–114.

17. Martínez-Sáez J., Chavez M., Almerich S. Traits and patterns of paradiplomacy to legitimise Catalonia independence: the case of diplocat // Diplomacy, organisations and citizens / S. P. Sebastião, S. C. Spínola, eds. Cham: Springer, 2021. P. 177–198. https://doi.org/10.1007/978-3-030-81877-7_11.

18. Fricke C. The Europeanization of metropolitan regions from below: Comparing the European engagement of two archetypical metropolises // European Urban and Regional Studies. 2021. Vol. 28 (3). P. 316–329.

19. Tatham M. Paradiplomats against the state: explaining conflict in state and substance interest representation in Brussels // Comparative Political Studies. 2012. Vol. 46 (1). P. 63–94.

20. Loughlin J., Antunes S. State rescaling and a ‘Europe of the Regions’ in small unitary states: A damp squib? // Regional & Federal Studies. 2020. Vol. 30 (2). P. 303–321. https://doi.org/10.1080/13597566.2019.1590821.

21. Callanan M., Tatham M. Territorial interest representation in the European Union: actors, objectives and strategies // Journal of European Public Policy. 2014. Vol. 21 (2). P. 188–210. https://doi.org/10.1080/13501763.2013.829579.

22. Keating M. A quarter of century of the Europe of the regions // Regional and Federal Studies. 2008. Vol. 18 (5). P. 629–635. https://doi.org/10.1080/13597560802351630.

23. De Bruycker I., Beyers J. Lobbying strategies and success: Inside and outside lobbying in European Union legislative politics // European Political Science Review. 2019. Vol. 11 (1). P. 57–74.

24. Donas T., Beyers J. How regions assemble in Brussels: the organizational form of territorial representation in the European Union // Publius. 2013. Vol. 43 (4). P. 527–550.

25. Wassenberg B., Reitel B. Territorial cooperation in Europe. A historical perspective. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. https://doi.org/10.2776/374386

References

1. Arteev S. P. Teoreticheskie aspekty deyatel'nosti subgosudarstvennykh aktorov mezhdunarodnykh otnoshenii [Theoretical aspects of the activities of non-state actors in international relations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2017, vol. 419, pp. 93–98.

2. Blagodatskih V. G., Kerimov A. A. Paradiplomatiya kak kategoriya politicheskoi nauki: teoretiko-metodologicheskie podkhody i nauchnye shkoly [Paradiplomacy as a category of polit-

ical science: theoretical and methodological approaches and scientific schools]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*, 2018, vol. 1, pp. 158–166.

3. Loshkarev I. D. Vneshnie svyazi regionov: osnovnye problemy teorii paradiplomatii [External relations of regions: the main problems of the theory of paradiplomacy]. *Pravo i upravlenie XXI vek = Law and management of the XXI century*, 2018, vol. 3 (48), pp. 99–106.

4. Mihajlenko E. B., Verbiczkaya T. V. Opredelenie paradiplomatii v rossiiskom i zarubezhnom politicheskom diskurse [Definition of paradiplomacy in Russian and foreign political discourse]. *Voprosy upravleniya = Management issues*, 2018, no. 2 (32), pp. 14–20.

5. Eremina N. V. Paradiplomatiya: novyi golos regionov v sovremennom diplomaticheskom kontserte? [Paradiplomacy: a new voice of the regions in the modern diplomatic concert?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World economy and international relations*, 2012, no. 6, pp. 42–51.

6. Borisova N. V. Markery politicheskoi sub"ektnosti regionov stran Evropy v kontekste mnogourovnevogo upravleniya [Markers of political subjectivity of European regions in the context of multilevel governance]. *Iskusstvo upravleniya = Ars Administrandi*, 2020, vol. 12, no. 4, pp. 541–555.

7. Polulyax D. S. Evolyutsiya sistemy mnogourovnevogo upravleniya v Evropeiskom soyuze [Evolution of the multilevel gouvernment system in the European Union]. *Politicheskaya nauka = Political science*, 2014, no. 2, pp. 259–275.

8. Kostygova L. A. Evropeiskii opyt modernizatsii promyshlennosti na osnove mezhregional'nogo sotrudnichestva [European experience of industrial modernization based on interregional cooperation]. *Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science*, 2019, vol. 11, no. 4, p. 34.

9. Zarubina L. A., Kudryashova E. V. Programmy prigranichnogo sotrudnichestva kak resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Barentseva regiona (na primere programmy "Kolarktik") [Cross-border cooperation programs as a resource for the socio-economic development of the Barents region (on the example of the "Kolarctic" program)]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2019, no. 4 (90), pp. 85–97.

10. Hahalkina E. V. ES v sovremennom mire: problemy regional'noi politiki i vneshnepoliticheskoi identichnosti [The EU in the modern world: problems of regional policy and foreign policy identity]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2020, no. 5 (98), pp. 204–213.

11. Bursens P., Deforche, J. Going Beyond Paradiplomacy? Adding Historical Institutionalism to Account for Regional Foreign Policy Competences. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2010, vol. 5 (1-2), pp. 151–171. https://doi.org/10.1163/1871191x-05010107.

12. Tatham M. Paradiplomats against the state: explaining conflict in state and substate interest representation in brussels. *Comparative Political Studies*, 2013, vol. 46 (1), pp. 63–94.

13. Cornago N. Paradiplomacy and protodiplomacy. Encyclopedia of Diplomacy; Gordon Martel (ed.). Oxford, Blackwell-Wiley, 2018, pp. 1–8. https://doi.org/10.1002/9781118885154.dipl0211.

14. Hunt J., Minto R. Between intergovernmental relations and paradiplomacy: Wales and the Brexit of the regions. *The British Journal of Politics and International Relations*, 2017, vol. 19 (4), pp. 647–662.

15. Jackson T. Paradiplomacy and political geography: The geopolitics of substate regional diplomacy. *Geography Compass*, 2017, vol. 12 (2), pp. e12357. https://doi.org/10.1111/gec3.12357.

16. Lecours A. Paradiplomacy: reflections on the foreign policy and international relations of regions. *International Negotiation*, 2002, vol. 7 (1), pp. 91–114.

17. Martínez-Sáez J., Chavez M., Almerich S. Traits and patterns of paradiplomacy to legitimise Catalonia independence: The case of diplocat. Diplomacy, Organisations and Citizens. Cham, Springer, 2021, pp. 177–198. https://doi.org/ 10.1007/978-3-030-81877-7_11

18. Fricke C. The Europeanization of metropolitan regions from below: Comparing the European engagement of two archetypical metropolises. European Urban and Regional Studies, 2021, vol. 28 (3), pp. 316–329.

19. Tatham M. Paradiplomats against the state: explaining conflict in state and substance interest representation in Brussels. *Comparative Political Studies*, 2012, vol. 46 (1), pp. 63–94.

20. Loughlin J., Antunes S. State rescaling and a 'Europe of the Regions' in small unitary states: A damp squib? *Regional & Federal Studies*, 2020, vol. 30(2), pp. 303–321. https://doi.org/10.1080/13597566.2019.1590821

21. Callanan M., Tatham M. Territorial interest representation in the European Union: actors, objectives and strategies. *Journal of European Public Policy*, 2014, vol. 21 (2), pp. 188–210. https://doi.org/10.1080/13501763.2013.829579

22. Keating M. A quarter of century of the Europe of the regions. *Regional and Federal Studies*, 2008, vol. 18 (5), pp. 629–635. https://doi.org/10.1080/13597560802351630.

23. De Bruycker I., Beyers J. Lobbying strategies and success: Inside and outside lobbying in European Union legislative politics. *European Political Science Review*, 2019, vol. 11 (1), pp. 57–74.

24. Donas T., Beyers J. How regions assemble in Brussels: the organizational form of territorial representation in the European Union. *Publius*, 2013, vol. 43(4), pp. 527–550.

25. Wassenberg B., Reitel B. Territorial cooperation in Europe. A historical perspective. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2015. https://doi.org/10.2776/374386

Информация об авторе / Information about the Author

Поваляшко Екатерина Сергеевна, ведущий специалист отдела развития международного сотрудничества, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: epovalyashko@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3377-2272

Ekaterina S. Povalyashko, International Cooperation Office Staff, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: epovalyashko@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3377-2272

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-167-176

CC BY 4.0

Петр Иванович Поляков – основатель трезвенного движения в России в конце XIX – начале XX века

Н. Е. Горюшкина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Борьба за трезвость является на сегодняшний день одной из важных общественных задач, которая актуализирует опыт трезвенного движения в России конца XIX – начала XX века в целом и жизнедеятельность лиц, его представляющих, в частности.*

Цель *– осветить жизнь и деятельность Петра Ивановича Полякова в качестве лидера трезвенного движения рубежа XIX – XX веков.*

Задачи*, вытекающие из поставленной цели, состоят в том, чтобы: объяснить мотивы, побудившие сельского учителя к занятиям трезвостью; раскрыть содержание работы «Христианского общества трезвости и воздержания»; проследить путь Полякова к священству.*

Методология. *Работа базируется на принципах историзма, системности и научной объективности. Для решения отдельных задач были использованы историко-ситуационный, антропологический и статистический методы.*

Результаты. *В середине 1880-х годов молодой учитель из курской глубинки, руководствуясь своими нравственными устоями и стремлением изменить «пьяную среду», в которой существовали его ученики, выступил организатором «Христианского общества трезвости и воздержания». Будучи одной из первых трезвенных организаций, «Христианское общество трезвости и воздержания» разработало самые разнообразные методы борьбы за трезвость, начиная от индивидуальных антиалкогольных бесед и заканчивая массовым выпуском антиалкогольных изданий. Они стали примером для трезвенных организаций всей России. В столице Петр Иванович был рукоположен в священство и расширил просветительскую, образовательную, издательскую деятельность по продвижению трезвенных идей.*

Вывод. *Вклад Петра Ивановича Полякова в дело трезвости был велик, что позволяет его назвать одним из основателей трезвенного движения в России на рубеже XIX – XX веков.*

Ключевые слова: *трезвость; пьянство; трезвенное движение; общество трезвости; Христианское общество трезвости и воздержания.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Петр Иванович Поляков – основатель трезвенного движения в России в конце XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 167–176. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-167-176.

Поступила в редакцию 24.04.2022 Принята к публикации 25.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Горюшкина Н. Е., 2022

Pyotr Ivanovich Polyakov Was the Founder of the Sober Movement in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries

Natalia E. Goryushkina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The struggle for sobriety is today one of the important social tasks that actualizes the experience of the sober movement in Russia of the late XIX – early XX centuries in general and the vital activity of its representatives in particular.*

The purpose *is to highlight the life and work of Pyotr Ivanovich Polyakov as a leader of the sober movement of the turn of the XIX – XX centuries.*

The objectives *arising from this goal are: to explain the motives that prompted the village teacher to practice sobriety; to reveal the content of the work of the "Christian Society of Sobriety and Abstinence"; to trace Polyakov's path to the priesthood.*

Methodology. *The work is based on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. Historical-situational, anthropological and statistical methods were used to solve individual problems.*

Results. *In the mid-1880s, a young teacher from the Kursk hinterland, guided by his moral principles and the desire to change the "drunken environment" in which his students existed, organized the "Christian Society of Sobriety and Abstinence". Being one of the first sober organizations, the Christian Society for Sobriety and Abstinence has developed a wide variety of methods of fighting for sobriety, ranging from individual anti-alcohol conversations and ending with the mass release of anti-alcohol publications. They have become an example for sober organizations throughout Russia. In the capital, Peter Ivanovich was ordained to the priesthood and expanded his educational, educational, and publishing activities to promote sober ideas.*

Conclusion. *Peter Ivanovich Polyakov's contribution to the cause of sobriety was great, which allows him to be called one of the founders of the sober movement in Russia at the turn of the XIX – XX centuries.*

Keywords: *sobriety, drunkenness; sober movement; sobriety society; Christian Society of Sobriety and Abstinence.*

Funding: *Research within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Goryushkina N. E. Pyotr Ivanovich Polyakov Was the Founder of the Sober Movement in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 167–176. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-167-176.

Received 24.04.2022 Accepted 25.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

В последние годы государство серьезно озаботилось проблемой отрезвления народа. Все больше сторонников находит мысль о необходимости объединения усилий государственных органов, православной церкви и общества в распространении трезвого образа жизни, о значимости использования исторического опыта «отрезвления» России.

Сегодня имя Петра Ивановича Полякова почти неизвестно, его трезвенное наследие остается не освоенным. Это серьезный историографический пробел, учитывая, что в 1880–1910-е гг. Поляков выступал одним из лидеров движения за трезвость, а созданное им «Христианское общество трезвости и воздержания» – флагманом для трезвенников всей России.

Раскрытию побудительных мотивов к занятию учителя из курской глубинки трезвостью, объяснению его пути от учительства к священству, содержания работы первого в Курской области общества трезвости посвящена данная статья.

Методология

Основанием для статьи выступили материалы о «Христианском обществе трезвости и воздержания», обнаруженные в Государственном архиве Курской области. Побудительные мотивы к занятию трезвостью прояснили книги, написанные Поляковым. При подготовке статьи были использованы дореволюционные публикации, где обобщалась работа разных обществ трезвости, приведены отзывы современников.

При решении исследовательских задач применены принципы историзма, системности и научной объективности: первый обусловил рассмотрение жизнедеятельности Полякова в контексте эпохи активизации борьбы с пьянством; второй позволил посмотреть на «Христианское общество трезвости и воздержания» как на систему; третий потребовал беспристрастности при оценке вклада учителя из курской глубинки в становление трезвенного движения в России на рубеже XIX–XX вв. Были использованы: историко-ситуационный метод, с помощью которого установлены мотивы занятия трезвостью, антропологический – оценены мировоззренческие установки Полякова, статистический – продемонстрированы количественные показатели его работы.

Результаты и их обсуждение

Необходимо отметить, что трезвенное движение на рубеже XIX–XX вв. рассматривалось в историографии довольно подробно. В одних работах предметом исследования выступали факторы, вызвавшие вторую волну трезвенного движения в разных регионах России [1; 2; 3], в других – виды деятельности трезвенников [4; 5; 6], в третьих – вклад конкретных лиц в становление и развитие трезвенного движения [7; 8; 9].

При этом место Полякова в движении за трезвость до сих пор не определено, жизнедеятельность описана отрывочно. Если о «петербургском периоде» более-менее известно, то о побудительных мотивах к организации «Христианского общества трезвости и воздержания» в Курской губернии известно мало. Отсутствует научная оценка содержания работы «Христианского общества трезвости и воздержания», нет объяснений пути Полякова от учительства к священству. Данная статья призвана, хотя бы отчасти, устранить обозначенные пробелы.

Сведений о жизни Петра Ивановича Полякова до его приезда в Головчино в Государственном архиве Курской области пока не обнаружено. О первых шагах в учительстве мы узнаем по прочтенному в 1899 г. докладу Комиссии по вопросу об алкоголизме на тему «Православное духовенство в борьбе с народным пьянством». «15 лет назад, – рассказывал Поляков, – я поступил учителем в одно село» [10, с. 3]. Оно называлось Головчино (от фамилии первого владельца Г. И. Головкина. – Н. Г.) и располагалось «в 13 верстах, по дороге от Борисовки в Грайворон, также на Ворскле» [11, л. 6].

Учениками Полякова стали около 100 крестьянских детей разных возрастов. Чем ближе знакомился молодой учитель с их бытом, тем безрадостней виделась окружавшая учеников действительность. Нищета, пьянство, «разгул с буйством, ругательствами и всякими безобразиями» были неотъемлемой частью жизни села, «чему сильно способствовал местный сахарный завод и феноменальные кабацкие способности некоторых виноторговцев, положительно царствовавших в уезде и не знавших пределов своей незаконной власти» [10, с. 3].

Родители многих учеников ни дня не обходились без водки. Пили, когда встречались и когда прощались. Пили, когда голодны, чтобы заглушить голод, и когда сыты, чтобы возбудить аппетит. Пили, когда холодно, чтобы согреться, и когда жарко, чтобы освежиться. Пили,

когда хотели спать, чтобы не заснуть, и когда спать не хотели, чтобы заснуть. Пили с горя и с радости. Пили на крестинах и на похоронах. Местное духовенство относилось к пьянству прихожан снисходительно. Некоторые священнослужители и сами были не свободны от порока [11, л. 6 об.].

С каждым днем Петр Иванович утверждался в мысли, что его ученики достойны другой, свободной от алкоголя жизни. Но ни настоятельные беседы, ни доказательные примеры «вредности винопития» не меняли положения дел. Научить нравственности было невозможно, нравственности можно было только научиться. Выходом из сложившегося положения дел виделось объединение «трезвых сил», которые могли бы выступить образцом поведения и для детей, и для родителей. Двигаясь к цели, энергичный учитель сумел собрать вокруг себя кружок трезвенников, получивший название «Христианское общество трезвости и воздержания». Шаги по отрезвлению народа были сделаны Поляковым еще, вероятно, в первый год его учительства, но официальным днем открытия «Христианского общества трезвости и воздержания» названо 29 октября 1891 г. [12, с. 16]

Вместе с Поляковым учредителями общества выступили И. М. Титов, В. Д. Володкин и М. П. Полякова. Не навязывая, не подталкивая, никого не принуждая, трезвенники звали в свои ряды всех, кто жаждал жизни, свободной от каждодневных попоек, кому была нужна поддержка, всех, кто мог поделиться собственным «трезвым опытом» и готов был протянуть руку помощи нуждающимся. Желанными членами общества трезвости стали крестьяне, жившие «в пьяной среде, ибо последние более всего нуждались в проповеди трезвости и воздержания» [11, л. 2 об. – 3].

«Христианское общество трезвости и воздержания» имело Устав и Программу [13, с. 477]. Их Петр Иванович написал собственноручно. Параграф 2-й Устава предлагал вести борьбу против пьянства и всякой невоздержанности «неуклонно до последней возможности всеми христиански благородными и гуманными способами и средствами». Члены общества трезвости носили значок с надписью «на пользу и благо человечества» и платили небольшой взнос (50 коп. в год) [12, с. 16].

Согласно Уставу, члены общества делились на «агентов»-учредителей, благотворителей и «трезвенников». Во главе общества встал Совет, избиравшийся сроком на 3 года. В первый состав Совета входили учредители общества и трезвенники – Т. Г. Яцеленко, Б. Ф. Витохин, П.И. Иванченко, М. С. Коваленко [12, с. 16].

К началу 1893 г. «Христианское общество трезвости и воздержания» насчитывало уже 103 человека. К трезвенникам присоединились местный старшина, урядник, председатель волостного суда, фельдшер, писарь, два старосты, два земских начальника из Головчина и окрестностей – Борисовки, Стригунов, Батеницы, Грайворона [12, с. 16].

Владельцы местного винокуренного завода и действовавших в округе питейных заведений выказывали неприязнь к трезвенному движению. Они обзывали трезвенников «помешанными», сыпали в их адрес угрозы, распускали об активистах самые невероятные слухи. Дескать, дело, ими затеянное, незаконно и придумано, чтобы народ «объегорить» и «гривенник в свой карман положить». Да и крестьяне к обществу трезвости относились с недоверием, шептались между собой. Одни говорили: это дело лукавое, другие – это против казны, третьи – это даже против церковных уставов. Так большинством и «порешили, что трезвое общество – дело ничего не стоящее». Без алкоголя не мыслили крестьяне ни свадьбы, ни похорон, ни проводов в армию, ни престольных праздников, ни общественных работ. Призывы к отказу от алкоголя отторгались ими «на корню» [14, л. 7].

Нередко казалось, что все попытки отрезвить народ напрасны. Равнодушие и враждебность «встречали проповедники трезвости со стороны селян. «Этот труд, – признавал Пётр Иванович, – был

нам столь несносно тяжёл и не под силу, что нами не раз овладевало отчаяние» [10, с. 4].

Понимая, что простолюдина в питейное заведение тянул не только алкоголь, но и потребность в общении, Поляков выступил за открытие в Грайворонском уезде 3-х чайных и дома трезвости с чайной-столовой, библиотекой-читальней с «всякими могущими обогатить ум человека препаратами и предметами искусства». Дом трезвости и чайные функционировали с раннего утра (с 5 часов) до позднего вечера (до 23 часов). Там было чисто и уютно. Члены общества следили за порядком. Посетители могли выпить чай («порция» стоила 2 коп., с 3 кусками сахара – 4 коп.). Кроме чая, подавались два-три очень простых горячих блюда и хлеб. Можно было заняться чтением книг или периодических изданий, просмотром световых картин волшебного фонаря. За четыре года дом трезвости и чайные посетило около 200 тыс. человек. Доход общества трезвости в 1893 г. составил 450 руб. 94 коп., расход – 439 руб. 97 коп; выдано было 600 «даровых порций чая бедным» [12, с. 16].

Чтения, поучения, увещевания – все это не прошло даром. Желая распространить антиалкогольные идеи, Петр Иванович с агентами взялись за выпуск трезвенных листков под общим названием «В защиту трезвости и света» (12 выпусков). Они на простых примерах доказывали понятную каждому трезвеннику истину: «Пьянство – зло, от которого ежедневно гибнут сотни и даже тысячи разумных существ; человечество «психически и физически вырождается, мельчает, тупеет и погружается в зоологическую невменяемость». «Христианское общество трезвости и воздержания» издавало брошюры «Трезвое слово», «Что такое Общество Трезвости», «Вино и здоровье», «В защиту трезвости и света». За четыре года в народе было распространено свыше 40 тыс. экземпляров «книжек и листков просветительного и назидательного содержания» [13, с. 479].

В 1887 г. Поляков опубликовал в журнале «Русский начальный учитель» призыв об учреждении первого всероссийского общества трезвости с названием «Христианский Союз против пьянства». Его идея получила широкое обсуждение и в 1891 г. была реализована [10, с. 22].

О деятельности подвижника узнал лидер православного трезвенного движения Иоанн Сергиев (Кронштадтский). Желая поддержать трезвенный порыв в курской глубинке, он прислал в адрес «Христианского общества трезвости и воздержания» архипастырское благословение и значительное денежное пособие.

Поляков был убежден, что общество трезвости должно поддерживать наиболее нуждавшихся своих членов и материально. Несмотря на ограниченность средств «Христианское общество трезвости и воздержания» «пристроило» к полезным занятиям 5 сирот, оставшихся от родителей-пьяниц, отпускало им стипендии на воспитание и обучение [15, с. 240].

Руководимые Поляковым трезвенники каждое воскресенье устраивали народные чтения в Головчине и ходатайствовали об открытии таковых в других 15 «пунктах» уезда, организовывали народные увеселительные собрания, спектакли, общественные увеселительные собрания и спектакли, рождественские детские елки и т. п. [15, с. 240].

Невероятные усилия Полякова и объединенных им поборников трезвости не прошли даром. Прошел год, другой, и картины пьянства «с буйством, ругательствами и всякими безобразиями» в Головчино стали редкими. Горьких пьяниц, которых раньше было сотни, осталось 2–3, «да и те прячутся от взоров человеческих» [10, с. 5].

Женщины и дети стали отмечать перемены в поведении глав семейств после появления в Головчино общества трезвости. «Бывало, по неделе без хлеба сидим, едим один картофель, – говорили они, – хозяин у кабака, и не видим его целую неделю, и ночует там, а теперь он дома – дров навожено, хлеб обмолочен, каждый день блины едим» [13, с. 480].

16 августа 1894 г. стал особым днем в жизни Полякова. В день перенесения Нерукотворного образа Спасителя, который трезвенники почитали как праздник трезвости и воздержания, храм Преображения Господня в Головчино не мог вместить всех прихожан. В «увещательной речи» отца Владимира (Наумова) в который раз был «сильно осужден порок винопития, отнимающий у людей образ Божий». По признанию самого Петра Ивановича, в какой-то миг, взирая на лица собравшихся в храме людей, он осознал тот факт, что многолетний труд «на ниве трезвости» не прошел даром. «С этих пор, – говорил Поляков, – начатое с большими усилиями и неприятностями доброе дело вступило, так сказать, в законную силу и, постоянно расширяясь, стало видимо показывать повсюду добрые плоды, которые вскоре обратили на себя внимание не только простого народа, но и людей высокостоящих по своему общественному положению» [10, с. 5]. О деятельности «Христианского общества трезвости и воздержания» стало известно Александру III, который выразил всем его членам «монаршую благодарность» [16, с. 6].

В 1897 г. семья Поляковых перебралась в Санкт-Петербург. Петр Иванович продолжил учительствовать и заниматься активной трезвеннической деятельностью. Многолетний опыт убеждал его в том, что трезвенная работа более плодотворна при церковном приходе. Сам он был человеком глубоко верующим, подробно изучавшим историю становления христианства. Он много работал над изложением христианских наставлений на «народный лад» [17; 18; 19]. Слово пастыря, по убеждению Полякова, способно «исцелить» человека от пьянства. Своим наставником Петр Иванович считал праведного Иоанна Кронштадтского, его просил о благословении, по его примеру, по-видимому, принял священный сан [20].

Поляков был рукоположен в священство в 1903 г. Он стал диаконом церкви Святой равноапостольной княгини Ольги при Ольгинском детском приюте трудолюбия в селе Царская Славянка, вел занятия в Торговой школе при евангелистско-лютеранской церкви Христа Спасителя и на частных курсах Шкловского, Петровских курсах, курсах Станиславского в женской гимназии Пашковской.

Помимо того, отец Петр устраивал антиалкогольные встречи, беседы, вечера, организовывал паломнические поездки и крестные ходы «во славу трезвости». Не единожды молитва отца Петра перерождала душу и сердце человека, совершала нравственный подъем упавшего духа, «исцеляла» от пьянства. Вот как он сам описывал один из организованных им крестных ходов: «густая сплошная масса трезвенников бесконечной широкой лентой потянулась по улицам столицы. Хоругви как-то особенно победоносно развевались высоко над головами молящихся, фонари и кресты блистали на солнце, большие иконы, поставленные на высокие подставки на носилках, вырисовывались своими изображениями, и казалось, будто Сам Спаситель, Его Пречистая Матерь и целый сонм святых угодников Божиих сошли с неба, стали среди воодушевленного народа и, благословляя его, торжественно шествуют с ним» [10, с. 101–102.]

Всюду он занимался просветительской, образовательной, издательской деятельностью. В 1906 г., будучи главой Литейного отделения Александро-Невского общества трезвости, отец Петр выступил инициатором обсуждения проблем трезвенного движения на общем собрании в Народном доме императора Николая II.

В «петербургский период» Поляков много писал. Его литературное наследие составили 20 книг, среди которых: «Православное духовенство в борьбе с народным пьянством», «К сведению трезвенников и ревнителей христианского благочестия», «Об употреблении спиртных напитков», «Победа трезвости», «Как жить», «Кто мы», «Как лучше» и т. д. Обращаясь ко всем неравнодушным людям, Поляков писал: «Хорошее дело, если ты не пьешь вина, еще лучше будет, если благодаря тебе и сосед твой будет трезвый трудолюбец. Помоги ближнему!» [22, с. 19–20].

Много сил было вложено отцом Петром в редактирование первой антиалкогольной газеты с рисунками «Трезвость». Ей отводилась особая роль в борьбе со «злом, порождаемым спиртными напитками». Благословил отца Петра на ее издание Иоанн Кронштадтский: «Сие доброе дело Бог непременно благословит, так как пьянство подобно четырёхглавому кровожадному змию-людоеду, пожирающему души христиан. Если хоть одну голову отсечёте – это будет заслуга перед Богом, Царём и Отечеством». Газета рассказывала своему читателю, что «кроме разгульной, трактирно-кабацкой жизни, что кроме скотского препровождения времени <…>, существует иная жизнь, широкая, светлая, согретая не спиртными напитками, а любовью, и просветленная разумом» [16, с. 8–9].

17 июля 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, был обнародован царский указ о приостановлении действия казенной винной монополии и введении «сухого закона». С 19 июля 1914 г. в России запрещалась продажа алкоголя (на время всеобщей мобилизации) [23]. «Сухой закон» нашел широкую общественную поддержку, которую следует рассматривать как плод многолетних, небывалых усилий поборников трезвости. В их ряду личность Петра Ивановича Полякова весьма значительна.

После октябрьских событий 1917 г. отец Петр (к тому времени он имел сан протоиерея) переехал в г. Суджу Курской губернии и поступил на службу в местный храм Преображения Господня. В 1922 г. он был заново расписан, на стенах алтаря появилась надпись: «Расписан сей Храм при настоятеле Храма сего протоиерее Алексии Дьяконове и его помощнике протоиерее Петре Полякове, при церковном старосте Н. Р. Солонинкине, усердием церковного совета общины сестер христианского делания и Боголюбивых прихожан Святого Храма сего». В тот же год отец Петр скончался, свой последний приют он обрел на курской земле.

Выводы

Жизнь и многолетняя деятельность Петра Ивановича Полякова были всецело посвящены борьбе за трезвость. Еще в 1884 г. он поставил перед собой цель – преобразить жизнь своих учеников, нашел сподвижников и организовал «Христианское общество трезвости и воздержания». Будучи одной из первых трезвенных организаций, «Христианское общество трезвости и воздержания» разработало самые разнообразные методы борьбы за трезвость, начиная от индивидуальных антиалкогольных бесед и заканчивая массовым выпуском антиалкогольных изданий. Они стали примером для трезвенных организаций всей России. В столице Петр Иванович был рукоположен в священство и расширил просветительскую, образовательную, издательскую деятельность по продвижению трезвенных идей.

Объективная оценка многогранных трудов Петра Ивановича Полякова на поприще трезвости позволяет назвать его выдающимся лидером трезвенного движения России рубежа XIX–XX вв.

Список литературы

1. Карандашев Г. В. Трезвенное движение в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века // Народ, политика, власть в истории России. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. С. 65–73.

2. Афанасьев А. Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 31–37.

3. Фокин А. Ю., Орешкина Т. Н. Общества трезвости во второй половине XIX – начале XX в.: процесс появления, основная деятельность и специфика деления (на примере Саратовской губернии) // Грани познания. 2021. № 2 (73). С. 20–24.

4. Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX – начале XX в. // Омский научный вестник. 2005. № 4 (33). С. 22–26.

5. Пясецкий Д. О. Деятельность дореволюционных церковных обществ трезвости // Апробация. 2017. № 1 (52). С. 12–16.

6. Горюшкина Н. Е. Организация движения за народную трезвость при переходе к казенной винной монополии // Курский край. 2006. № 7-8 (82-83). С. 48–52.

7. Блохина Н. Н. Роль С. А. Рачинского в создании сельских «обществ трезвости» в России // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2014. № 2. С. 26–29.

8. Неделько Т. В. Священник Петр Поляков как родоначальник российского трезвенного движения в Курской губернии конца XIX – начала XX в. // Молодежь и XXI век – 2012: материалы IV Международной молодежной научной конференции. Курск, 2012. С. 164–168.

9. Блохина Н. Н. Подвижник трезвенного движения св. праведный О. Иоанн Кронштадтский // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2014. № 1. С. 51–54.

10. Поляков П. И. Православное духовенство в борьбе с народным пьянством: (доклад комиссии по вопросу об алкоголизме). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 22 с.

11. Государственный архив Курской области ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4582. Л. 2 об. – 3; 6 об.

12. Григорьев Н. И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892–1893 г. Список иностранных обществ трезвости. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1894. 79 с.

13. Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, изданные Правлением V Съезда в С.-Петербурге. СПб., 1894. Т. 2. 780 с.

14. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6504. Л. 7.

15. Журналы заседаний XXXII очередного Грайворонского уездного земского собрания за 1896 год. Курск: Тип. губернского земства, 1897. 543 с.

16. Коровин А. М. На что нам общества трезвости?: беседа д-ра А. М. Коровина. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897. 24 с.

17. Поляков П. И. Светочи жизни: Живые и назидательные уроки высокой нравственности и просвещения для жизни современного общества. СПб.: И. Л. Тузов 1911. 236 с.

18. Поляков П. И. Православный катихизис в общедоступном изложении с текстами на русском языке, применительно к требованиям школьного и домашнего обучения. Пг.: Тип. И. В. Леонтьева, 1915. 80 с.

19. Поляков П. И. Пролог: Истории из жизни святых в пересказе для детей. М.: Отчий дом, 2014. 189 с.

20. Пономаренко В. В. К 175-летию со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского // Календарь. 2004. № 12. URL: http://www.ubrus.org/data/library/pages/698/H07-T.htm (дата обращения: 01.05.2022).

21. Поляков П. И. Голос народа. СПб.: Изд. книготорговца И. Л. Тузова, 1905. 195 с.

22. Поляков П. И. Об употреблении спиртных напитков. Харьков: Тип. Губ. Правления, 1890. 20 с.

23. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Сенатская тип., 1915. Отд. I. Ст. 2348.

References

1. Karandashev G. V. Trezvennoe dvizhenie v guberniyakh Tsentral'no-promyshlennogo raiona Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Sober movement in the provinces of the Central Industrial district of Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Narod, politika, vlast' v istorii Rossii [People, politics, power in the history of Russia]. Yaroslavl, K. D. Ushinsky YAGPU Publ., 2007, pp. 65–73.

2. Afanasyev A. L. Obshchestva trezvosti v Tobol'skoi gubernii i Akmolinskoi oblasti Rossii (1890-e – nachalo 1910-kh gg.) [Sobriety societies in Tobolsk province and Akmola region of Russia (1890s – early 1910s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*, 2011, no. 1 (13), pp. 31–37.

3. Fokin A. Yu., Oreshkina T. N. Obshchestva trezvosti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: protsess poyavleniya, osnovnaya deyatel'nost' i spetsifika deleniya (na primere Saratovskoi gubernii) [Sobriety societies in the second half of the XIX – early XX centurie: the process of emergence, the main activity and the specifics of division (on the example of the Saratov province)]. *Grani poznaniya = Facets of cognition*, 2021, no. 2 (73), pp. 20–24.

4. Bykova A. G. Obshchestva trezvosti v istorii trezvennogo dvizheniya v Rossii v XIX – nachale XX v. [Sobriety societies in the history of the sober movement in Russia in the XIX – early XX centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2005, no. 4 (33), pp. 22–26.

5. Pyasetsky D. O. Deyatel'nost' dorevolyutsionnykh tserkovnykh obshchestv trezvosti [Activity of pre-revolutionary church sobriety societies]. *Aprobatsiya = Approbation*, 2017, no. 1 (52), pp. 12–16.

6. Goryushkina N. E. Organizatsiya dvizheniya za narodnuyu trezvost' pri perekhode k kazennoi vinnoi monopolii [Organization of the movement for national sobriety during the transition to the state-owned wine monopoly]. *Kurskii krai = Kursk Region*, 2006, no. 7-8 (82-83), pp. 48–52.

7. Blokhina N. N. Rol' S. A. Rachinskogo v sozdanii sel'skikh "obshchestv trezvosti" v Rossii [The role of S. A. Rachinsky in the creation of rural "sobriety societies" in Russia]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko*, 2014, no. 2, pp. 26–29.

8. Nedelko T. V. [Priest Pyotr Polyakov as the founder of the Russian sober movement in the Kursk province of the late XIX – early XX centurie*]. Molodezh' i XXI vek – 2012. Materialy IV Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [Youth and XXI century – 2012. Materials of the IV International Youth Scientific Conference]. Kursk, 2012, pp. 164–168. (In Russ.)

9. Blokhina N. N. Podvizhnik trezvennogo dvizheniya sv. pravednyi O. Ioann Kronshtadtskii [The ascetic of the sober movement of the Holy Righteous Fr. John of Kronstadt]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko*, 2014, no. 1, pp. 51–54.

10. Polyakov P. I. Pravoslavnoe dukhovenstvo v bor'be s narodnym p'yanstvom. Doklad komissii po voprosu ob alkogolizme [Orthodox clergy in the fight against popular drunkenness. Report of the commission on alcoholism]. St. Petersburg, Tip. P. P. Soykina, 1900. 22 p.

11. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 1, op. 1, d. 4582, l. 1–6 ob.

12. Grigoriev N. I. Russkie obshchestva trezvosti, ikh organizatsiya i deyatel'nost' v 1892–1893 g. Spisok inostrannykh obshchestv trezvosti [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892–1893. List of foreign temperance societies]. St. Petersburg, Tip. P. P. Soykina, 1894. 79 p.

13. Trudy V S"ezda Obshchestva russkikh vrachei v pamyat' N. I. Pirogova, izdannye Pravleniem V S"ezda v S.-Peterburge [Proceedings of the V Congress of the Society of Russian Doctors in memory of N. I. Pirogov, published by the Board of the V Congress in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1894. Vol. 2. 780 p.

14. GAKO, f. 1, op. 1, d. 6504, l. 7.

15. Zhurnaly zasedanii XXXII ocherednogo Graivoronskogo uezdnogo zemskogo sobraniya za 1896 god [Logs of meetings of the XXXII regular Grayvoronsky district Zemstvo Assembly for 1896]. Kursk, Tip. gubernskogo zemstva, 1897. 543 p.

16. Korovin A. M. Na chto nam obshchestva trezvosti? Beseda dokt. A. M. Korovina [What do we need sobriety societies for? Conversation of Dr. A. M. Korovin]. Moscow, Typ. t-va I. D. Sytin, 1897. 24 p.

17. Polyakov P. I. Svetochi zhizni: Zhivye i nazidatel'nye uroki vysokoi nravstvennosti i prosveshcheniya dlya zhizni sovremennogo obshchestva [The lights of life: Lively and edifying lessons of high morality and enlightenment for the life of modern society]. St. Petersburg, Tip. I. L. Tuzov, 1911. 236 p.

18. Polyakov P. I. Pravoslavnyi katikhizis v obshchedostupnom izlozhenii s tekstami na russkom yazyke, primenitel'no k trebovaniyam shkol'nogo i domashnego obucheniya [Orthodox catechism in a publicly available presentation with texts in Russian, in relation to the requirements of school and home education]. Petrograd, Typ. I. V. Leontiev, 1915. 80 p.

19. Polyakov P. I. Prolog: Istorii iz zhizni svyatykh v pereskaze dlya detei [Prologue: Stories from the life of saints retold for children]. Moscow, Otchii dom Publ., 2014. 189 p.

20. Ponomarenko V. V. K 175-letiyu so dnya rozhdeniya svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo [To the 175th anniversary of the birth of the Holy Righteous John of Kronstadt]. *Kalendar' = Calendar*, 2004, no. 12. URL: http://www.ubrus.org/data/library/pages/698/H07-T.htm (accessed 01.05.2022)

21. Polyakov P. I. Golos naroda [The voice of the people]. St. Petersburg, Izd. knigotorgovtsa I. L. Tuzova, 1905. 195 p.

22. Polyakov P. I. Ob upotreblenii spirtnykh napitkov [About the use of alcoholic beverages]. Kharkiv, Tip. Gub. Pravleniya, 1890. 20 p.

23. Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of laws and government orders issued by the Governing Senate]. Petrograd, Senatskaya tip., 1915. Ed. I, art. 2348.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-177-190

CC BY 4.0

«Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы

А. В. Апанасенок[1] ✉, И. С. Пудякова[1]

[1] Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования обусловлена значимостью историографического осмысления эволюции традиционных конфессиональных практик в советскую эпоху, а также необходимостью интеграции прошлого православной культуры в общий контекст социальной и культурной истории СССР.*

Цель исследования *– характеристика места и роли обряда крещения в культурной истории традиционно-православных регионов СССР в 1940–1980-е годы.*

Задачи: *изучение масштабов православного крещения в СССР указанного периода; анализ особенности массового восприятия этой практики; уяснение путей соотнесения православных и советских ценностей гражданами, принимавшими участие в обряде крещения.*

Методология*. В ходе исследования поставленных в статье проблем использовались традиционные методики архивной работы, а также методы устной истории – анкетирование, интервьюирование. Для систематизации данных применялись историко-статистический, сравнительно-исторический и историко-ретроспективный методы.*

Результаты*. В работе проанализирована статистика православного крещения в послевоенный период истории СССР и показано, что антирелигиозная пропаганда довольно слабо отражалась на его масштабах. Сопоставлены результаты исследований советских социологов и данные современных интервью пожилых верующих о мотивах крещения в советский период, рассмотрен вопрос участия коммунистов и комсомольцев в этом обряде, а также охарактеризован феномен совмещения крестин с советскими праздниками.*

Выводы. *В статье делается вывод о том, что крещение детей оставалось культурной нормой для подавляющего большинства населения традиционно-православных регионов СССР на протяжении всего послевоенного периода. Представителями старшего поколения оно воспринималось как важнейший религиозный акт, молодыми родителями – преимущественно как дань уважения традиции и старшим родственникам. При этом обряд крещения не противопоставлялся массовой психологией советским ценностям, что создавало предпосылки для участия в нем членов коммунистической партии.*

Ключевые слова: *история СССР; православие; обряд крещения; конфессиональные практики; идентичность; советская культура.*

Финансирование: *Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №21-09-43066.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Апанасенок А. В., Пудякова И. С. «Записывайте и в книгу, я не боюсь»: обряд православного крещения и советская культура в 1940–1980-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 177–190. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-177-190.

Поступила в редакцию 29.04.2022 Принята к публикации 23.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Апанасенок А. В., Пудякова И. С., 2022

"Write it Down in the Book, I'm Not Afraid": the Rite of Orthodox Baptism and Soviet Culture in the 1940s – 1980s.

Alexander V. Apanasenok[1] ✉, Irina S. Pudyakova[1]

[1] Regional Open Social Institute
85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is due to the importance of historiographical understanding of the traditional confessional practice's evolution in the Soviet era, as well as the need to integrate the past of Orthodox culture into the general context of the social and cultural history of the USSR.*

The purpose *of the research is characteristics of the place and role of the baptism rite in the cultural history of the traditionally Orthodox regions of the USSR in the 1940s – 1980s.*

Objectives: *to study the scale of Orthodox baptism in the USSR of the specified period; to analyze the peculiarities of mass perception of this practice; to clarify the ways of correlation of Orthodox and Soviet values by citizens who took part in the rite of baptism.*

Methodology. *In the course of the research of the problems posed in the paper traditional methods of archival work were used as well as methods of oral history – questioning, interviewing. Historical-statistical, comparative-historical and historical-retrospective methods were used to systematize the data.*

Results. *The authors analyze the statistics of Orthodox baptism in the post-war period of the history of the USSR and show that anti-religious propaganda had a rather weak effect on its scale. The results of Soviet sociologists' research and data from modern interviews of elderly believers about the motives of baptism in the Soviet period are compared, the question of the participation of Communists and Komsomol members in this rite is considered, and the phenomenon of combining baptisms with Soviet holidays is characterized.*

Conclusions. *The paper concludes that the baptism of children remained the cultural norm for the vast majority of the population of the traditionally Orthodox regions of the USSR throughout the post-war period. Representatives of the older generation perceived it as an important religious act, young parents – mainly as a tribute to tradition and older relatives. At the same time, the rite of baptism was not opposed by mass psychology to Soviet values, which created prerequisites for the participation of members of the Communist Party in it.*

Keywords: *history of the USSR; Orthodoxy; baptism rite; confessional practices; identity; Soviet culture.*

Funding: *The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Apanasenok A. V., Pudyakova I. S. "Write it Down in the Book, I'm Not Afraid": the Rite of Orthodox Baptism and Soviet Culture in the 1940s – 1980s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 177–190. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-177-190.

Received 29.04.2022 Accepted 23.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Советский Союз, столетие с момента образования которого историки отметят в конце 2022 г., был страной парадоксов. Номинально господствовавшая здесь материалистическая философия почему-то часто вместо потребительства порождала аскетизм, а развитие западноевропейских марксистских идей привело к железному занавесу с Западом. Конституционное расширение политических прав граждан сопровождалось формированием авторитарного строя, а технологическая отсталость не мешала случаться промышлен-

ным чудесам. Еще одним парадоксальным явлением советской действительности стало функционирование в ее недрах религиозной культуры. На протяжении семи десятилетий в СССР шел процесс «атеизации» населения, которая была призвана создать безрелигиозное общество, однако последние годы существования страны и первые постсоветские годы ознаменовались масштабным конфессиональным подъемом.

Каким образом религиозная культура воспроизводила себя в Советском Союзе? Дать исчерпывающие комментарии тут пока не представляется возможным. Несмотря на то, что многие ныне здравствующие граждане России в бытность гражданами СССР участвовали либо в религиозных обрядах, либо в атеистической пропаганде, конфессиональная жизнь советского общества изучена довольно слабо. Длительное время в постсоветской историографии господствовал государствоцентричный институциональный подход, по сути сводивший главные проблемы церковной истории к тематике государственно-церковных отношений [1, с. 74–76]. Однако, раз за разом констатируя враждебность советской власти к религии и описывая соответствующие антирелигиозные мероприятия, невозможно объяснить феномен устойчивости конфессиональной культуры. Это можно сделать, сосредоточив внимание на истории бытования конкретных религиозных практик, изучение которой способно дать богатую информацию об успехах и неудачах советской секуляризации.

Наиболее информативной с точки зрения исследования приобщенности населения СССР к традиционной конфессиональной культуре, вероятно, является история практики православного крещения. С одной стороны, православные духовные корни имела большая часть населения страны, а с другой – обряд крещения является первым и при этом важнейшим для любого православного христианина таинством. Совершение его над ребенком проявляет если не веру, то, как минимум, сохраняющуюся культурную связь его родителей с православием. В Советском Союзе этот обряд совершался чаще, чем любой другой. Например, в аналитической справке Совета по делам религий при Совете Министров СССР за 1967 г. говорилось, что на него приходится около половины всех религиозных обрядов, совершаемых в стране, а также что крещение «по своему религиозному воздействию… оказывает наиболее вредное влияние» на молодежь с точки зрения ее атеистического воспитания [2, л. 105]. Значит, изучение бытования таинства крещения в Советском Союзе может дать множество сведений об конфессиональном поведении его граждан.

Будучи важным индикатором религиозности (прямой или опосредованной) или просто традиционализма граждан, крещение интересно еще и тем, что оно, несмотря на порицание со стороны власти, оставалось прочно вписано в культуру советского общества. Его история в СССР – это история «совмещения несовместимого», а значит интересная страница отечественного культурного прошлого.

История крещений в СССР сама по себе пока не становилась предметом историографической рефлексии, хотя российские исследователи церковного прошлого периодически используют статистику совершения этого обряда по тем или иным приходам-районам-областям. Обычно это делается выборочно, с целью иллюстрации результативности государственной политики в отношении верующих в тот или иной период [3; 4; 5]. О крещении советских детей как показателе стойкости конфессиональных традиций в послевоенном СССР упоминали некоторые западные исследователи православия [6; 7; 8]. Наконец, важность изучения данной практики констатируется в работах, посвященных обрядовому поведе-

нию православных граждан Советского Союза в отдельных регионах [9; 10; 11; 12]. Совокупность этих трудов убеждает в широком распространении обряда православного крещения в СССР и дает ряд интересных штрихов для картины его бытования, однако сама картина пока не создана.

В данной статье авторы поставили цель дать общую характеристику той роли, которую играл обряд крещения в культурной истории традиционно-православных регионов СССР в 1940–1980 гг. При этом предполагается рассмотреть масштабы православного крещения в СССР данного периода, проанализировать особенности массового восприятия этой практики, а также уяснить, каким образом участие в обряде крещения сочеталось с советской идентичностью граждан страны.

Методология

В ходе формирования источниковой базы исследования авторами была проведена архивная работа с материалами из аппарата Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – Совета по делам религий) при Совете Министров СССР, который аккумулировал сведения о религиозной жизни граждан в течение рассматриваемого периода. Собранные сведения были дополнены опубликованными данными советских социологов, в позднесоветский период активно проводившими мониторинги приобщенности населения к церковной жизни. Кроме того, значительный массив данных о православном крещении в СССР был получен в ходе опросов (анкетирование, интервьюирование) пожилых граждан Российской Федерации (в прошлом – граждан СССР), в настоящее время проживающих на территории Курской, Орловской и Белгородской областей. В 2021 г. разработанную авторами статьи анкету на тему «Православные традиции в СССР» заполнили 144 человека, 7 из которых дополнительно дали развернутые интервью. В числе вопросов, предложенных в анкете/интервью, были такие: «Когда Вас крестили? По чьей инициативе? Каковы были мотивы крещения?». Ответы на них позволили сопоставить взгляды советских функционеров и исследователей, с одной стороны, и рядовых граждан – с другой, на практику крещения в советской культурной среде.

Для обобщения и систематизации полученных сведений использовались историко-статистический, сравнительно-исто-рический и историко-ретроспективный методы.

Результаты и их обсуждение

Первый вопрос, который логично рассмотреть при обсуждении проблемы православного крещения в СССР – это вопрос о масштабах данной практики. Предпосылки для формирования соответствующей статистики появились после организации в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Уполномоченные этого органа должны были следить за проявлениями религиозной жизни населения на местах и подавать сведения в центральный аппарат Совета. В первую очередь фиксировалось количество храмов, молитвенных домов, клириков, обращений верующих по тем или иным вопросам. Сведения по совершению обрядов на первых порах были отрывочными, однако даже они свидетельствуют, что крещение детей в 1940-е гг. в традиционно православных регионах после «сталинского поворота» к верующим стало едва ли не всеобщим. Говоря о стремлении населения осуществить акт символического приобщения к христианской культуре, уполномоченные часто указывали на существенное превышение количества совершенных обрядов над количеством родившихся – это объяснялось крещением детей, родившихся в 1930-е гг., т. е. во время принудительного свертывания конфессиональных практик. «Крещение составляет особенную потребность насе-

ления», – писал в 1945 г. уполномоченный по Иркутской области [13, л. 11]. То же самое можно было сказать практически обо всех регионах, включая национальные республики, где были представлены традиционно православные сообщества [13, л. 7–14].

Начиная с 1947 г. (когда наметилось очередное охлаждение отношения государства к церкви) фиксируется снижение количества нескрываемых крещений детей в городе. Например, в г. Курске в указанном году были открыто окрещены 40% всех новорожденных; в г. Льгове (районном центре Курской области) – чуть более 50% [14, л. 41–42]. Однако в сельской местности крещение оставалось практически тотальным [15, л. 55]. Учитывая, что в данный период большинство населения страны жило в сельской местности, можно уверенно говорить о крещении явного большинства рождавшихся в середине XX в. советских граждан из традиционно-православных регионов.

Несмотря на распространение в СССР практики «тайного крещения» (особенно в тех семьях, которым демонстрировать свое участие в религиозной жизни было явно нежелательно), статистика показывает массовую вовлеченность в первое христианское таинство и в конце 1950-х гг. Например, в 1959 г. в Кировской области доля крещеных новорожденных составила 56%, во Владимирской – 39%, в Курской – 48%, в Воронежской – 40%, в Ярославской Белгородской, Ивановской, Калининской, Житомирской, Вологодской, Сталинской – около 60% [16, л. 150–151].

Заметно снизились декларируемые масштабы православного крещения в результате хрущевской антирелигиозной кампании 1959–1964 гг. Например, в Ивановской области доля крещеных от числа родившихся в 1965 г. упала к 1959 г. чуть ли не вдвое и составляла уже 37,8% [17, л. 55]. В других областях статистика давала примерно такие же показатели: в Горьковской области – 36,5% [17, л. 49], в Московской – 39,4% [18, л. 110]. В Минской области Белорусской ССР эта доля составила 33,6% [17, л. 227], в Киевской – 26,8% [19, л. 97–100]. Впрочем, на практике это означало лишь увеличение доли тайных крещений, что признавалось и местными уполномоченными Совета по делам религий [20, л. 19]. В тех случаях, когда контроль со стороны властей за религиозной жизнью населения ослабевал, статистика быстро возвращалась «на место». Так, если в Белгородской области в 1959 г. доля крещеных младенцев составляла около 60%, в 1965 г. – 35%, то в «спокойном» 1967 г. она стала рекордной – 67% [21, л. 5].

Чтобы не подчеркивать массовость обряда крещения в традиционно-православных регионах, со второй половины 1960-х гг. в статистических сводках все чаще стали использовать данные по СССР в целом. Например, в 1967 г. доля крещений по отношению к родившимся в СССР составляла 23,3% [2, л. 102], в 1974 г. – 18,3% [22, л. 95]. Относительно 1980-х гг. в документах Совета по делам религий нам удалось обнаружить только данные в абсолютном выражении, причем по СССР в целом. Так, в 1981 г. в СССР было совершено 761 906 обрядов православного крещения (без учета старообрядцев) при 4961 тыс. родившихся, что давало 15,3% [23, л. 1]. Лукавство такого рода статистических данных очевидно: Советский Союз имел пестрый этноконфессиональный состав, определять степень распространенности православного обряда, учитывая при этом данные по традиционно мусульманским, буддийским или иным неправославным регионам, было явно некорректно. К тому же доля крещеных во многих регионах вычислялась путем деления количества зарегистрированных в церквях крещений на количество новорожденных, крещения немладенцев на нее по факту не влияли.

Сплошные обследования, периодически проводившиеся на уровне отдельных районов, как правило, показывали, что и в 1960-е, и в 1970-е гг. своих детей крестило явное большинство жителей традиционно-православных регионов. Так, в результате исследования, проведенного в 1967 г. в трех районах Сумской области УССР, выяснилось, что здесь были крещены практически все новорожденные, включая детей коммунистов [2, л. 107]. Аналогичное обследование в Новопоселеновском сельсовете Курской области (прилегающий к городу участок, 7 тыс. жителей) в 1971 г. показало, что тут крестили детей 95% колхозников, 83,3% служащих, 96,6% рабочих [2, л. 147].

Примерно такую же картину дают и данные опросов бывших граждан СССР. Согласно результатам общесоюзного исследования, проведенного в 1990 г. в рамках социологического проекта «Советский человек», 66% населения СССР оказались крещены [25, с. 134]. Если учесть, что опрос проводился по всей стране, то становится понятно, что в отдельно взятых исторически православных регионах этот показатель оказался бы выше.

Результаты нашего собственного микроисследования, охватившего в 2021 г. 144 гражданина (гражданки) бывшего СССР от 52 до 88 лет, также косвенно показали массовость крещения. На вопрос «Когда Вас крестили?» 119 человек (82,6%) ответили, что в раннем детстве (остальные были крещены в сознательном или даже взрослом возрасте)[1].

Таким образом, крещение охватывало большую часть населения традиционно-православных регионов СССР на протяжении всего рассматриваемого периода, а политика «атеизации» общества слабо сказывалась на его масштабах.

Каким образом воспринимался «обыкновенными» (т. е. не очень религиозными) советскими людьми обряд крещения? Что побуждало их нести (вести) своих детей в церковь для крещения? В 1960–1970-е гг., отмеченные бурным развитием социологии религии, соответствующие исследования были проведены в ряде регионов страны. Так, в аналитическом обзоре Совета по делам религий за 1967 г. (частично посвященном участию советских граждан в православных обрядах) приводятся результаты исследования, проведенного в г. Воронеже. В процессе этого исследования были опрошены 202 родителя (представлявшие 113 семей), решившие открыто крестить своих детей. Ответы относительно мотивов крещения распределились следующим образом: 47,5% пошли на совершение обряда «ради мира с матерью, с тещей»; 37% – потому что «все крестят, а мы что, хуже других, у нас традиция»; 5% – «чтобы ребенок лучше спал, не болел»; 10% – «решили выпить, погулять, попировать» [2, л. 109].

В аналогичном обзоре за 1974 г. приводятся данные обследования по г. Харькову (тут было опрошено 300 родителей новорожденных). Здесь социологи пришли к выводу, что 44,7% родителей крестили детей «в силу традиции и просто на всякий случай»; 38,7% – «по требованию родителей мужа и жены»; 11% – по причине убежденности, что крещение дает «гарантию здоровья и преуспевания ребенка в жизни»; 5,6% прибегли к крещению потому что старшие родственники отказались ухаживать за некрещеным ребенком [22, л. 104].

Вероятно, в обоих случаях исследователи предлагали опрашиваемым варианты готовых формулировок ответов, с этим связан их не вполне уважительный по отношению к таинству тон. Тем не менее указанные результаты подчерки-

[1] Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г. (анкетирование) (далее – АП СИПР, 2021).

вают влияние старшего поколения (очевидно, более религиозного) на крещение детей, а также важность традиции. В принципе, на эти факторы указывают и опубликованные данные советских социологов. Например, в 1965 г. группа сотрудников кафедры истории и теории атеизма ЛГУ провела серию неформальных бесед с родителями 73 детей, окрещенных в Ленинграде и Ленинградской области. В процессе общения выяснилось, что в четырех случаях (5,5%) таинство было организовано из-за личной религиозности родителей, в 62 случаях (85%) – из-за принципиальной позиции старших (верующих) членов семьи, в остальных случаях (9,5%) побуждения оказались нерелигиозными [26, с. 162–163].

Исследователи, проводившие опросы в Чувашии на рубеже 1960–1970-х гг., при определении мотивов крещения детей постарались учесть возраст обратившихся к священникам родителей. Выяснилось, что самой распространенной побудительной причиной крещения стали пожелания (советы) старших родственников: они сыграли важнейшую роль для 49,3% родителей до 30 лет и для 32,2% родителей старше 30 лет. На втором месте оказались причины, связанные с уважением к традиции: крестили детей «по обычаю» 29,5% родителей до 30 лет и 35,2% родителей старше 30 лет. Далее были названы такие обстоятельства, как личная религиозность, отказ старших родственников ухаживать за некрещеными детьми, торжественность обряда, боязнь осуждения со стороны соседей [27, с. 9].

Понятно, что советские исследователи, призванные распространять идеи атеизма и фиксировать постепенное торжество «научного» мировоззрения в массах, должны были стремиться к приуменьшению значимости религиозности родителей как обстоятельства, располагавшего к крещению детей. С другой стороны, приводимые ими данные явно свидетельствуют о религиозности представителей старших поколений советских граждан, а также традиционализме общества. Результаты нашего исследования в принципе подтверждают эти утверждения. Так, из 144 опрошенных на вопрос «По чьей инициативе Вас крестили?» содержательно ответили 95 человек (остальные оказались не в курсе), из них 43 (45%) упомянули старших родственников (в основном бабушек). На вопрос о мотивах организации таинства («Каковы были мотивы крещения?») ответили 79 человек, что-то узнавшие на этот счет от своих родителей. 28 человек (36%) при этом связали мотивы с желанием приобщиться к христианству («мотивы православные», «соединиться с Христом», «так должны делать православные люди», «нужно приобрести ангела-хранителя» и т. п.), 21 человек (27%) написал о традиционности акта крещения («крестили по традиции», «так было заведено»). 19 (24%) человек в качестве главной причины своего крещения назвали заботу родителей об их здоровье («крещеные дети крепче», «здоровее» и т. п.). Наконец, еще 11 (14%) человек связали религиозные мотивы и заботу о здоровье воедино («чтобы дети были здоровы, не болели, чтобы Бог берег детей и божьи ангелы хранили», «чтобы ребенок был здоров и у него был ангел-хранитель», «крещеные дети меньше болеют, они спокойнее, их охраняет ангел»).

Важно отметить, что принадлежность родителей к советской интеллигенции или даже членство в КПСС обычно не становилось непреодолимым препятствием для крещения. Родители либо шли на этот акт тайно, либо крещение осуществлялось силами все тех же бабушек. Например, С. В. Пискарева (1964 г.р.), выросшая в интеллигентной семье (мама – агроном, отец – учитель) пишет: «Крестили в младенчестве. Инициатор – бабушка по отцовской линии. Бабушка говорила, что в доме некрещеных детей

быть не должно». Вот другие характерные цитаты выходцев из похожих по социальным характеристикам семей, где отцы были членами КПСС: «Меня крестили в шесть недель по инициативе бабушки, тайно от отца, он был атеист» (С. А. Седых, 1951 г.р.); «Родители не чтили традиции. А вот бабушка чтила… Знала все традиции… Старалась приобщать внуков, но делала это тихо, не афишируя» (Т. А. Гримова, 1939 г.р.). Такого рода ответы соответствуют периодически мелькающим в письмах уполномоченных Совета по делам РПЦ/религий комментариях о частом «продавливании» старшими родственниками и женами своих мужей-коммунистов. Один из представителей Совета в 1946 г. писал по этому поводу: «Повсюду, в городах и селах, новорожденных крестят, чем не гнушаются и некоторые коммунисты, дети которых выполняют эту процедуру в отсутствие главы семейства и ответственность за такой акт всецело относится за счет жены или бабушки, которые смиренно принимают на себя упомянутую вину» [13, л. 8].

Нет сомнения, что в послевоенный период подавляющее большинство граждан СССР имели сформированную советскую идентичность, предполагавшую патриотические чувства по отношению к стране, а также определенную степень приобщенности к основам коммунистической идеологии. Значило ли это, что, крестя детей (или принимая таинство крещения самолично), советские граждане сознательно шли вразрез с собственными убеждениями и отказывались от идеалов советской культуры? Источники не дают возможности ответить на этот вопрос утвердительно.

Прежде всего, обращает на себя внимание большое количество фактов участия в обряде крещения тех, кто должен был выступать главными проводниками марксистско-ленинской идеологии в обществе – комсомольцев и коммунистов. В послевоенные годы некоторые из них устраивали крестины вполне открыто. Например, в 1948 г. в архиерейском храме г. Минска крестилась дочь белорусского министра сельского хозяйства [5, с. 345]. Отдельные личности, не видя противоречия между ролью коммуниста и участием в обряде крещения, даже сопровождали последний празднеством. Вот, например, характерное донесение из Кемерово (1946 г.): «Кандидат в члены ВКП(б) т. Шуппа О. Д. …пригласила к себе в дом священника Никольской церкви Благовидова Михаила и окрестила двух детей. После обряда крещения о. Михаил был обильно ею угощен за праздничным столом. На этом семейном торжестве присутствовал коммунист Денисов и другие» [13, л. 8]. Если участие коммунистов в обряде крещения предавалось огласке (как произошло в описанном случае), обычно следовали санкции вплоть до исключения из партии. Например, за такого рода действия в 1946–1947 гг. партбилеты потеряли 40 человек в Воронежской области, 56 – в Калининской, 35 – в Горьковской и т. д. [5, с. 345] Однако исключения наказания коммунистов и «воспитательная работа» с комсомольцами не очень помогали. В 1956 г. курский уполномоченный Совета по делам РПЦ отмечал, что комсомольцы по-прежнему считают почетным «принять предложение стать воспреемниками (кумовьями) при крещении детей» [28, л. 145]. И в 1960-е, и в 1970-е гг. годовые аналитические сводки Совета по делам религий неизменно включали в себя большое количество примеров участия коммунистов в таинстве православного крещения (приводится статистика по разным регионам, в каждом случае «пойманные» исчисляются десятками). При этом тенденции к уменьшению количества таких эпизодов не просматривалось [2, л. 106–109; 22, л. 103–107]. Указывали уполномоченные и на большое количество интеллигенции «среди тех, кто кре-

стит детей» [2, л. 108]. Встречаются у них и описания едва ли не вызывающего, с точки зрения КПСС, поведения ее членов. Например, в одном из них говорится, что в 1966 г. в одном из прилегающих к Минску совхозов своих детей решили крестить четверо коммунистов. На роль кумы в одном из случаев была приглашена еще одна коммунистка – заведующая местной птицефабрикой М. И. Шамоди. Когда казначей церкви предупредил ее, что ей как партийной неприлично идти в храм в качестве кумы и быть записанной в книгу учета крещений, М. И. Шамоди ответила: «Записывайте и в книгу, я не боюсь» [2, л. 108].

Не только в послевоенные годы, но и в позднесоветский период близкие к партии граждане порой демонстрировали искреннее непонимание теоретической несовместимости коммунистического мировоззрения с православной практикой. С. Такахаси в своей статье описывает случай, когда в 1969 г. члену бюро районного комитета ВЛКСМ во Владимирской области задали вопрос, почему не были приняты меры по отношению к тем комсомольцам, которые крестили своих детей. Комсомольская активистка ответила: «А стоит ли это делать, ведь в уставе ВЛКСМ об этом нигде не написано?» [11, с. 342]. С. Жук, исследовавший повседневную религиозность в позднесоветском Днепропетровске, также указывает на естественность крещения для комсомольской среды. Он приводит такой пример: из 158 родителей, открыто крестивших детей в Днепропетровске в 1983 г., 104 (т. е. 65,8%) были комсомольцами, в том числе инженерами, педагогами и студентами вузов [10, с. 375].

Объяснить феномен крещений в среде коммунистически ориентированных советских граждан можно, обратившись к анализу характерного для СССР «разномыслия» [29; 30], а также традиционного народного «обрядоверия», не способствовавшего выстраиванию стройных мировоззренческих систем [31, с. 65; 32, с. 91]. В то же время стоит указать и на попытки сознательно соединить коммунистические и православные ценности, которые предпринимались советскими гражданами. Материалы уже не раз упоминавшегося анкетирования 2021 г. подтверждают, что процесс «примирения» этих ценностей активно шел в послевоенный период. Первым фактом, который обратил на себя наше внимание по итогам анализа результатов анкетирования, стало отсутствие явного противопоставления советской и православной культуры подавляющим большинством опрошенных. На вопрос о том, можно ли было доверять советской власти и при этом посещать православный храм, большинство опрошенных (65%) ответили утвердительно. Главным доводом при этом стало указание на разные миссии советского государства и Церкви: первое, согласно высказанным мнениям, должно было создать условия для справедливой, правильно устроенной жизни, а вторая была призвана помочь людям в поддержании душевных сил. Значительная часть опрошенных (53%) дала положительный ответ на вопрос о том, возможно ли было одновременно верить в Бога, оставаться православным человеком, но при этом надеяться на построение коммунизма, т. е. значительная часть граждан, считавших себя представителями советской цивилизации, хранила христианские и коммунистические идеалы одновременно. На основании текста анкет можно заключить, что коммунизм зачастую виделся земным воплощением православных идеалов. «Коммунисты хотели, чтобы было по справедливости все устроено. Как в Писании. Только они в Бога не верили. Хотя некоторые верили. И мы верили»[1]; «Бог, конечно, важнее, чем социализм или еще что-то, что человек может сам построить.

[1] Анкета Ворошиловой Л. Т., 1941 г.р. // АП СИПР. 2021.

Но пока мы сохраняли веру, мы надеялись на светлое будущее. Оно тогда называлось коммунизмом»[1]; «в том, что мы одновременно верили в Бога и коммунизм, я считаю, ничего страшного не было… У Бога мы выполняли заповеди, а у коммунизма – моральный кодекс строителя коммунизма, а одно дополняло другое»[2]. В разных формулировках похожие идеи представлены во множестве анкет.

Важным подтверждением желания граждан вписать обряд крещения в советскую культуру является распространившаяся в 1940–1950-е гг. практика приурочивать крещения к советским памятным датам – 7 ноября, 1 и 9 мая. По данным Н. Шлихты, стремление родителей крестить своих детей во время значимых для советской власти праздников прослеживается с первых послевоенных лет. Из-за большого наплыва желающих организовать таинство в такие дни в советских городах часто практиковались коллективные крещения, однако даже в таком формате священники не всегда справлялись. Например, благочинный из г. Сталино утверждал, что ежегодно 7–8 ноября четыре клирика из городского собора не могли удовлетворить постоянно возраставшие обрядовые потребности местных жителей, хотя они «целый день крестили детей до полной усталости» [9, с. 396]. Массовые крещения проводились и 1 мая, что исследовательница подтверждает данными за 1950-е гг. по Харькову [9, с. 397].

Выводы

Итак, православное крещение, наряду с другими религиозными обрядами осуждаемое советской идеологией в качестве «пережитка», тем не менее оставалось основательно вплетено в ткань бытия советского социума. Будучи возрождено как массовое явление в ходе улучшения государственно-церковных отношений в 1940-е гг., оно оставалось таковым на протяжении всех последующих десятилетий существования СССР. Даже далеко неполная советская статистика не могла скрыть того факта, что детей в традиционно-православных регионах крестят более половины граждан; фактически же отказ от крещения в таких местах оказывался редкостью.

Религиозные мотивы крещения чаще всего артикулировались старшим поколением советских граждан. Молодыми же родителями крещение ребенка осознавалось чаще всего как акт приобщения к многовековой культурной традиции, а также дань уважения старшим родственникам. Вероятно, именно такой подход позволил крещению остаться массовым явлением: советская идеология, при своей декларируемой безрелигиозности, в послевоенный период постулировала необходимость благоговейного отношения к народной культуре и почтения к родителям. При этом важно отметить, что акт крещения, как правило, не рассматривался рядовыми гражданами как «предательство» советских ценностей. Многие из них стремились создать для себя такую картину мира, где идеалы светлого будущего (в том числе коммунизма) могли бы сочетаться с традиционными православными ценностями.

Будучи для массового сознания одновременно культурной нормой и праздником, крещение ребенка оказывалось большим соблазном для членов КПСС и, тем более, ВЛКСМ. Несмотря на санкции со стороны партийной верхушки количество желающих совершить этот обряд коммунистов в послевоенный период не уменьшалось.

[1] Анкета Трифонова П. И., 1944 г.р. // АП СИПР. 2021.

[2] Анкета Юрия П. И., 1942 г.р. // АП СИПР. 2021.

Список литературы

1. Каиль М. В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. 2021. №3 (69). С. 74–86.

2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152.

3. Поспеловский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

4. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.

5. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 478 с.

6. Рар Г. Плененная Церковь: очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 275 с.

7. Stone A. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 296–320.

8. Naumescu V. Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine. Berlin: Lit Verlag, 2008. 255 p.

9. Шлихта Н. В. «От традиции к современности»: православная обрядность и праздники в условиях антирелигиозной борьбы (на материалах УССР, 1950-е – 1960-е гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 380–407.

10. Жук С. Религиозные практики, повседневная религиозность и западная массовая культура в закрытом городе Днепропетровске в послесталинское время (1960 – 1984) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 349–379.

11. Такахаси С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие Владимирской области // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 328–348.

12. Попова К. Ю. Религиозная обрядность православного населения Южного Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (4). С. 380–388.

13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.

14. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027. Оп. 1. Д. 20.

15. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3.

16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747.

17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 572.

18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 574.

19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 575.

20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 155.

21. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154.

22. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305.

23. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 2532.

24. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638.

25. Партии, движения, союзы России с религиозными приоритетами. Документы и тезисы. М.: [Б.и.], 1993. 272 с.

26. Кобецкий В. Д. Обряд крещения как проявление религиозности // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М.: МГУ, 1969. С. 161–173.

27. Серебряков Ю. Г. Религиозность сельского населения и задачи атеистической пропаганды. Чебоксары: ЧКИ, 1972. 39 с.

28. ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 13.

29. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. 544 с.

30. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

31. Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012, № 23. С. 82–107.

32. Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p.

References

1. Kail' M.V. Pravoslavie v Rossii 1914–1964 godov: opyt izucheniya i obshchestvennaya pamyat' v diskurse repressij i poiske al'ternativnyh poznavatel'nyh podhodov [Orthodoxy in Russia 1914–1964: The Experience of Studying and Public Memory in the Discourse of Repression and the Search for Alternative Cognitive approaches]. *Novyj istoricheskij vestnik = New Historical Bulletin*, 2021, no. 3 (69), pp. 74–86.

2. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 5, d. 152.

3. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.

4. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX century: History, relations with the state and society]. Moscow, CINO, 2002. 310 p.

5. Shkarovskij M. V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 478 p.

6. Rar G. Plenennaya Cerkov': ocherk razvitiya vzaimootnoshenij mezhdu Cerkov'yu i vlast'yu v SSSR [The Captive Church: An Essay on the Development of Relations between the Church and the Authorities in the USSR]. Frankfurt am Main, Posev, 1954. 275 p.

7. Stone A. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

8. Naumescu V. Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine. Berlin, Lit Verlag, 2008. 255 p.

9. Shlihta N. V. "Ot tradicii k sovremennosti": pravoslavnaya obryadnost' i prazdniki v usloviyah antireligioznoj bor'by (na materialah USSR, 1950-e – 1960-e gg.) ["From Tradition to Modernity": Orthodox Rites and celebrations in the conditions of anti-religious struggle (based on the materials of the Ukrainian SSR, 1950s – 1960s)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3-4 (30), pp. 380–407.

10. Zhuk S. Religioznye praktiki, povsednevnaya religioznost' i zapadnaya massovaya kul'tura v zakrytom gorode Dnepropetrovske v poslestalinskoe vremya (1960 – 1984) [Religious practices, everyday religiosity and Western mass culture in the closed city of Dnepropetrovsk in the post-Stalin period (1960 – 1984)]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3–4 (30), pp. 349–379.

11. Takahasi S. Dva tipa religioznosti vremen pozdnego socializma: pravoslavnye veruyushchie Vladimirskoj oblasti [Two types of religiosity from the time of late Socialism: Orthodox believers of the Vladimir region]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3–4 (30), pp. 328–348.

12. Popova K. Y. Religioznaya obryadnost' pravoslavnogo naseleniya YUzhnogo Urala v 1960–1980-e gg. [Religious rites of the Orthodox population of the Southern Urals in the 1960s – 1980s.]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii = Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, 2015, vyp. 2 (4), pp. 380–388.

13. GARF, f. 6991, op. 1, d. 63.

14. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 5027, op. 1, d. 20.

15. GAKO, f. 5027, op. 5, d. 3.

16. GARF, f. 6991, op. 1, d. 1747.

17. GARF, f. 6991, op. 2, d. 572.

18. GARF, f. 6991, op. 2, d. 574.

19. GARF, f. 6991, op. 2, d. 575.

20. GARF, f. 6991, op. 6, d. 155.

21. GARF, f. 6991, op. 6, d. 154.

22. GARF, f. 6991, op. 5, d. 1305.

23. GARF, f. 6991, op. 5, d. 2532.

24. GARF, f. 6991, op. 5, d. 638.

25. Partii, dvizheniya, soyuzy Rossii s religioznymi prioritetami. Dokumenty i tezisy [Parties, movements, unions of Russia with religious priorities. Documents and abstracts]. Moscow, 1993. 272 p.

26. Kobeckij V. D. Obryad kreshcheniya kak proyavlenie religioznosti [The rite of baptism as a manifestation of religiosity]. *Konkretno-sociologicheskoe izuchenie sostoyaniya religioznosti i opyta ateisticheskogo vospitaniya = A concrete sociological study of the state of religiosity and the experience of atheistic education.* Moscow, MGU Publ., 1969, pp. 161–173.

27. Serebryakov Y. G. Religioznost' sel'skogo naseleniya i zadachi ateisticheskoj propagandy [The religiosity of the rural population and the tasks of atheistic propaganda]. Cheboksary, CHKI Publ., 1972. 39 p.

28. GAKO, f. 5027, op. 5, d. 13.

29. Firsov B.M. Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki [Dissent in the USSR, 1940s–1960s: History, Theory, Practice]. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2008. 544 p.

30. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 661 p.

31. Shlihta N. V. "Pravoslavnyj" i "sovetskij": k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskih grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) ["Orthodox" and "Soviet": on the question of the

identity of believers of Soviet citizens (1940s-early 1970s)']. *Antropologicheskij forum = Anthropological Forum*, 2012, no. 23, pp. 82–107.

32. Young G. Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park, Pennsylvania State University Press, 1997. 307 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Пудякова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8794-8958

Irina S. Pudyakova, Cand. of Sci. (Geographical), Associate Professor of Humanities Department, Regional Open Social Institute,
Kursk, Russian Federation,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8794-8958

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-191-200

(cc) BY 4.0

Особенности развития землевладения в России в начале XX века

А. А. Колупаев[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Данная статья представляет собой попытку исследования особенностей землевладения в России в начале XX века. Землевладение в России в исследуемый период представляло собой результат сложного многовекового процесса развития аграрного сектора страны.*

Целью *исследования является изучение особенностей развития землевладения в России в начале XX века.*

Задачи. *Главные задачи нашего научного исследования сформулируем следующим образом: представить анализ исторической информации, связанной со структурой землевладения в России в начале XX века; рассмотреть динамику развития земельных отношений в стране.*

Методология*. Методологической основой исследования послужили: принцип историзма; методы объективности и научности; хронологический, историко-сравнительный подходы.*

Результаты *научного исследования позволили сделать объективные выводы о структуре и динамике развития различных форм землевладения в России в начале XX века.*

Выводы. *В начале XX века в России присутствовали различные формы землевладения. Такой сложный и противоречивый механизм владения землей сложился в стране за несколько столетий и представлял собой настоящий «слоеный пирог». Основными владельцами земли в России были: государство, помещики и крестьянские общества. Помещичье землевладение подверглось значительным изменениям, теснимое крестьянством, испытывавшим острый земельный голод. Тем не менее оно показало свою достаточную жизнеспособность и устойчивость к веяниям времени, а помещичьи хозяйства оставались надежным поставщиком сельскохозяйственной продукции как в России, так и на мировых сельскохозяйственных рынках. Значительным изменениям после революционных событий 1905–1907 годов подверглось крестьянское общинное землевладение. Правительством были предприняты значительные шаги по созданию в российской деревне «среднего класса» путем формирования института личного крестьянского землевладения.*

Ключевые слова: *помещичье землевладение; крестьянское землевладение; общинное землевладение; помещичье хозяйство; крестьянское хозяйство; аграрная реформа; землеустройство.*

Финансирование: *Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2022 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Колупаев А. А. Особенности развития землевладения в России в начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 191–200. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-191–200.

Поступила в редакцию 15.04.2022 Принята к публикации 20.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Колупаев А. А., 2022

Features of the Development of Land Ownership in Russia at the Beginning of the XX Century

Andrei A. Kolupaev[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kolupaev79@mail.ru

Abstract

Relevance. *In the first decades of the XXI century, the quality of prefecting musical education occurred in Russia. Outlooking programs implemented in children's music schools and musical departments of children's art schools do not allow students to fully master the game on musical instruments and get vocal skills necessary to continue vocational education. The beneficial effect on the improvement of the named region may also have an analysis and subsequent introduction into the practice of past experience, the achievements of the preceding generations of compatriots.*

The purpose *of this article is to cover approaches to the organization of educational activities and the educational process in institutions of initial professional music training of the Ulyanovsk region in the 1990s.*

The objectives *of the study: to determine the basic principles of the state policy of the 1990s in the field of domestic education as a whole and musical education in particular; explore and summarize published and unpublished materials containing information on approaches to the organization of educational activities and educational process in the children's schools of the arts of the Ulyanovsk region in the 1990s.*

Methodology. *Regulatory legal acts and archival documents were made as sources of this work. The study was also carried out with a support for published materials (monographs, articles). The paper used a number of scientific approaches, the main of which were the principle of objectivity, the method of system analysis, historical and comparative and historical and typological methods.*

Results. *The study showed that in the 1990s, the Ulyanovsk region had accumulated positive experience in the implementation of educational programs in the field of musical art in institutions of primary professional music training, which can be used today. In particular, issues were effectively solved with the creation of the publicly available to this type of education, ensuring the continuity of the training of educational and continuity of educational programs.*

Conclusion. *The results of the study seems to be able to use when creating educational programs in the field of musical art in the Russian Federation at the present stage.*

Keywords: *landownership; peasant landownership; communal landownership; landlord economy; peasant economy; agrarian reform; land management.*

Funding: *The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (No. 0851-2020-0033).*

Conflict of interest: *The Author declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kolupaev A. A. Features of the Development of Land Ownership in Russia at the Beginning of the XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 191–200. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-191-200.

Received 15.04.2022 Accepted 20.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Изучение особенностей развития землевладения в России в начале XX в. имеет важное значение для понимания процессов, происходивших в аграрном секторе страны в заявленный период. Ведь именно аграрный вопрос красной нитью прошел через все социальные катаклизмы первой четверти XX в. В условиях земельного голода в Центральной

России малоземельное крестьянство страны оказалось легко восприимчивой массой для революционной пропаганды. Запоздалые попытки царского правительства предоставить крестьянам право стать собственниками были уничтожены революционными событиями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной.

Методология

Современная научно-историческая концепция аграрного строя России основана на хронологическом и конкретно-историческом подходах. В свою очередь, методологию отличает ревизионизм исторических концепций и формирование объективных моделей развития. Все это дало возможность для объективной оценки особенностей развития землевладения в России в начале XX в. Данная статья представляет собой попытку объективно рассмотреть характерные черты и особенности поземельных отношений в Российской империи в переломный для страны период, основываясь на принципе историзма, методах объективности и научности и с помощью хронологического и историко-сравнительного подходов.

Результаты и их обсуждение

По данным отечественной статистики, накануне революции 1905–1907 гг. на территории 50 губерний Российской империи насчитывалось 280,0 млн десятин земли, из которых крестьянам, крестьянским обществам и товариществам принадлежало 154,4 млн десятин, или 55,4%. Частным землевладельцам принадлежало 86,1 млн десятин, или 30,8%. Казне и различным учреждениям принадлежало 39,5 млн десятин, или 14,1%. Следует отметить, что огромное значение для аграрного сектора экономики страны играли именно частновладельческие хозяйства.

Так, среди общей массы частновладельческих имений насчитывалось 27 833 латифундии размером свыше 600 десятин, в которых было учтено 62,0 млн десятин земли. Таким образом, латифундии составляли 72% всего частного землевладения, при этом в 699 владениях размером свыше 10 000 десятин насчитывалось 20,8 млн десятин [1, с. 331; 2, с. 32]. Именно эти крупные хозяйства представляли собой настоящие «фабрики зерна и мяса», являясь гарантом продовольственной безопасности страны и надежным поставщиком сельскохозяйственной продукции на мировые рынки. В качестве примера можно привести имение князей Барятинских в селе Нижние Деревеньки Льговского уезда Курской губернии. Хозяйство князей включало в себя 13 тыс. десятин земли и было разделено на 12 ферм. В хозяйстве были особенно развиты полеводство, плодоводство и пчеловодство, имелась большая водяная мельница на реке Сейм. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже хозяйство получило большую золотую медаль как образцовое [3, с. 204]. Таких хозяйств в России были тысячи, но ни одно из них не пережило революционные события 1917 г. и Гражданской войны [4, с. 331; 5, с. 32].

В этом отношении достаточно любопытным является сравнение России с Германией, классической страной «прусского» пути развития аграрного капитализма. Как показывают данные, в Германии менее чем за 40 лет, прошедших с революции 1848 г., в результате капиталистического развития крупное землевладение было в общем измельчено намного больше, чем в России к 1905 г. Если в Германии 1880-х гг. латифундии свыше 500 га занимали 25% частновладельческой земли и составляли в среднем каждая 1040 га, то в России на долю латифундий свыше 600 десятин приходилось 80% земли, а на каждое в среднем 2227 десятин, т. е. в два с лишним раза больше, чем на германскую латифундию, что, в свою очередь, свидетельствовало о значительной экономической устойчивости отечественных частновладельческих хозяйств [2, с. 34; 6, с. 301].

Также в России начала XX в. можно было наблюдать такую старинную форму землевладения, как майорат, которая на протяжении нескольких столетий не подверглась изменениям, несмотря на рост купли-продажи земли. В то время, как в Западной Европе эта форма землевладения в виде фидеикомиссов уже практически утратила свое значение, в России она не подверглась изменениям. Если владелец немецкого фидеикомисса мог по своей воле изменить порядок наследования или заложить имение, то владелец русского майората лишен был этих прав.

Первый в России майорат (после отмены указа 1714 г. о единонаследии) был учреждён по ходатайству графа Захара Чернышева ещё в 1774 г., но наибольшее число учреждений майоратов падает на вторую половину XIX в. и на начало XX в. Так, к началу XX в. заповедными стали владения крупнейших собственников: графа С. А. Строганова, князя С. М. Голицына, графа М. С. Воронцова, В. А. Орлова-Давыдова, О. Нарышкиной, князя А. Барятинского, светлейшего князя А. Меньшикова, графа С. Д. Шереметева, графов И. и С. Гагариных, П. А. Шувалова, графа А. А. Суворова-Рымникского, светлейшей княгини А. А. Имеретинской и многих других. Можно приблизительно считать, что майоратным законодательством было ограждено от мобилизации и раздробления около 4 млн десятин земли крупнейших аграриев [2, с. 35; 6, с. 290].

В 1899 г. был принят закон о так называемых временно-заповедных имениях, направленный на ограничение раздробления имений среднего размера и допускавший несколько большую свободу действий владельца, чем майоратное право. Но так как капиталистическое развитие требовало свободы мобилизации земли, этот закон получил очень ограниченное применение. Так, из 28 000 имений, заложенных в дворянском банке, до 1914 г. было превращено во временно-заповедные только 9 имений [2, с. 35; 7, с. 157].

Период сельскохозяйственного кризиса 1880–1890 гг. ознаменовался значительной убылью помещичьего землевладения. Революция 1905–1907 гг. явилась новым этапом в усилении мобилизации земли в России. Главным побудительным мотивом к продаже земель помещиками была боязнь крестьянских выступлений [2, с. 35].

Столыпинская аграрная реформа значительным образом способствовала развитию мобилизации земли. В результате в 1906–1914 гг. сделан был значительный шаг в движении землевладения от сословности к безсословности, уменьшении удельного веса дворянского землевладения в общей массе земель и увеличении доли других сословий [2, с. 35; 8, с. 204; 9, с. 214–225; 10, с. 123].

Так дворяне, чиновники и духовенство за 1887–1905 гг., т. е. за 18 лет, утратили 11,7 млн десятин земли, а за последующие шесть лет – 6,6 млн десятин. Следовательно, темп сокращения дворянского землевладения в результате революции 1905–1907 гг. и столыпинской аграрной реформы заметно усилился. В то же время увеличились покупки земли крестьянами. Возросло землевладение купцов и торгово-промышленных предприятий [2, с. 38; 8, с. 205; 9, с. 214–225; 10, с. 124].

Повышение мировых цен на хлеб способствовало укреплению в начале XX в. экономике капиталистических хозяйств и концентрации в их руках земельной собственности. Так, в период с 1910 по 1913 г. доля экспорта России в мировой торговле зерном составляла 35% [3, с. 238].

Однако было бы заблуждением считать, что дворяне только продавали землю. Столыпинская реформа вселяла в среду помещиков веру в то, что крестьяне-собственники станут надёжной опорой их собственных владений, и явилась известным стимулом для покупки земель частью дворян и организации на ней хозяйства [9, с. 214–225; 10, с. 125].

К тому же надо иметь в виду, что за годы столыпинской реформы дворянство утратило не более 20% своей земли, тогда как цены на оставшуюся в их руках землю повысились за те же годы примерно в два раза. Следовательно, по абсолютному своему богатству дворянство не только не ослабело, но значительно усилилось [9, с. 214–225; 10, с. 126].

Достаточно серьезное сокращение претерпело крупное землевладение. Так, в Самарской, Казанской и Воронежской губерниях площадь частного землевладения с 1905 по 1913 г. сократилась с 5164 тыс. десятин до 4200 тыс. десятин, т. е. на 18,7%; увеличилось число владений до 200 десятин и площадь земли у них; в высших группах владельцев произошло уменьшение землевладения: в группе от 5000 до 10 000 десятин – на 31,1%, в группе свыше 10 000 десятин – на 36,6%. Однако это уменьшение не дает никакого права говорить об утрате значения крупнейших латифундий: владения свыше 5000 десятин в 1913 г. составляли 2/3 всего частного землевладения названых губерний [2, с. 38; 11, с. 31; 12, с. 45; 13, с. 34; 14, с. 48]. Крупное частное землевладение было и продолжало оставаться надежным оплотом продовольственной безопасности России.

Крестьянское землевладение в 1905 г. выглядело следующим образом: у 12 млн дворов (без казаков) имелось 124,1 млн десятин надельной земли, кроме того, в 446,3 тыс. хозяйств (размером участков до 50 десятин) имелось купчей земли 4,3 млн десятин. Купленной сельскими обществами было 3,7 млн десятин и крестьянскими товариществами – 7,7 млн десятин. Всего, следовательно, купчей земли было 15,7 млн десятин, а вместе с надельной – 139,8 млн десятин. Земля распределялась весьма неравномерно: 10,5 млн бедняцких хозяйств имели 75 млн десятин надельной земли, т. е. почти столько же, сколько имели 133,9 тыс. частных собственников (размером участков свыше 50 десятин). Немногочисленный слой середняков (1 млн хозяйств) имел 15 млн десятин и зажиточные крестьяне (1,5 млн хозяйств) владели 70 млн десятин земли [2, с. 39; 15, с. 241; 12, с. 67; 16, с. 71].

Но и эти соотношения сильно сглаживают различия в землевладении, т. к. крестьянская земля невыгодно отличалась от частновладельческой как по качеству, так и по составу и по расположению угодий.

Столыпинская аграрная реформа внесла значительные изменения и в крестьянское землевладение. За 1907–1915 гг. из общины выделилось 2008 тыс. хозяйств с площадью 14 123 тыс. десятин, и в «беспередельных» общинах получили «удостоверительные акты» на закрепление земли и собственность 470 тыс. домохозяев с площадью 2796 тыс. десятин. Однако большинство земли продолжало оставаться в общинной собственности.

Столыпинская реформа укрепила землевладения зажиточных крестьян, скупавших земли через Крестьянский банк и непосредственно у крестьян, продававших свои наделы. С 1908 г., когда практически началась массовая продажа надельной земли, и по 1915 г. включительно до 1,2 млн дворов продали свою землю в количестве 3,9 млн десятин. Усилилась неравномерность распределения земли в деревне. Однако столыпинская реформа не успела достичь своей главной цели – создать прочную основу для монархии в деревне в лице «крепких хозяев». Землевладение зажиточных крестьянских хозяйств, хотя и значительное по размерам, было ещё недостаточно, чтобы крупное капиталистическое производство стало доминирующим в сельском хозяйстве России, что наложило серьезный отпечаток на характер изменений, происшедших в сельском хозяйстве в годы Первой мировой войны [13, с. 39; 15, с. 136–148; 18, с. 27–35].

Крестьянское землевладение, как и помещичье, продолжало носить ряд не-

достатков: резкие различия в обеспеченности землей по разрядам крестьян, районам и обществам, неравномерность распределения угодий, малоземелье крестьян как оборотная сторона многоземелья помещиков, общее с последними пользование некоторыми угодьями, чересполосность и т. д. [6, с. 275; 7, с. 109].

Для характеристики того, насколько столыпинская реформа смогла преобразовать землевладение в соответствии с требованиями капиталистического развития, остановимся на мерах по ликвидации чересполосности.

Чересполосность земельных владений досталась российскому земледелию от дореформенных межеваний, особенно от реформы 1861 г. Чересполосность предоставляла одним помещикам неоценимые выгоды для ведения отработочного хозяйства, а другим – огромное неудобство для организации капиталистических экономий. Особенно развита была чересполосность на Правобережной Украине. Волынский помещик А. Дейнека жаловался: «Я не могу устроить правильно ни полевого, ни лесного хозяйства, потому что все мои 9000 десятин испещрены мелкими клочками крестьянского владения (в 60-х гг.– 688 клочков, в 90-х гг. – вдвое больше); крестьяне также не могут с своей стороны пользоваться клочками надельной земли, не могут не прогнать туда для пастьбы свой скот, ни удобрить землю, ни даже добраться до своих участков для обработки их без потери времени и труда, так как они находятся... на пространстве 100 квадр. верст и участки некоторых крестьян находятся в 12 верстах от села по прямой линии» [2, с. 39–40; 11, с. 188; 19, с. 234; 20, с. 45].

В с. Уланок Суджанского уезда Курской губ., по признанию земства, даже «при подворном владении встречаются случаи дробления полей у отдельных домохозяев в 45, 51, 120 и 171 кусках, причём полоски достигают иногда 10–15 кв. сажен» [2, с. 41; 12, с. 189; 21, с. 17].

Развитие капитализма вело к тому, что даже в районе отработок чересполосность стала все больше стеснять даже помещиков, не говоря уже о крестьянах. Так, в материалах Курского земства указывалось: «Для большинства частных землевладельцев чересполосность владений, не представляя уже никакой выгоды, тяжела и стеснительна в смысле обязательного трёхполья, препятствия какому бы то ни было культурному прогрессу и никогда не прекращающихся худых отношений с соседями» [2, с. 42; 21, с. 190].

Колоссальные неудобства и вечные трения были связаны с широко распространёнными формами общего владения крестьян и помещиков различными угодьями. В Юго-Западном крае и в Белоруссии такой формой были так называемые сервитуты. Известный украинский экономист и общественный деятель Т. И. Осадчий, будучи хорошим знатоком Правобережья Украины, писал: «Своих выгонов нет и нанять негде – это общий возглас. Вот почему крестьяне цепко держатся за те ничтожные выгоды, которые вытекают из сервитутных прав» [2, с. 41; 21, с. 192].

Однако помещики всеми мерами старались лишить крестьян и этих ничтожных выгод. Из 3313 имений края, обремененных пастбищными сервитутами, к 1910 г. в 743 имениях земля фактически не предоставлялась крестьянам под выпас скота, т. к. помещики завели многопольное хозяйство; там же, где пар ещё оставался, он оказывался со всех сторон окружённым посевами помещика [2, с. 41; 21, с. 194].

Чересполосность, оставшиеся неразмежеванными общие владения, сервитутные отношения, наличие большого числа спорных участков – все это требовало незамедлительного размежевания земель как между помещиками и крестьянами, так и между крестьянскими обществами. Однако размежевание можно было произвести лишь в том случае, если между сторонами состоялось соглаше-

ние. Но так как многим помещикам чересполосность была выгодна, такие полюбовные соглашения достигались с большим трудом [2, с. 41; 21, с. 196].

В результате столыпинского землеустройства часть земель была размежевана. О том, что было сделано в этом отношении, можно отчасти судить по данным об итогах работы землеустроительных комиссий. Так, за 1907–1915 гг. по 451 уезду Европейской России об уничтожении чересполосности в комиссии поступило 9941 ходатайство, подготовкой закончено 4541 дело на площади 822,7 тыс. десятин, землеустроительных проектов утверждено 2715 на 339,9 тыс. десятин. Таким образом, фактически было удовлетворено всего лишь 27,3% ходатайств. К тому же мы совершенно ничего не знаем, о скольких чересполосных владениях не поступило ходатайств вследствие недостижения соглашений [1, с. 56; 2, с. 41; 21, с. 197].

О разделе угодий общего пользования крестьян и частных владельцев поступило за те же годы 1670 ходатайств, закончено подготовкой 593 дела на площади 91,8 тыс. десятин, утверждено землеустроительных проектов 291 (с площадью 52,0 тыс. десятин), что составляет всего лишь 17,4% общего числа поступивших ходатайств.

Приведенные данные показывают, что в результате столыпинского землеустройства чересполосность была уничтожена на весьма незначительной части земель. Так, в Гродненской губернии из 130 ходатайств об уничтожении чересполосности было удовлетворено всего лишь 28, в Минской из 116 – 8, в Киевской из 104 – 7, в Курской из 398 – только 10 и т. д. [2, с. 41; 21, с. 202]

Таким образом, чересполосность продолжала существовать как в помещичьем, так и в крестьянском землевладении, тормозя и зачастую совсем исключая возможность капиталистически передовой организации земледелия.

Выводы

Таким образом, сложное по своей структуре и истории формирования российское землевладение в начале XX в. подверглось сначала значительной трансформации в рамках столыпинской аграрной реформы, а затем и полному слому в ходе революционных событий 1917 г. и последовавшей за ним Гражданской войны. Исследуя его особенности, можно понять причины случившихся с ним и с Россией катаклизмов. Постоянные попытки царского правительства отсрочить решение аграрного вопроса в стране и запоздавшая аграрная реформа Столыпина в условиях начавшейся Первой мировой войны не смогли вывести аграрные отношения в стране на новый, успешный и безопасный для всех его участников уровень. Выстраиваемые столетиями земельные отношения, к сожалению, были варварски уничтожены большевиками, часто вместе с владельцами земли.

Список литературы

1. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.

2. Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны 1914 – февраль 1917 г. М.: Изд-во социально-экон. лит-ры, 1962. 382 с.

3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчёты и оценки: [пер. с англ.]. М.: РОССПЭН, 2003. 254 с.

4. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. М., 1923. Т. 5, вып. 2. 218 с.

5. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 → 1917–1922 гг.: [пер. с англ.]. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

6. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: Наука, 1969. 396 с.

7. Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 207 с.

8. Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Изд-во МГУ, 1973. 335 с.

9. Тюкавкин В. Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.): материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории / [редкол.: И. Д. Ковальченко (отв. ред.) и др.]. Таллинн: АН ЭССР, 1986. С. 214–225.

10. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

11. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.

12. Крестьянское движение в России в 1901–1904 годах: сборник документов / отв. ред. А. М. Анфимов. М.: Наука, 1998. 368 с.

13. Государственный дворянский земельный банк (Петербург). Отчет государственного дворянского земельного банка за 1915 год: 30-й отчетный год. СПб., 1916. 289 с.

14. Государственный дворянский земельный банк (Петербург). Отчет государственного дворянского земельного банка за 1916 год: 31-й отчетный год. СПб., 1918.

15. Есиков С. А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сборник научных статей / под ред. А. А. Слезина. М.; Тамбов: ООО «Центр-пресс»: ООО «ВИП-ГРАФ», 2009. Вып. VI. С. 136–148.

16. Крестьянское движение в России. Июнь 1907 – Июнь 1914: сборник документов / ред. А. В. Шапкарин. М.; Л.: Наука, 1966. 676 с.

17. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 431 с.

18. Щагин Э. М. Воздействие Первой мировой войны на народное хозяйство России // Россия в мировых войнах XX века: материалы научной конференции / под ред. А. В. Лубкова. М.: Изд-во МГПУ, 2002. С. 27–35.

19. Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак, 2013. 416 с.

20. Островский А. В. Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб.: Полторак, 2014. 441 с.

21. Ленин В. И. «Соседи по имению» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 20.

References

1. Zyryanov P. N. Krest'yanskaya obshchina Evropejskoj Rossii v 1907–1914 gg. [The peasant community of European Russia in 1907–1914]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 256 p.

2. Anfimov A. M. Rossijskaya derevnya v gody Pervoj mirovoj vojny 1914 – fevral' 1917 g. [Russian village during the First World War 1914 – February 1917]. Moscow, Izd-vo social'no-ekon. lit-ry, 1962. 382 p.

3. Gregori P. Ekonomicheskij rost Rossijskoj imperii (konec XIX – nachalo XX vv.). Novye podschyoty i ocenki [Economic growth of the Russian Empire (late XIX – early XX centuries). New calculations and estimates]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 254 p.

4. Pouezdnye itogi Vserossijskoj sel'skohozyajstvennoj perepisi 1917 g. po 57 guberniyam i oblastyam. *Trudy CSU = Proceedings of the CSU*, vol. 5, is. 2. Moscow, 1923. 218 p.

5. Shanin T. Revolyuciya kak moment istiny. 1905-1907 → 1917-1922 gg. [Revolution as a moment of truth. 1905-1907 → 1917-1922]. Moscow, Ves' mir Publ., 1997. 560 p.

6. Anfimov A. M. Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Large landlord economy of European Russia (late XIX – early XX century)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 396 p.

7. Anfimov A. M. Zemel'naya arenda v Rossii v nachale XX veka [Land lease in Russia at the beginning of the XX century.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1961. 207 p.

8. Sidel'nikov S. M. Agrarnaya reforma Stolypina [Stolypin's agrarian reform]. Moscow, MGU Publ., 1973. 335 p.

9. Tyukavkin V. G. Agrarnoe perenaselenie v Rossii v epohu imperializma. Sotsial'no-demograficheskie protsessy v rossiiskoi derevne (XVI – nachalo XX v.). Materialy XX sessii Vsesoyuznogo simpoziuma po izucheniyu problem agrarnoi [Agrarian overpopulation in Russia in the era of imperialism. Socio-demographic processes in the Russian countryside (XVI – early XX century). Materials of the XX session of the All-Union Symposium on the study of problems of agrarian history]. Tallinn, AN ESSR Publ., 1986, pp. 214–225.

10. Tyukavkin V. G. Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma [Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2001. 304 p.

11. Koconis Ya. Kak krest'yan delali otstalymi [How the peasants were made backward]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 320 p.

12. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 godah [The peasant movement in Russia in 1901–1904: a collection of documents]; ed. by A. M. Anfimov. Moscow, Nauka Publ., 1998. 368 p.

13. Gosudarstvennyi dvoryanskii zemel'nyi bank (Peterburg). Otchet gosudarstvennogo dvoryanskogo zemel'nogo banka za 1915 god: 30-i otchetnyi god [State Noble Land Bank (St. Petersburg). The report of the State Noble Land Bank for 1915: the 30th reporting year]. St. Petersburg, 1916. 289 p.

14. Gosudarstvennyi dvoryanskii zemel'nyi bank (Peterburg). Otchet gosudarstvennogo dvoryanskogo zemel'nogo banka za 1916 god: 31-i otchetnyi god [State Noble Land Bank (St. Petersburg). The report of the State Noble Land Bank for 1916: the 31th reporting year]. St. Petersburg, 1918.

15. Esikov S. A. [The impact of the First World War on agriculture]. Gumanitarnye nauki: problemy i resheniya. Sbornik nauchnyh statej [Humanitarian sciences: problems and solutions. Collection of scientific articles]; ed. by A. A. Slezin. Moscow, Tambov, Centr-press Publ.; VIP-GRAF Publ., 2009, is. 6, pp. 136–148. (In Russ.)

16. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii. Iyun' 1907 – Iyun' 1914 [The peasant movement in Russia. June 1907 – June 1914]; ed. A. V. Shapkarin. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 676 p.

17. Ostrovskij A. V. Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konec XIX – nachalo XX v. [Russian village at a historical crossroads. The end of the XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2016. 431 p.

18. Shchagin E. M. [The impact of the First World War on the national economy of Russia]. Rossiya v mirovyh vojnah XX veka. Materialy nauchnoj konferencii [Russia in the World Wars of the XX century. Materials of a scientific conference]; ed. by A. V. Lubkov. Moscow, MGPU Publ., 2002, pp. 27–35. (In Russ.)

19. Ostrovskij A. V. Zernovoe proizvodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Grain production in European Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2013. 416 p.

20. Ostrovskij A. V. Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Animal husbandry of European Russia in the late XIX – early XX century]. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2014. 441 p.

21. Lenin V. I. "Sosedi po imeniyu" ["Neighbors on the estate"]. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. 5th ed. Moscow, Izd-vo polit. literatury, 1967. Vol. 20.

Информация об авторе / Information about the Author

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Cand. of Sci. (History), Associate Professor of the Department of of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
e-mail: kolupaev79@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-9438-3430

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-201-210

(cc) BY 4.0

Жилищно-бытовые проблемы населения Казахстана в послевоенные годы (на материалах Актюбинской области)

Р. Р. Хисамутдинова[1], А. К. Мухамбетгалиева[2] ✉

[1] Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская 19, г. Оренбург 460000, Российская Федерация

[2] Западно-Казахстанский медицинский университет имени Марата Оспанова
ул. Маресьева 68, г. Актобе 030019, Республика Казахстан

✉ e-mail: k.alima.82@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Одним из важных показателей уровня материально-бытовых условий жизни граждан является обеспеченность жильем. Жилищные вопросы в Казахстане были весьма непростыми и в предвоенные годы. С началом Великой Отечественной войны размещение в республике большого количества эвакуированных людей, промышленных предприятий и различных учреждений, а также тяжелая социально-экономическая ситуация существенно обострили их. Советскому правительству пришлось принимать серьезные меры, направленные на обеспечение хотя бы элементарным жильем, улучшение условий труда и жизни рабочих, благоустройство городов и поселков, расширение жилфонда. Эти проблемы остались и в послевоенный период.*

Цель исследования *– изучение проблем населения Актюбинской области, связанных с обеспечением жилья и бытовыми условиями проживания в послевоенные годы.*

Задачи: *проанализировать материально-бытовые проблемы населения: скученность как следствие нехватки жилой площади, слабое бытовое устройство и низкое санитарное состояние общежитий и домов; оценить деятельность органов власти в решении жилищно-бытовой проблемы в области.*

Методология. *В работе были использованы общенаучные методы (анализ и синтез) и специальные исторические методы: хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный.*

Результаты. *Исследование показало, что в целом жилищно-бытовое устройство населения Актюбинской области было сложным. Выявлены тяжелые материально-бытовые условия проживания рабочих, инвалидов войны и их семей. Развернувшееся жилищное строительство в области увеличило количество домов. Однако в городах решить эту проблему не удалось, происходило уплотнение существующей жилплощади, и средняя жилплощадь на одного человека в 1952 году была меньше общесоюзных показателей.*

Вывод. *Низкая оснащенность строительным оборудованием и кадрами тормозили развитие жилищного строительства в Актюбинской области. За исследуемый период выявлен определенный рост жилплощади и количества построенных домов. Однако бытовое устройство горожан и жителей рабочих поселков оставалось довольно сложным. Результаты исследования могут выступать базой для дальнейшего изучения проблемы развития жилищного вопроса и организации устройства населения в Казахской ССР в послевоенный период.*

Ключевые слова: *Казахстан; Актюбинская область; послевоенный период; жилищная проблема; быт; население.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Хисамутдинова Р. Р., Мухамбетгалиева А. К. Жилищно-бытовые проблемы населения Казахстана в послевоенные годы (на материалах Актюбинской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 201–210. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-201-210.

Поступила в редакцию 28.04.2022 Принята к публикации 27.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Хисамутдинова Р. Р., Мухамбетгалиева А. К., 2022

Housing and Everyday Problems of the Population of Kazakhstan in the Post-war Years (Based on the Materials of the Aktobe Region)

Ravilya R. Khisamutdinova[1], Alima K. Mukhambetgalieva[2] ✉

[1] Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya str., Orenburg 460000, Russian Federation

[2] Marat Ospanov West Kazakhstan Medical University
68 Maresyev str., Aktobe 030019, Republic of Kazakhstan

✉ e-mail: k.alima.82@mail.ru

Abstract

Relevance. *One of the important indicators of the level of material and living conditions of citizens is the provision of housing. Housing issues in Kazakhstan were very difficult even in the prewar years. With the beginning of the Great Patriotic War, the placement in the republic of a large number of evacuated people, industrial enterprises and various institutions, as well as the difficult socio-economic situation, significantly aggravated them. The Soviet government had to take serious measures aimed at providing at least basic housing, improving the working and living conditions of workers, improving cities and towns, and expanding the housing stock. These problems remained in the post-war period.*

The purpose *study of the problems of the population of the Aktobe region related to the provision of housing and living conditions in the post-war years.*

Objectives: *analyze the material and everyday problems of the population: overcrowding as a result of a lack of living space, poor household equipment and poor sanitary condition of hostels and houses; evaluate the activities of the authorities in solving the housing and household problems in the region.*

Methodology. *The work used general scientific methods (analysis and synthesis) and special historical methods: chronological, comparative-historical, historical-systemic.*

Results. *The study showed that in general, the housing and household arrangement of the population of the Aktobe region was difficult. Difficult financial and living conditions for workers, war invalids and their families were revealed. Expanded housing construction in the region increased the number of houses. However, this problem could not be solved in the cities, the existing living space was being densified, and the average living space per person in 1952 was less than the all-Union indicators.*

Conclusion. *The low availability of construction equipment, personnel and materials hampered the development of housing construction in the Aktobe region. During the study period, a certain increase in living space and the number of houses built was revealed. However, the household arrangement of the townspeople and residents of workers' settlements at the enterprises of the city remained rather complicated. The results of the study can serve as a basis for further study of the problem of the development of the housing issue and the organization of the population in the Kazakh SSR in the post-war period.*

Keywords: *Kazakhstan; Aktobe region; post-war period; housing problem; way of life; population.*

Conflict of interest: *The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Khisamutdinova R. R., Mukhambetgalieva A. K. Housing and Everyday Problems of the Population of Kazakhstan in the Post-War Years (Based on the Materials of the Aktobe Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 201–210. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-201-210.

Received 28.04.2022 Accepted 27.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Одним из последствий Великой Отечественной войны стало разрушение жилищного фонда и ухудшение материально-бытовых условий жизни населения. Среди первых работ в российской историографии, посвященных исследованию послевоенного общества, были труды Е. Ю. Зубковой [1]. Повседневная жизнь

советского человека в послевоенный период исследовались А. В. Кучевой и В. С. Мордвинцевой [2], Ю. А. Поляковым [3].

В казахстанской историографии социально-экономическая жизнь населения в послевоенные годы рассматривается в исследованиях, посвященных истории повседневности. Среди них можно отметить труды К. К. Абдрахмановой [4], З. Г. Сактагановой [5], в которой раскрываются проблемы повседневности населения Центрального Казахстана. А. Н. Қали [6] изучает историю жизни тружеников аула в послевоенное время и затрагивает материально-бытовые условия их жизни.

В региональной историографии определенную научную ценность представляют исследования, посвященные социально-экономическим аспектам развития Актюбинской области. Труд М. К. Тажибаева [7], посвященный истории области в период 1864–1991 гг., позволил получить данные о развитии жилфонда области в послевоенный период. Социальные, культурные и хозяйственные преобразования в Актюбинской области в 50–80-е годы XX века рассматриваются в работах А. К. Есеркепова [8; 9]. Однако эти работы не воссоздают полную картину, в них слабо описана материально-бытовая сторона жизни актюбинцев после окончания войны. В связи с этим в данной статье в качестве отдельного аспекта рассматривается жилищное устройство населения и проблемы, связанные с ней в послевоенные годы на территории Актюбинской области.

Методология

В исследовании были использованы документы из фондов Государственного архива Актюбинской области и Центрального государственного архива Республики Казахстан, которые вводятся в научный оборот впервые. Не менее интересные материалы получены из периодической печати советского времени, как например, «Актюбинская правда» и «Ферросплавщик».

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ и синтез) и специальные исторические методы: хронологический, сравнительно-исторический, историко-системный. Применение этих методов позволило выявить проблемы в жилищно-коммунальном хозяйстве региона, проанализировать меры органов власти в области улучшения жилищно-бытовых условий проживания советского общества. Авторы в ходе исследования придерживались принципов научного историзма и объективизма.

Результаты и их обсуждение

После окончания Великой Отечественной войны многие регионы СССР испытывали серьезные трудности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе и те, на территории которых не было военных действий. Начавшаяся реэвакуация населения после окончания войны не улучшила ситуацию в плане разгрузки населения в Актюбинской области, т. к. оставались еще спецпереселенцы, дети, потерявшие своих родителей.

Экономические потенциалы определили Актюбинскую область как один из больших промышленных регионов на западе Казахстана, поэтому урбанизация в городе шла быстрыми темпами, что, в свою очередь, выдвинуло решение вопросов о нехватке жилищного фонда и улучшении его технического состояния в число первоочередных задач советского правительства.

В Казахстане не менее 50% жилого фонда требовало капитального восстановительного ремонта, тем более что основной жилищный фонд и многие здания были постройками дореволюционного вре-

мени, часть относилась к 1920–1930 гг. В частности, половину всего жилого фонда Актюбинска составляли одноэтажные дома из саманного кирпича, построенные в 30-е годы. Также 40% городского жилого фонда были коммунальные дома. Большинство населения в области проживало в неблагоустроенных деревянных рубленых, саманных и глинобитных домах, построенных самостоятельно.

Правительство понимало, что решить жилищную проблему только за счет уплотнения невозможно. Плотность людей в г. Актюбинск в середине 1940-х гг. была высокой, в среднем составляла 2,2 кв. м на одного человека. В 1946–1947 гг. в ведомстве Актюбинского городского жилищного управления числилось 379 домов, из них 165 многоэтажных, 214 индивидуальных домов [10, с. 107].

На протяжении 1946–1953 гг. в г. Актюбинске шло строительство многоэтажных и индивидуальных домов. Многоэтажными домами считались двухтрехэтажные строения, возведенные по линии министерств и ведомств.

Объёмы строительства жилья в послевоенный период были небольшими, т. к. ограничивались материальными возможностями предприятий и организаций. Препятствием на пути бурного развития жилищного строительства была плохая обеспеченность строительной техникой и материалами, а также квалифицированными кадрами. Отсутствие таких материалов, как лес, стекло, гвозди, кровельный материал, сильно отражалось на качестве ремонта и сроках выполнения.

Имеющийся жилой фонд Актюбинской области в количестве 532 домов в городах и 188 домов в райцентрах в большинстве своем находился в запущенном состоянии. В связи с дефицитом строительных материалов возведение деревянных домов, несмотря на его низкое качество и дороговизну, стало более популярным. Указания правительства о необходимости строительства в городах высокоэффективных 4-5-этажных домов игнорировались.

Индустриализация строительства в области началась в 1946 г. с создания треста «Актюбстрой». В течение послевоенного десятилетия трест сдал в эксплуатацию 60 крупных строительных объектов, в том числе и жилых домов. Так, по городам Актюбинской области в период с 1940 по 1950 г. жилая площадь возросла с 21,4 тыс. кв. м до 27, 1 тыс. кв. м, прирост составил 26,5%. Число домов увеличилось с 379 с жилой площадью 18118 кв. м в 1946 г. до 532 домов с жилой площадью до 27 107 кв. м в 1950 г. [11, л. 5, 9] Согласно материалам годовых отчетов в 1949 г. увеличивается количество жилых домов, находящихся в ведомстве местных Советов, например, в г. Челкар до 43 с общей жилплощадью 1156 кв. м против 9891 кв. м в 1948 г. В г. Темир количество домов увеличилось до 146, жилая площадь которых выросла с 4070 кв. м до 4347 кв. м [11, л. 108]. Однако несмотря на это жилплощадь на одного человека уменьшалась в г. Актюбинск: в 1947 г. – 6,1 кв. м, в 1948 г. – 5,5 кв. м, в 1949 г. – 5,1 кв. м, в 1950 г. – 4,8 кв. м; по г. Челкар жилая площадь сократилась с 5 кв. м в 1948 г. до 4,6 кв. м в 1950 г. [12, л. 6] Как видно, в городах происходило уплотнение существующей жилплощади, и в среднем жилая площадь на одного человека в 1952 г. составила 3,1 кв. м, что меньше общесоюзных показателей, которая равнялась в 1950 г. 4,67 кв. м жилья [13, с. 162].

Предприятия города в основном возводили малоэтажные дома. По разным причинам строительство жилья в центре города шло медленно, зато за счет частных застройщиков ускорилось строительство на окраинах города, в фабричном поселке.

Ежегодно государством отпускались средства в виде ссуды на строительство жилых домов для инвалидов и семей погибших воинов, проживающих в сельской местности. Согласно Постановлению Совнаркома СССР от 21 сентября 1945 г. «О мерах по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих» выдавалась ссуда на строительство и восстановление жилых домов в размере от 5 до 10 тыс. рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет[1]. В 1945 г. были оформлены документы на 80 человек для получения ссуды в размере 219 тыс. рублей через Комбанк на строительство и ремонт квартир [14, л. 38]. В 1949 г. на выдачу ссуды через сельхозбанк отпущено 40 тыс. руб. Эта сумма была распределена по районам. Однако в Степном, Хобдинском и Новороссийском районах средства в сумме 5500 руб. были выданы лицам, не являющимися инвалидами и семьями погибших воинов [15, л. 33].

За счет кредитов, отпускаемых государством на индивидуальное строительство, в 1947–1950-х гг. жители города получили 2900 земельных участков и построили там более 2 тысяч частных домов [16, л. 24]. Только в 1950 г. было построено 530 индивидуальных жилых домов общей площадью 11 700 кв. м. Общая сумма выделенных государственных кредитов на индивидуальное жилищное строительство в 1950 г. составило 995 тыс. рублей [17, л. 82]. В 1952 г. в г. Актюбинске построено 20 новых ведомственных домов общей площадью около 4000 кв. м, предприятиями города в 1953 г. сданы в эксплуатацию 32 дома, в том числе 10 двухэтажных с общей площадью 7658 кв. м [17, л. 123]. Например, на собранные средства городские рабочие в 1953–1954 гг. построили 62 дома общей жилой площадью 20 тыс. кв. м, из них 25 были 2-3-этажные дома. Только в 1953–1954 г. частными жителями построен 791 дом площадью 22 тыс. кв. м. Им был предоставлен кредит в размере 220 тыс. рублей исполкомом горсовета ведомственных предприятий и депутатами трудящихся города, постоянно оказывалась помощь в плане строительных материалов и транспорта. В целом за пятую пятилетку в Актюбинске было построено и сдано в эксплуатацию 35 198 кв. м жилья и индивидуальных домов общей площадью 41 678 кв. м, что позволило правительству постепенно решить проблему жилплощади.

Несмотря на увеличение числа частных домов и улучшение условий жизни населения это было лишь временной радостью. Из города добираться было сложно, а с транспортом в то время были проблемы, поэтому рабочие предприятий перенесли свои частные дома ближе к производственным площадкам и расширили территорию рабочего поселка. Администрация города и руководители предприятий проявляли халатность в решении названных проблем. Промышленная миграция вокруг городов и рабочих поселков в регионе, как Шубар-Кудук, Эмба, Батамши, Хромтау, постепенно привела к увеличению численности городского населения и сокращению жилой площади.

Социально-бытовые условия рабочих Актюбинского завода ферросплавов, трестов «Актюбнефть», «Актюбстрой» и других предприятий были сложными. В газете «Ферросплавщик» были опубликованы материалы комсомольского рейда

[1] Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 21 сентября 1945 г. № 2436 «О мероприятиях по оказанию помощи демобилизованным, семьям погибших воинов, инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих». URL: http://www.libussr. ru/doc_ussr/ussr_4564.htm (дата обращения: 23.03.2021).

бригады, проведенного в 1946 г. в общежитиях города: «В большинстве общежитий большая скученность, в комнатах душно. Особенно это чувствуется на первом этаже, где не разрешается открывать окна. В общежитии № 2 вот уже три месяца живет семья одного работника ремонтно-механического цеха. Ввиду большой скученности ЖКО взимает с рабочих плату за комнату до 400 рублей» [18, с. 2].

Условия проживания рабочих заводов были затруднены отсутствием мебели, душевых, прачечных и других удобств. Обследования санитарного состояния общежития показали, что «в общежитиях мало было тумбочек и вовсе некуда деть грязную спецодежду. Придя домой, рабочие кладут ее под койки, а чаще всего под подушки. Почти отсутствуют столы и скамейки. Рабочим приходится кушать на своей койке. Иногда на койке сидят посторонние люди» [18, с. 2].

Отсутствие элементарных бытовых условий, а также уголков для культурно-массовой работы приводило к тому, что молодые рабочие, в основном выпускники школ ФЗО, были предоставлены сами себе. Например, описывается, что «в общежитии № 4 рабочие ТЭЦ и плавцехов систематически играют в карты, проигрывая свою зарплату, вещи и даже продуктовые карточки» [19, с. 2].

В редакцию газеты «Актюбинская правда» часто поступали письма трудящихся с вопросами и жалобами. Редакция посылала эти письма в соответствующие организации, чтобы там приняли необходимые меры. Однако многие руководители отделывались обещаниями, отписками. Об этом, например, свидетельствует история жалобы рабочих нефтеразведки «Джуса» Мартукского района на управление треста «Актюбнефть», что работают в плохих условиях: общежития не благоустроены, постельные принадлежности не меняются, бани нет, хлеб выпекается очень низкого качества [19, с. 1]. На страницах газет печатались факты бездушного отношения к жалобам рабочих управляющих предприятий. Много жалоб на плохую работу суда и прокуратуры поступали из Джурунского, Новороссийского и Хобдинского районов.

Жилищные проблемы рабочих региона решались постепенно. Например, для рабочих завода «Актюбрентген», где в 1946 г. работали 528 человек, был сдан жилой дом №1 по ул. 50 лет Октября [20, с. 4]. В 1948, 1950, 1953 гг. сдано еще по одному дому по улицам Дзержинского и К. Либкнехта. В 1951 г. специалистам завода ферросплавов начали строить одноэтажные частные дома. Также в 1953 г. были предоставлены 43 коммунальные квартиры, в том числе: инвалидам Отечественной войны и труда – 5, учителям – 5, врачам – 3, специалистам – 2, многодетным матерям – 1 и руководящим работникам – 27 человек [17, л. 123].

Материально-бытовое положение семей инвалидов войны и погибших воинов было сложным. В 1949 г. подворным обходом произведено обследование 1761 инвалида Отечественной войны, 3882 членов семей погибших воинов и выявлено остронуждающихся 519 человек [14, л. 5]. Шефскими организациями в 1949 г. 520 инвалидам войны, 704 семьям погибших воинов оказаны различные виды помощи, в том числе в улучшении жилищно-бытовых условий проживания (258 т. угля, 120 куб. м дров) [15, л. 33].

Многие семьи испытывали нужду в жилплощади. Например, по решению суда заведующий Новороссийским райкомхозом Жанаров должен был переселить семью умершего инвалида Отечественной войны Муцнек из одной коммунальной квартиры в другую. Заведующий был обязан предоставить гражданке Муцнек взамен равноценную квартиру.

Но он не выполнил решение суда о предоставлении квартиры. Несмотря на это «14 ноября 1948 года сотрудники Новороссийской милиции выбросили вещи гражданки Муцнек на улицу. Двое суток в сильный мороз с двумя детьми-школьниками она сидела на улице около своих вещей. На третий день ей предоставили "квартиру" в складском помещении райпотребсоюза. В этом неприспособленном, холодном складе были вынуждены проживать гражданка Муцнек с дочерью и грудным ребенком» [21, с. 5]. Такие факты были не единичны. Например, заявление от инвалида Отечественной войны Еркимбаева о предоставлении ему квартиры не рассматривалось в течение одного года, до 1949 г.

Вместе с тем проводилась большая работа по созданию колхозных касс взаимопомощи, из средств которых оказывалась значительная помощь в ремонте жилых домов семей военнослужащих.

Одной из основных задач в развитии жилищно-коммунального хозяйства области было всемерное увеличение жилого фонда и электрификация домов. Большинство многоквартирных домов в Актюбинске испытывали трудности с электричеством. Для обеспечения предприятий и населения города электроэнергией в 1947 г. была построена высоковольтная линия электропередачи от завода ферросплавов до г. Актюбинск [22, л. 18]. Однако этим проблема не решилась, город оставался малоосвещенным. На 1 января 1948 г. по области работали 7 электростанций: Актюбинская, Темирская, Уильская, Кос-Истекская, Ново-Российская, Джурунская и Хобдинская.

Вода в городе подавалась с перебоями, вследствие чего в квартирах и общежитиях отсутствовали элементарные бытовые условия, присутствовала антисанитария. Улучшение бытового и материального благосостояния масс напрямую зависело от объема строительства жилых домов и ремонта имеющегося жилфонда. Быстрого роста уровня жизни советских граждан не произошло, т. к. недостаточное финансирование, текучесть кадров и дефицит строительных материалов стали основными причинами слабого жилищного строительства в области.

Выводы

Таким образом, ключевыми проблемами жилищно-бытового обустройства населения Актюбинской области в послевоенный период были слабое развитие жилищного строительства, низкая материально-техническая база строительных предприятий, отсутствие строительных материалов, техники и кадров. Отсутствие качественного ремонта жилфонда приводило к износу почти половины многоэтажных домов, что порой превышало количество новостроек в области. Недостатки жилищной политики государства проявились в низком жилищно-бытовом устройстве горожан. Жители частных домов решали вопросы с ремонтом и бытовым обустройством в основном самостоятельно, за счет собственных средств. Способ решения жилищно-бытовых проблем актюбинцы видели в обращении к местным органам власти с письмами, заявлениями, а порой и в областные периодические издания. Однако подобные действия не всегда имели положительные результаты. Жилищно-бытовые вопросы в масштабах города, в целом области в исследуемый период полностью не были решены. Большое количество инвалидов Отечественной войны, семей погибших воинов, а также военнослужащих нуждались в социальной помощи, улучшении неблагоприятных условий проживания, решении жилищной проблемы.

Список литературы

1. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

2. Кучева А. В., Мордвинцева В. С. Повседневная жизнь советского человека в послевоенный период (40-50-е годы XX века): основные стратегии выживания и преодоления травмы // Технологос. 2019. № 3. С. 73–83.

3. Поляков Ю. А. Человек в повседневности. (Исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 290–322.

4. Абдрахманова К. К. Жилищно-бытовые условия в Центральном Казахстане (1945–1953 гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 66–77.

5. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. Повседневность Центрального Казахстана в послевоенное десятилетие: проблемы здоровья городского населения и системы здравоохранения // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 4 (8). С. 90–99.

6. Кали А. Н. Соғыстан кейінгі жылдардағы ауыл өмірінің күнделікті тарихынан (1945–1960) // Edu.e-history.kz. 2021. № 4(28). https://edu.e-history.kz/kz/books/journal?id=4 (28),%202021 (дата обращения 25.03.2022).

7. Тажибаев М. Ақтөбе облысының тарихы (1864–1991). Ақтөбе, 1999. 280 б.

8. Есеркепов А. К., Тажибаев М. К. История Актюбинской области (1917–1991 гг.). Актобе, 2002. 264 с.

9. Есеркепов А. К. Социально-экономическое развитие Западного Казахстана второй половины XX в. (на примере Актюбинской области): дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 214 с.

10. Энциклопедия Актюбинской области. Актобе, 2002. 784 с.

11. ЦГАРК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. 1697. Оп. 1. Д. 705.

12. ГААО (Государственный архив Актюбинской области). Ф. 13. Оп. 16. Д. 256.

13. Мухамбетгалиева А. К. Развитие жилищно-коммунального хозяйства Актюбинской области в 1945-1953 гг. // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2021. Т. 102, № 3. С. 158–168.

14. ГААО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1366.

15. ГААО. Ф. 13. Оп. 119. Д. 334.

16. ГААО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 759.

17. ГААО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 825.

18. Улучшить быт молодых рабочих // Ферросплавщик. 1946. 20 сентября.

19. Большое внимание к запросам и жалобам трудящихся // Актюбинская правда. 1948. 25 февраля.

20. Актюбрентгену – 50 лет! // Время. 1991. 20 декабря.

21. Как в Новороссийске «заботятся» о семьях инвалидов войны // Актюбинская правда. 1948. 23 мая.

22. ГААО. Ф. 13. Оп. 18. Д. 251.

References

1. Zubkova Ye. Yu. Poslevoyennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, Rosspan Publ., 1999. 229 p.

2. Kucheva A. V., Mordvintseva V. S. Povsednevnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v poslevoyennyy period (40-50-ye gody XX veka): osnovnyye strategii vyzhivaniya i preodoleniya travmy [Everyday life of a Soviet person in the post-war period (40-50s of the XX century): the main strategies for survival and overcoming trauma]. *Tekhnologos = Tekhnologos*, 2019, no. 3, pp. 73–83.

3. Polyakov Yu. A. Chelovek v povsednevnosti. (Istoricheskiye aspekty) [Man in everyday life. (Historical Aspects)]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN*. 1999–2000 [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 1999–2000], is. 3; ed. by A. N. Sakharov. Moscow, IRI RAN, 2002, pp. 290–322.

4. Abdrakhmanova K. K. Zhilishchno-bytovyye usloviya v Tsentral'nom Kazakhstane (1945–1953 gg.) [Living conditions in Central Kazakhstan (1945–1953)]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy = Labyrinth. Journal of Social - Humanitarian Research*, 2012, no. 2, pp. 66–77.

5. Saktaganova Z. G., Abdrakhmanova K. K. Povsednevnost' Tsentral'nogo Kazakhstana v poslevoyennoye desyatiletiye: problem zdorov'ya gorodskogo naseleniya i sistemy zdravookhraneniya [Everyday life in Central Kazakhstan in the postwar decade: the problems of urban population health and health care system]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki = Vestnik of Omsk University. Historical Sciences Series*, 2015, no. 4 (8), pp. 90–99.

6. Kalï A. N. [From the daily history of rural life in the postwar years (1945–1960)]. Edu.e-history.kz, 2021, no. 4 (28). (In Kazakh) Available at: https://edu.e-history.kz/kz/books/journal?id=4(28),%202021 (accessed 25.03.2022).

7. Tajïbaev M. [History of Aktobe region (1864–1991). Aqtöbe, 1999. 280 p. (In Kazakh)

8. Yeserkepov A. K., Tazhibayev M. K. Istoriya Aktyubinskoy oblasti (1917–1991 gg.) [History of the Aktobe region (1917–1991)]. Aktobe, 2002. 264 pp.

9. Yeserkepov A. K. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Zapadnogo Kazakhstana vtoroy poloviny XX v. (na primere Aktyubinskoy oblasti). Diss. kand. ist. nauk [Socio-economic development of Western Kazakhstan in the second half of the twentieth century (on the example of the Aktobe region). Cand. history sci. diss.]. Moscow, 2003. 214 p.

10. Entsiklopediya Aktyubinskoy oblasti [Encyclopedia of Aktobe region]. Aktobe, 2002. 784 pp.

11. TSGARK (Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 1697, op. 1, d. 705.

12. GAAO (Gosudarstvennyy arkhiv Aktyubinskoy oblasti) [State archive of Aktobe region], f. 13, op. 16, d. 256.

13. Mukhambetgaliyeva A. K. Razvitiye zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva Aktyubinskoy oblasti v 1945–1953 gg. [The development of housing and communal services in the Aktobe region in 1945–1953]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya = Bulletin of KazNU. Historical series*, 2021, vol. 102, no. 3, pp. 158–168.

14. GAAO, f. 14, op. 1, d. 1366.

15. GAAO, f. 13, op. 119, d. 334.

16. GAAO, f. 30, op. 1, d. 759.

17. GAAO, f. 30, op. 1, d. 825.

18. Uluchshit' byt molodykh rabochikh [To improve the life of young workers]. *Ferrosplavshchik = Ferrosplavschik*, 1946, September 20.

19. Bol'shoye vnimaniye k zaprosam i zhalobam trudyashchikhsya [Great attention to the requests and complaints of workers]. *Aktyubinskaya Pravda =Aktobe truth*, 1948, February 25.

20. Aktyubrentgenu – 50 let! [Aktubrentgen is 50 years old!]. *Vremya = Time*, 1991, December 20.

21. Kak v Novorossiyske "zabotyatsya" o sem'yakh invalidov voyny [How in Novorossiysk they "take care" of the families of war invalids]. *Aktyubinskaya pravda = Aktobe truth*, 1948, May 23.

22. GAAO, f. 13, op. 18, d. 251.

Информация об авторах / Information about the Authors

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна,
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Ravilya R. Khisamutdinova, Dr. of Sci. (Historical), Professor, Head of the Department of General History and Methods of Teaching History and Social Science, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Мухамбетгалиева Алима Кенжегалиевна,
старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин, Западно-Казахстанский медицинский университет им. Марата Оспанова, г. Актобе, Республика Казахстан; аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация
e-mail: k.alima.82@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0293-2894

Alima K. Mukhambetgalieva, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Marat Ospanov West Kazakhstan Medical University, Aktobe, Republic of Kazakhstan, Post-Graduate Student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: k.alima.82@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0293-2894

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-211-221

CC BY 4.0

Высшее музыкальное образование в России во второй половине XIX – начале XX века: проблемы кадрового обеспечения учебных заведений

И. Н. Суетин[1] ✉, А. И. Ерёмина[2]

[1] Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
площадь Ленина 4/5, г. Ульяновск 432071, Российская Федерация

[2] Ульяновский авиационный колледж
проспект Созидателей 13, г. Ульяновск 432059, Российская Федерация

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Политика современных государств направлена на совершенствование национальных систем образования, в частности отдельных ее отраслей. Позитивным изменениям в данном вопросе может способствовать изучение опыта прошлых поколений и внедрения его в современную практику.*

Цель *настоящей статьи состоит в освещении подходов к кадровому обеспечению музыкальных вузов России во второй половине XIX – начале XX века.*

Задачи исследования: *изучить фактологический материал, отражающий направления работы руководителей отечественных консерваторий второй половины XIX – начала XX века по кадровому обеспечению учебных заведений; выявить степень эффективности данной деятельности.*

Методология. *При написании статьи использовались следующие материалы: исторические очерки, журнальная периодика, справочная литература, диссертации, научные монографии и статьи. Работа проводилась с опорой на принцип объективности. В ходе исследования применялись: метод системного анализа, историко-сравнительный и историко-типологический методы.*

Результаты. *Исследование показало, что во второй половине XIX – начале XX века в отечественных музыкальных высших учебных заведениях был накоплен положительный опыт по привлечению для работы в них ведущих российских и зарубежных специалистов. В этом вопросе решающую роль сыграли руководители первых российских консерваторий А. Г. Рубинштейн (Петербург), Н. Г. Рубинштейн (Москва), С. К. Экснер (Саратов). Благодаря приглашенным ими практикам были созданы отечественные педагогические школы и подготовлено несколько поколений российских (советских) профессиональных музыкантов.*

Вывод. *Результаты настоящего исследования могут способствовать пересмотру подходов к кадровому обеспечению современных музыкальных вузов России.*

Ключевые слова: *высшее музыкальное образование; отечественные консерватории; кадровое обеспечение.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Суетин И. Н., Ерёмина А. И. Высшее музыкальное образование в России во второй половине XIX – начале XX века: проблемы кадрового обеспечения учебных заведений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 211–221. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-211-221.

Поступила в редакцию 23.03.2022 Принята к публикации 13.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Суетин И. Н., Ерёмина А. И., 2022

Higher Musical Education in Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Century: Problems of Personnel Support of Educational Institutions

Ilya N. Suetin[1] ✉, Anastasia I. Eremina[2]

[1] Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova
Lenin square 4/5, Ulyanovsk 432071, Russian Federation

[2] lyanovsky Aviation College
13 Sozidatelei Ave., Ulyanovsk 432059, Russian Federation

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Abstract

Relevance. *The policy of modern states is aimed at improving national education systems, in particular, individual industries. Positive changes in this issue can be facilitated by the study of the experience of past generations and introducing it into modern practices.*

The purpose *of this article is to cover approaches to personnel support of music universities in Russia in the second half of the XIX - early XX century.*

The objectives *of the study: study the factual material, reflecting the directions of work of the heads of domestic conservatories of the second half of the XIX - the beginning of the 20th century on personnel support of educational institutions; Identify the effectiveness of this activity.*

Methodology. *When writing the article, the following materials were used: historical essays, journal periodicals, background, dissertations, scientific monographs and articles. The work was carried out with a support on the principle of objectivity. The study used the system analysis method, historical and comparative and historical and typological methods.*

Results. *The study showed that in the second half of the XIX - early XX century, a positive experience was accumulated in domestic music institutions to attract leading Russian and foreign specialists to work in them. In this matter, the leaders of the first Russian conservatories A. G. Rubinstein (Petersburg), N. K. Rubinstein (Moscow), S. K. Eksner (Saratov) played a crucial role. Thanks to their invited practitioners, domestic pedagogical schools were created and several generations of Russian (Soviet) professional musicians were prepared.*

Conclusion. *The results of this study may help revise approaches to personnel support of modern music universities in Russia.*

Keywords: *higher musical education; domestic conservatory; recruitment.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Suetin I. N., Eremina A. I. Higher Musical Education in Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Century: Problems of Personnel Support of Educational Institutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(3): 211–221. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-211-221.

Received 23.03.2022 Accepted 13.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Внутренняя политика ведущих государств мира на современном этапе направлена на совершенствование национальных систем образования. Российская Федерация не исключение. Представители отечественного научного сообщества (Д. А. Пашенцев [1], О. В. Стульникова [2] и др.) сходятся во мнении, что в стране до настоящего времени полностью не реализован принцип общедоступности образования, требуется улучшать качество образовательных услуг, увеличивать объемы финансирования образователь-

ных учреждений, повышать уровень компетентности педагогических работников и др.

Ряд проблем существует в области российского высшего музыкального образования, в частности наблюдаются трудности с полноценным кадровым обеспечением учебных заведений. Высокие требования к профессорско-преподавательскому составу современных консерваторий обусловлены вузовскими методическими традициями обучения музыкантов: «В вопросах соотношения традиционализма и консерватизма большую роль играет индивидуальное общение при передаче информации «от учителя к ученику»; актуальным становится не столько противопоставление традиционного и нового, сколько их органичное единение»[1]. Одной из проблем в сфере высшего музыкального образования российской провинции является тот факт, что выпускники вузов Москвы и Санкт-Петербурга (ведущие отечественные музыкально-образовательные центры) после окончания учебных заведений предпочитают трудоустраиваться в столичных городах России или в других странах и не пополняют штаты консерваторий в регионах. «Ранее, благодаря системе распределения выпускников, многие региональные вузы получали в ряды педагогического состава представителей московской и ленинградской школ. Сегодня это возможно только при целевом наборе обучающихся, которые обязаны вернуться к своему работодателю. Особенно актуальна эта проблема в ситуации, когда превосходно обученный выпускник находит работу за рубежом, обогащая страну въезда "бесплатным" – поскольку на его обучение не было затрачено ни копейки – специалистом»[1].

Главный дирижер и художественный руководитель Губернаторского симфонического оркестра Иркутской областной филармонии И. Лапиньш считает, что проблема оттока профессиональных музыкантов из регионов стоит очень остро: «У нас в штате 106 человек, а в наличии сегодня 75 музыкантов. У нас очень хорошее училище. Сейчас там учатся 28 струнников. Многие уезжают в Москву и Санкт-Петербург, но обратно никто не приезжает»[2]. Исполняющий обязанности ректора Казанской государственной консерватории В. Дулат-Алеев, говоря о кадровом потенциале учебного заведения, отмечает: «В искусстве никогда нельзя говорить, что все хорошо и всего хватает. Даже если все хорошо и всего хватает. У нас прекрасный коллектив, есть все специалисты, но мы хотим, чтобы к нам приезжали хотя бы на мастер-классы очень видные музыканты. Я считаю, что в консерватории должны работать все лучшие профессионалы»[3].

Дефицит квалифицированных специалистов в музыкальных вузах страны, как справедливо отмечает исследователь Л. И. Бурдиян, обусловлен падением престижа музыкальной профессии и низким уровнем оплаты труда педагогических работников: «В том случае, когда весь долгий путь формирования специалиста завершается трудностями поиска соответствующего места работы, заработной платой на грани прожиточного минимума и отсутствием перспектив карьерного роста, уровень заинтересованности всех вовлеченных в процессы образования сторон заметно снижается. В области музыкального образования обозначенная ситуация обычно проявляется в регионах, от-

[1] Специфика подготовки музыкантов в системе высшего образования. URL: https://akvobr.ru/specifika_podgotovki_muzykantov_vysshego_obrazovaniya.html (дата обращения: 14.03.2022).

[2] В Министерстве культуры обсудили дефицит кадров. URL: https://minkultrb.ru/news/news/24447-v-ministerstve-kultury-obsudili-defitsit-kadrov-/ (дата обращения: 14.03.2022).

[3] Подготовка национальных кадров» – сегодня нет такого понятия! URL: https://www.business-gazeta.ru/article/536103 (дата обращения: 14.03.2022).

даленных от таких городов-государств, как Москва, Санкт-Петербург, и часто квалифицируется как некая социокультурная неизбежность, экономическая необходимость» [3].

Очевидно, что требуется разработка комплекса мер, направленных на полноценное кадровое обеспечение музыкальных вузов России, как в столичных городах, так и в провинции. Этому может способствовать изучение опыта прошлого. *Цель настоящей статьи* состоит в освещении подходов к кадровому обеспечению музыкальных вузов России во второй половине XIX – начале XX века.

Методология

Основу источниковой базы исследования составили исторические очерки и журнальная периодика. Работа проводилась также с опорой на опубликованные материалы (диссертации, монографии, научные статьи). В ходе исследования применялись различные научные подходы и методы. Принцип объективности позволил выделить как достижения, так и недостатки в работе руководителей музыкальных вузов второй половины XIX – начала XX в. по кадровому обеспечению образовательных организаций. Метод системного анализа помог определить основные направления кадровой политики руководства Императорского русского музыкального общества по привлечению в учебные заведения высококвалифицированных отечественных и зарубежных специалистов. Историко-сравнительный метод позволил установить различия и аналогии в работе консерваторий Москвы, Санкт-Петербурга и Саратова по подбору кадров. При помощи историко-типологического метода в исследовании была произведена типологизация кадрового потенциала музыкальных вузов России в вышеназванный период, основным критерием для которой выступала принадлежность специалистов к ведущим отечественным и зарубежным консерваторским школам.

Результаты и их обсуждение

Во второй половине XIX – начале XX в. в России существовала эффективная система профессионального музыкального образования, структура которой включала три звена: музыкальные классы (начальное), музыкальные училища (среднее), консерватории (высшее). Данная система была сформирована благодаря инициативе видных деятелей отечественного музыкального искусства и работе Русского музыкального общества (РМО), которое было образовано в 1859 г. (с 1868 г. Императорское русское музыкальное общество (ИРМО)). Как отмечает А. И. Пузыревский, эта организация имела цель способствовать распространению музыкального образования среди российского населения, содействовать развитию разнообразных отраслей музыкального искусства, поддерживать и поощрять талантливых отечественных композиторов, педагогов и исполнителей [4]. При поддержке РМО и на фоне развития городов (урбанизации) в этот период была создана разветвленная сеть музыкально-образовательных учреждений по всей территории Российской империи. Подготовку музыкантов высшего звена осуществляли консерватории в Петербурге (с 1862 г.), Москве (с 1866 г.) и Саратове (с 1912 г.) [5].

Первая отечественная консерватория была основана в 1862 г. в Петербурге по инициативе выдающегося отечественного пианиста, педагога и композитора А. Г. Рубинштейна. Попытки открыть музыкальный вуз в России существовали и раньше. В 1852 г. А. Г. Рубинштейн обратился с прошением к императору Николаю I, в котором указывал на необходимость открытия Музыкального института при Академии художеств, где еще с 1764 г. преподавались музыкальные дисциплины. На тот момент открытию подобного учебного заведения помешало отсутствие финансовой поддержки. Высшее учебное заведение при РМО удалось открыть лишь после сбора по всей

стране необходимых денежных средств. Название «консерватория» было дано императором Александром II. С этого момента был повышен статус подобных образовательных организаций по сравнению с музыкальными училищами РМО, которые составляли среднее звено в структуре системы профессионального музыкального образования. Выпускникам консерваторий выдавался документ (диплом) на звание свободного художника [6].

Руководитель первой российской консерватории А. Г. Рубинштейн был уникальным специалистом, поскольку прошел школу подготовки у видных отечественных и зарубежных преподавателей (в России у А. И. Виллуана, в Германии у Т. Куллака и З. Дена) [7]. Его педагогические принципы базировались на необходимости непрерывного совершенствования технических навыков исполнителя. Преподаватель большое внимание уделял подбору репертуара, требовал от учеников тщательной работы с авторскими текстами музыкальных произведений [7]. Исследователь М. В. Харионовская указывает на то, что лекции А. Г. Рубинштейна представляли своего рода курсы повышения квалификации педагогов-музыкантов. К положительным качествам музыканта автор относит то, что А. Г. Рубинштейн употреблял афоризмы, прибегал к образным ассоциациям, определял характерные моменты фактуры и гармонического изложения, композиционные особенности исполняемого материала [8]. В. Д. Булгаков отмечает, что педагогическая система А. Г. Рубинштейна строилась на принципах последовательности и систематичности в обучении, а сам педагог рассматривал виртуозность игры как средство воплощения музыки (не как самоцель в обучении) [9].

Для «молодого» вуза остро требовались квалифицированные педагоги. Организаторские способности первого директора Петербургской консерватории позволили сразу наладить кадровое обеспечение учебного заведения. Для преподавательской работы были приглашены лучшие музыканты города: Г. И. Венявский (скрипка), А. А. Герке (фортепиано), Ф. О. Лешетицкий (фортепиано) и др. Следующим образом описывает педагогическое мастерство преподавателя Г. И. Венявского исследователь Хаочуань Дин: «Романтическая, яркая, оригинальная индивидуальность Венявского во многом определяла качества его педагогической системы; он стремился воспитывать своих учеников на разнообразном репертуаре, содержащем большое количество классических произведений; Венявский очень ценил и придавал огромное значение инструктивному материалу профессоров Парижской консерватории (знаменитые 42 этюда Р. Крейцера он считал “библией” для скрипача); приемы виртуозных, блестящих пассажных движений получили в классе у Венявского особенно широкое развитие» [13, с. 219].

Хань Мо отмечает: «Важную роль в сближении европейской и русской музыкальной культуры сыграл в описываемый период времени А. Герке, получивший музыкальное образование у Ф. Калькбреннера, Ф. Риса и И. Мошелеса; одной из особенностей педагогической системы Герке было стремление включать в педагогический репертуар своих учеников сочинения современных рассматриваемой эпохи композиторов – Шопена, Листа, Шумана и др.; в своей педагогической деятельности Герке был также мастером в области развития пальцевой техники своих учеников, добиваясь от них точности и ровности пассажей» [11, с. 242]. В число его учеников входили такие российские музыканты, как Г. Ларош, М. Мусоргский, В. Стасов, П. Чайковский и др.

О. А. Курганская отмечает: «Польский пианист Теодор Лешетицкий – один из крупнейших фортепианных педагогов второй половины XIX в. Школа Лешетицкого была сама по себе довольно сложным явлением. Ученик К. Черни, во

многих взглядах он был близок традициям венской классики» [12, с. 212]. Л. А. Галечян выделяет следующие черты педагогических подходов Т. О. Лешетицкого: устойчивая и свободная посадка за инструментом, культура певучего звука в его разнообразных градациях, свободное положение локтя при игре на инструменте, яркая и пластичная динамика, использование принципов вокальной фразировки, подбор продуманной аппликатуры, выразительное интонирование мелодии, работа над ритмом, темповое единство, виртуозная пальцевая техника, логичность и уравновешенная стройность изложения, индивидуальный подход к каждому ученику и др. [13]

С 1867 г. Петербургскую консерваторию возглавляли другие видные музыканты: теоретик и авторитетный ученый Н. Заремба; М. Азанчевский – специалист, создавший научную библиотеку вуза на основе коллекции редких зарубежных изданий; виолончелист К. Давыдов – прославленный исполнитель, организатор оперного класса и класса оркестровой игры. К. Давыдов являлся также автором устава вуза 1878 г. [14]

Огромное значение для вуза имела педагогическая деятельность Н. А. Римского-Корсакова. Его приглашение в число профессоров консерватории в 1871 г. явилось крупнейшим событием в развитии музыкального образования в России. Музыкальный критик П. Серебряков отмечает, что Н. А. Римский-Корсаков внес в русскую музыкальную педагогику демократическую и ярко национальную струю, его педагогические принципы создали прочный фундамент для творческого развития отечественной музыкальной педагогики [15]. Исследователь В. Д. Булгаков относит к важным педагогическим принципам Н. А. Римского-Корсакова следующие подходы: необходимость связи теоретического обучения с получением практических исполнительских навыков при помощи различных форм концертного апробирования обучающимися своей игры, систематичность и последовательность в занятиях. К авторским подходам музыканта автор относит систему дифференциации в образовании хоровика-музыканта [9]. За годы работы (более тридцати пяти лет) педагог воспитал свыше двухсот учеников различных специальностей (композиторов, исполнителей, дирижеров, теоретиков). В статье П. Серебрякова перечисляются наиболее известные воспитанники музыканта. Это С. А. Аренский, М. М. Иппалитов-Иванов, А. К. Лядов, И. И. Витоль, Н. В. Лысенко, С. С. Прокофьев, Н. Я. Мясковский, Б. В. Асафьев, М. Ф. Гнесин, А. В. Оссовский и др. [15]

С 1905 г. руководителем вуза был назначен А. К. Глазунов. Данный музыкант являлся убежденным последователем классических традиций, был бесконечно предан учебному заведению, способствовал его процветанию и развитию. Вот как описываются его человеческие качества в книге «Ленинградская консерватория в воспоминаниях»: «Глазунов обладал исключительной добротой и отзывчивостью, строгостью и бескомпромиссностью. К студентам он относился с поистине отеческой заботой и сердечностью» [16, с. 8]. За период его руководства вуз объединил большое число опытных специалистов, воспитал многочисленных музыкальных деятелей, исполнителей и композиторов, которые упрочили мировую славу русского музыкального искусства.

Важную роль в создании и развитии отечественного музыкального образования сыграла также Московская консерватория имени П. И. Чайковского, которая была основана РМО на базе Музыкальных классов в 1866 г. Подготовительную работу к ее открытию проводил Н. Г. Рубинштейн. Как отмечает Л. В. Музылева, российское правительство не понимало значения открытия музыкальных учебных заведений, а музыкальное искусство рассматривало как «шутейное занятие». Финансовые ассигнования со стороны

государственной власти на тот момент полностью отсутствовали [17]. Главной целью профессиональной деятельности педагога Н. Г. Рубинштейна являлось повышение авторитета и популяризация русских музыкантов и отечественной музыки. По его инициативе в курс консерватории были введены следующие дисциплины: транспонирование, камерный ансамбль, чтение с листа, концертмейстерская практика, педагогическая практика, фортепианный дуэт [18].

Для преподавательской работы в консерватории были приглашены видные зарубежные и отечественные музыканты-педагоги: П. И. Чайковский, М. М. Ипполитов-Иванов, С. И. Танеев, В. И. Сафонов и др. [19] Значительный вклад в развитие научно-методической и музыкально-просветительской сфер сделал композитор П. И. Чайковский – преподаватель Московской консерватории. К наиболее известным его методическим работам следует относить труды, которые впоследствии неоднократно переиздавались: «Руководство к практическому изучению гармонии» (1871 г.) и «Краткий учебник гармонии» (1874 г.). На данных учебниках были воспитаны несколько поколений отечественных музыкантов. Первым выпускником, окончившим Петербургскую консерваторию с большой серебряной медалью был известный русский композитор П. И. Чайковский (1865 г.). Наиболее интенсивный период творчества данного музыканта был связан с преподаванием в Московской консерватории [20].

Идеи о важности расширения общекультурного кругозора и необходимости глубокой музыкально-теоретической подготовки музыкантов поддерживал С. И. Танеев. Исследователь Н. А. Терентьева указывает на то, что в круг изучения музыкант считал необходимым ввести музыку всех эпох и стилей. Педагог ориентировал ученика на необходимость практического усвоения основных фаз эволюции, осознание закономерностей исторической преемственности музыки, на необходимость практического усвоения основных фаз эволюции. Приобщал к неисчерпаемым музыкальным сокровищам прошлого, эпохе контрапунктической полифонии [21].

За годы своего существования Московская консерватория достигла значительных успехов в подготовке специалистов-музыкантов высшей квалификации. Выпускниками вуза являлись: В. В. Борисовский, В. Г. Дулова, Г. Р. Гинзбург, Я. И. Зак, Л. Н. Оборин, Л. Б. Коган, С. Т. Рихтер, Е. Ф. Светланов, Г. Н. Рождественский, Я. В. Флиер, Д. Б. Кабалевский, Д. М. Цыганов, А. И. Хачатурян, Р. К. Щедрин, В. Я. Шебалин, Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева, В. Д. Конен и др. [22; 23]

В 1912 г. появилось первое учреждение высшего музыкального образования в Поволжье – Саратовская консерватория ИРМО (первоначально она именовалась «Алексеевская», в честь престолонаследника, цесаревича Алексея). После открытия данного учебного заведения региональная система подготовки специалистов музыкального профиля стала трехуровневой (школа – училище – вуз). На фоне урбанизационных процессов этого периода появление данного учреждения было вызвано объективной необходимостью. Большая роль в организации данного учебного заведения принадлежала педагогу-музыканту С. К. Экснеру (выпускник Лейпцигской (1878 г.) и Санкт-Петербургской (1883 г.) консерваторий по классам И. Мошелеса и Л. Беренса соответственно) [24]. Благодаря его активной организаторской деятельности в вуз были приглашены на работу видные музыканты – выпускники Московской консерватории А. Т. Зубанов (теория музыки), Л. М. Рудольф (теория музыки), Я. Я. Гаек (скрипка), В. В. Зайц (скрипка), И. А. Розенберг (фортепиано), Э. Я. Гаек (фортепиано, композиция), М. П. Домбровский (фортепиано), А. П. Рахманов (фортепиано) и др. [25]

Весомую роль для развития саратовского вуза сыграл музыкант чешского происхождения Э. Я. Гаек (выпускник Пражской консерватории по классу фортепиано Й. Иранека и классу композиции А. Дворжака). Данный специалист совершенствовал свои навыки у немецкого К. Анзорге (ученик Ф. Листа). Интенсивная педагогическая работа в Саратовской консерватории сочеталась у музыканта с насыщенной концертной деятельностью. Помимо выступлений в качестве солиста Э. Я. Гаек являлся дирижером симфонического оркестра вуза, с которым готовились сложные программы. Так, в 1913 г. впервые в Саратове был исполнен Второй концерт С. Рахманинова для фортепиано с оркестром. В 1917 г. художественный совет консерватории избрал его на должность профессора. В классе Э. Я. Гаека обучались многие известные впоследствии музыканты [25].

Выводы

Исследование показало, что во второй половине XIX – начале XX в. в отечественных музыкальных высших учебных заведениях был накоплен положительный опыт по привлечению для работы в них ведущих российских и зарубежных специалистов. В этом вопросе решающую роль играла частная инициатива. Ключевое значение для формирования педагогических коллективов первых отечественных консерваторий сыграли А. Г. Рубинштейн (в Петербурге), Н. Г. Рубинштейн (в Москве), С. К. Экснер (в Саратове). Благодаря приглашенным ими практикам, многие из которых имели иностранное происхождение и получили образование в ведущих консерваториях Европы, были созданы отечественные педагогические школы и подготовлено несколько поколений российских (впоследствии советских) музыкантов – инструменталистов, дирижеров, вокалистов, педагогов, теоретиков.

В современных условиях, когда на фоне падения престижа музыкальной профессии музыкальные вузы России испытывают трудности с кадровым обеспечением учебных заведений, необходим пересмотр подходов к привлечению в их штаты высококвалифицированных специалистов, чему могут способствовать результаты настоящего исследования.

Список литературы

1. Пашенцев Д. А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 8–13.

2. Стульникова О. В. Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 225 с.

3. Бурдиян Л. И. Высшее музыкальное образование: проблемы и перспективы приобщения к Болонскому процессу // Педагогика и психология образования. 2018. № 1. С. 71–83.

4. Пузыревский А. И. ИРМО в первые 50 лет его деятельности (1859–1909 гг.). СПб.: Тип. В. Я. Мильштейна, 1909. 47 с.

5. Мухамедов Р. А., Суетин И. Н. Урбанизация как фактор формирования системы музыкального профессионального образования в России // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 2. С. 136–146.

6. Браудо Е. Первая русская консерватория // Фронт науки и техники. 1939. № 1. С. 112–115.

7. Баренбойм Л. Антон Григорьевич Рубинштейн: 1867–1894. Л.: Музгиз, Ленингр. отд-ние, 1962. 492 с.

8. Харионовская М. В. Становление и развитие российской системы непрерывного образования преподавателей-музыкантов. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2007. 64 с.

9. Булгаков В. Д. Развитие хорового образования в России второй половины XIX – XX веков: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Казань, 2002. 35 с.

10. Хаочуань Дин. Генрик Венявский: опыт библиографического исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 4-1. С. 216–222.

11. Хань Мо. Педагогические условия освоения китайскими студентами особенностей русской школы пианизма // Преподаватель XXI век. 2017. № 4-1. С. 233–244.

12. Курганская О. А. Т. Лешетицкий и А. Есипова – продолжатели традиций русской фортепианной педагогики XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. № 2. С. 212–215.

13. Галечян Л. А. Музыкально-педагогические принципы Т. О. Лешетицкого и современная практика преподавания фортепиано // Письма в Эмиссия. 2011. № 1. С. 1547.

14. Голубенский Ю. Консерватория имени Римского-Корсакова (к столетию со дня основания) // Нева. 1962. № 9. С. 208.

15. Серебряков П. Ленинградской консерватории 100 лет (статьи и документы) // Советская музыка. 1962. № 9. С. 88–109.

16. Ленинградская консерватория в воспоминаниях (1862–1962). Л.: Музгиз, Ленингр. отд-ние, 1962. 415 с.

17. Музылева Л. В. 100 лет Московской консерватории // Советские архивы. 1966. № 4. С. 96–97.

18. Баренбойм Л. Николай Григорьевич Рубинштейн. М.: Музыка, 1982. 277 с.

19. Бэлза И. Гордость русской музыкальной культуры. К столетию Московской консерватории // Октябрь. 1966. № 9. С. 195–197.

20. Из истории ленинградской консерватории. Материалы и документы. 1862–1917. Л.: Музгиз, Ленингр. отд-ние, 1964. 327 с.

21. Терентьева Н. А. История и теория музыкальной педагогики и образования. СПб.: Образование, 1994. 148 с.

22. Николаев Л. К столетию Московской консерватории (1866–1966) // Музыкальная жизнь. 1966. № 14. С. 8–9.

23. Городинский В. К восьмидесятилетию Московской консерватории // Огонек. 1946. №41. С. 34–35.

24. Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова: 1912–2012: энциклопедия. Саратов: Изд. ИП Везметинова, 2012. 444 с.

25. Из истории Саратовской консерватории / М-во культуры Сарат. обл., Сарат. гос. консерватория им. Л. В. Собинова. Саратов: Изд-во Сарат. консерватории, 2004. 180 с.

References

1. Pashencev D. A. Pravo na obrazovanie i problemy ego realizacii [The right to education and the problems of its implementation]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2, pp. 8–13.

2. Stul'nikova O. V. Konstitucionnoe pravo grazhdan na obrazovanie i problemy ego realizacii v sub"ektah Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The constitutional right of citizens to education and the problems of its implementation in the subjects of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2008. 225 p.

3. Burdiyan L. I. Vysshee muzykal'noe obrazovanie: problemy i perspektivy priobshcheniya k Bolonskomu processu [Higher musical education: problems and prospects of applying to the Bologna process]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*, 2018, no. 1, pp. 71–83.

4. Puzyrevskij A. I. IRMO v pervye 50 let ego deyatel'nosti (1859-1909 g.) [IRMO in the first 50 years of his activity (1859-1909)]. St. Petersburg, Tip. V. Ya. Mil'shtejna, 1909. 47 p.

5. Muhamedov R. A. Urbanizaciya kak faktor formirovaniya sistemy muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii [Urbanization as a factor in the formation of the system of musical professional education in Russia]. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic history*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 136–146.

6. Braudo E. Pervaya russkaya konservatoriya [The First Russian Conservatory]. *Front nauki i tekhniki = Front of Science and Technology*, 1939, no. 1, pp. 112–115.

7. Barenbojm L. Anton Grigor'evich Rubinshtejn: 1867-1894 [Anton Grigorievich Rubinstein: 1867-1894]. Leningrad, Muzgiz Publ., Leningr. otd-nie, 1962. 492 p.

8. Harionovskaya M. V. Stanovlenie i razvitie rossijskoj sistemy nepreryvnogo obrazovaniya prepodavatelej-muzykantov [Formation and development of the Russian system of continuous education of teachers-musicians]. Ryazan', Izd-vo Ryazanskogo obl. in-ta razvitiya obrazovaniya, 2007. 64 p.

9. Bulgakov V. D. Razvitie horovogo obrazovaniya v Rossii vtoroj poloviny XIX – XX vekov. Avtoref. diss. doct. ped. nauk [Development of choral education in Russia in the second half of the XIX - XX centuries. Dr. pedagogical sci. diss.]. Kazan', 2002. 35 p.

10. Haochuan' Din. Genrik Venyavskij: opyt bibliograficheskogo issledovaniya [Henrik Venyavsky: the experience of bibliographic research]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*, 2017, vol. 9, no. 4-1, pp. 216–222.

11. Han' Mo. Pedagogicheskie usloviya osvoeniya kitajskimi studentami osobennostej russkoj shkoly pianizma [Russian Russian piano school's pedagogical conditions of mastering by Chinese students]. *Prepodavatel' XXI vek =Teacher XXI century*, 2017, no. 4-1, pp. 233–244.

12. Kurganskaya O. A. T. Leshetickij i A. Esipova – prodolzhateli tradicij russkoj fortepiannoj pedagogiki XIX veka [T. Leshetitsky and A. Esipova - continuators of the traditions of Russian piano pedagogy of the XIX century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova = Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2008, no. 2, pp. 212–215.

13. Galechyan L. A. Muzykal'no-pedagogicheskie principy T. O. Leshetickogo i sovremennaya praktika prepodavaniya fortepiano [Musical and pedagogical principles of T. O. Leshetitsky and contemporary practice of teaching piano]. *Pis'ma v Emissiya = Letters in Issue*, 2011, no. 1, pp. 1547.

14. Golubenskij Yu. Konservatoriya imeni Rimskogo-Korsakova (k stoletiyu so dnya osnovaniya) [Rimsky-Korsakov Conservatory (to the centenary of its foundation)]. *Neva = Neva*, 1962, no. 9, pp. 208.

15. Serebryakov P. Leningradskoj konservatorii 100 let (stat'i i dokumenty) [Leningrad Conservatory 100 years (articles and documents)]. *Sovetskaya muzyka = Soviet Music*, 1962, no. 9, pp. 88–109.

16. Leningradskaya konservatoriya v vospominaniyah (1862-1962) [Leningrad Conservatory in memoirs (1862-1962])]. Leningrad, Muzgiz Publ., Leningr. otd-nie, 1962. 415 p.

17. Muzyleva L. V. 100 let Moskovskoj konservatorii [100 years of the Moscow Conservatory]. *Sovetskie arhivy = Soviet archives*, 1966, no. 4, pp. 96–97.

18. Barenbojm L. Nikolaj Grigor'evich Rubinshtejn [Nikolay Grigoryevich Rubinstein]. Moscow, Muzyka Publ., 1982. 277 p.

19. Belza I. Gordost' russkoj muzykal'noj kul'tury. K stoletiyu Moskovskoj konservatorii [The pride of Russian musical culture. To the centenary of the Moscow Conservatory]. *Oktyabr' = October*, 1966, no. 9, pp. 195–197.

20. Iz istorii leningradskoj konservatorii. Materialy i dokumenty. 1862-1917 [From the history of the Leningrad Conservatory. Materials and documents. 1862-1917]. Leningrad, Muzgiz Publ., Leningradskoe otd-nie, 1964. 327 p.

21. Terent'eva N. A. Istoriya i teoriya muzykal'noj pedagogiki i obrazovaniya [History and theory of music pedagogy and education]. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1994. 148 p.

22. Nikolaev L. K stoletiyu Moskovskoj konservatorii (1866-1966) [To the centenary of the Moscow Conservatory (1866-1966)]. *Muzykal'naya zhizn' = Musical life*, 1966, no. 14, pp. 8–9.

23. Gorodinskij V. K vos'midesyatiletiyu Moskovskoj konservatorii [To the eightieth anniversary of the Moscow Conservatory]. *Ogonek = Ogonek*, 1946, no. 41, pp. 34–35.

24. Saratovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. L. V. Sobinova: 1912-2012 [Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov: 1912-2012]. Saratov, Izd. IP Vezmetinova, 2012. 444 p.

25. Iz istorii Saratovskoj konservatorii [From the history of the Saratov Conservatory]. Saratov, Saratov Conservatory Publ., 2004. 180 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Суетин Илья Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики и правоведения, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация, e-mail: piazzolla73@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2792-9085, ResearcherID: AAH-1589-2020

Ilya N. Suetin, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Economics and Law, Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation, e-mail: anastasiafd536@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2792-9085, ResearcherID: AAH-1589-2020

Ерёмина Анастасия Игоревна, кандидат педагогических наук, преподаватель истории и обществознания, Ульяновский авиационный колледж, г. Ульяновск, Российская Федерация, e-mail: anastasiafd536@yandex.ru

Anastasia I. Eremina, Cand. of Sci. (Pedagogical), Lecturer of History and Social Studies, Ulyanovsky Aviation College, Ulyanovsk, Russian Federation, e-mail: anastasiafd536@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-222-231

(cc) BY 4.0

Становление гостиничного дела в петровской России (1700–1725 годы)

Н. Е. Горюшкина[1] ✉, В. В. Волобуев[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность *статьи обусловлена систематизацией имеющихся сведений о становлении гостиничного дела в России в начале XVIII века. Авторами выявлен и обработан законодательный материал о «гостиницах», объяснены мероприятия Петра I по обложению налогами гостиничных учреждений.*

Целью *статьи является освещение процесса становления гостиничного дела в петровской России.*

Задачи*, вытекающие из поставленной цели, состоят в том, чтобы: осветить состояние мест для постоя в допетровский период; указать новшества в гостиничном деле, характерные для эпохи Петра I; раскрыть причины многочисленных перемен в способах организации налога с «гостиниц».*

Методология. *Статья базируется на принципах историзма, объективности и системности, которые нацелены на беспристрастную оценку событий, вынесение суждений на основе всестороннего анализа фактов, рассмотрение явлений в контексте конкретной исторической эпохи. Свое применение нашли историко-антропологический, историко-типологический и историко-сравнительный методы.*

Результаты. *В допетровский период гостиничное дело было развито слабо. Первыми формами «гостиниц» были постоялые и гостиные дворы. Стеснения в комфорте были для них естественным явлением. При Петре I в России появились гостиничные заведения западного типа – гостиные номера при почтах, трактиры. Гостиничное дело развивается качественно и количественно. Нуждаясь в средствах на ведение затяжной Северной войны, царь обложил дома, предназначенные «для постоя», налогом. Были испробованы разные системы налогообложения – государственная монополия и откупа.*

Выводы. *Петровский период занимает особое место в становлении гостиничного дела. Наряду с традиционными для России домами «для постоя» открылись гостиницы европейского типа. Острая нужда в средствах требовала их жесткой систематизации и налогообложения.*

Ключевые слова: *гостеприимство; история гостиничного дела; Петровская эпоха; постоялый двор; гостиный двор; гостиница при почтовом дворе; трактир.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е., Волобуев В. В. Становление гостиничного дела в петровской России (1700–1725 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 222–231. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-222–231.

Поступила в редакцию 03.05.2022 Принята к публикации 30.05.2022 Опубликована 28.06.2022

© Горюшкина Н. Е., Волобуев В. В., 2022

The Establishment of the Hotel Business in Peter's Russia (1704–1725)

Natalia E. Goryushkina[1] ✉, Vitalii V. Volobuev[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the article is due to the systematization of available information about the formation of the hotel business in Russia at the beginning of the XVIII century. The authors identified and processed the legislative material on "hotels", explained the measures of Peter the Great on taxation of hotel establishments.*

The purpose *of the article is to systematize information about the establishment of the hotel business in Petrovsky Russia.*

The objectives *arising from the set goal are to: to highlight the state of places for staying in the pre-Petrine period; to indicate innovations in the hotel business characteristic of the era of Peter I; to reveal the reasons for numerous changes in the ways of organizing the tax on "hotels".*

Methodology. *The article is based on the principles of historicism, objectivity and consistency, which are aimed at an impartial assessment of events, making judgments based on a comprehensive analysis of facts, considering phenomena in the context of a specific historical epoch. Historical-anthropological, historical-typological and historical-comparative methods have found their application.*

Results. *In the pre-Petrine period, the hotel business was poorly developed. The first forms of "hotels" were inns and guest houses. Cramping in comfort was a natural phenomenon for them. Under Peter I, Western–type hotel establishments appeared in Russia - living rooms at the post offices, inns. The hotel business is developing qualitatively and quantitatively. Needing funds to wage a protracted Northern War, the tsar imposed a tax on houses intended for "standing". Different taxation systems were tried – state monopoly and pay-off.*

Conclusions. *The Petrovsky period occupies a special place in the formation of the hotel business. Along with the traditional Russian houses "for standing", European-style hotels have opened. The urgent need for funds required their strict systematization and taxation.*

Keywords: *hospitality; history of hotel business; Peter the Great era; inn; gostiny dvor; hotel at the post yard; tavern.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *Research within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

For citation*:* Goryushkina N. E., Volobuyev V. V. The Establishment of the Hotel Business in Peter's Russia (1704–1725). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(3): 222–231 (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-3-222-231.

Received 03.05.2022 Accepted 30.05.2022 Published 28.06.2022

***

Введение

Гостеприимство, забота о госте – неотъемлемая черта русского народа. Гостей, так исстари именовали иногородних купцов, на Руси радушно встречали, предоставляли им место для жительства и для торговли. Письменные источники, указывающие на появление первых «гостиниц», между тем, или не сохранились, или так запутаны, что представляют для исследователей безусловную проблему. Быть может, поэто-

му в дореволюционный период о гостиничном деле историки практически не писали. Разрозненные упоминания о средствах размещения допетровского времени встречаются либо при описании городов (например, И. И. Георги) [1], либо при характеристике питейных заведений (например, И. Г. Прыжов) [2], либо в связи с развитием почтовых перевозок (например, Н. М. Карамзин) [3]. В советский период история гостиничного дела вовсе не освещалась. И только в последние годы историки проявили интерес к началам гостиничного дела. Новое прочтение имеющихся документальных материалов привело к существенному заполнению многочисленных «белых пятен». Наиболее содержательными в отношении допетровского и петровского этапа в развитии «гостиниц» представляются научные статьи Е. В. Долгих [4], В. А. Чернова [5], Н. Е. Горюшкиной [6].

Но проблема становления гостиничного дела по-прежнему остается недостаточно изученной и требует глубокого и всестороннего исследования. Данная статья имеет *цель* осветить процесс становления гостиничного дела в петровской России.

Методология

Источниками для статьи выступили указы Петра I, сохранившиеся в IV–VII томах Полного собрания законов Российской империи (именно они хронологически охватывают 1700–1725 гг.). Для характеристики гостиничного дела к исследованию были привлечены записки, мемуары, путевые заметки иностранцев, побывавших в России, а также замечания современников Петра I. Помимо того, при подготовке публикации авторы не обошли вниманием публицистические и литературные произведения, касающиеся европеизации страны.

Статья основана на принципах историзма, объективности и системности, которые предусматривают беспристрастный подход к анализу изучаемой темы, критическое отношение к источникам, формулировку выводов на основе анализа всей совокупности имеющихся фактов, рассмотрение процесса становления гостиничного дела в развитии и в контексте Петровской эпохи. В работе нашли свое применение историко-антропологический, историко-типологический, историко-сравнительный методы, комплексное использование которых позволило определить глубину перемен в гостиничном деле в эпоху Петра I.

Результаты и их обсуждение

Первыми формами организации ночлега на Руси были, по-видимому, постоялые (стоялые) дворы, корчмы, заезжие дома, ямы. По словам английского дипломата Д. Горсея, приказом Ивана Грозного на российских дорогах было построено до 300 ямов. Однако учитывая огромные российские пространства, численность ямов нельзя признать достаточной. Так, на дороге в 500 верст от Москвы до Вологды располагалось только 14 ямов [7, с. 173, 201]. Ямской двор представлял собой «хоромы, две избы трех сажень меж углов, да два сенника на подклетях меж углов по полутье сажени, а промеж сенников конюшня в четыре сажени» [8, с. 282].

Постоялые дворы предназначались для предоставления дешевого приюта и «харча» простолюдинам. Стеснения в комфорте на постоялых дворах были естественным явлением. Главное требование, которое к ним предъявлялось, дать гостю кров и стол.

В крупных торговых центрах – Москве, Нижнем Новгороде, Архангельске, Астрахани – действовали дворы для приезжих купцов – гостиные дворы [9, с. 28]. Особенностью гостиных дворов допетровского времени, как указывают исследователи, являлось устройство их по «национальному признаку». К примеру, в Великом Новгороде действовали «аглицкий», греческий, саксонский, персидский гостиные дворы [7, с. 173].

Гостиный двор представлял собой комплекс торговых, складских и жилых помещений, «убор» его был весьма прост и безыскусен. Саксонский ученый А. Олеарий, посетивший Москву в 1630-е гг., оставил описание дома, где ему пришлось остановиться: «В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной палатке посредине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита и нижняя часть стен над лавками <…> В одной из внутренних комнат стены были обиты златотканными обоями, на которых изображалась история Сампсона» [7, с. 37–38].

В Европе тем временем гостиничное дело было сформированной отраслью хозяйства. Гостиниц было много, они были чистыми, с хорошим обслуживанием, учитывающим основные потребности постояльцев. Побывавший с «великим посольством» в западных государствах Петр I имел возможность познакомиться с услугами гостиниц Европы. Он не мог не оценить богатое убранство европейских гостиниц, номера которых обиты «атласом цветным изрядным», убраны «уборами дивными <…> с постелями и одеялами атласными», «с изрядными картинами» [10, с. 264].

Вернувшись в Москву, Петр I был полон решимости обновить страну «по западному образцу», и «общество, <…> скинув с себя татарские ферязи и кафтаны, сначала ополячивается (шляхетство), потом французится» [2, с. 245].

6 марта 1704 г. царь издал указ «О переписи постоялых и наемных дворов и о сборе с них ежегодной подати». Он требовал произвести перепись мест «для постоя» и обязал их владельцев платить «гостиную» пошлину. Ничего удивительного в «пооброчивании» постоялых и наемных дворов не было. Налогом облагался каждый шаг подданных: с проезжих взимались мостовые, с торговых – «мыть», за найм лавки для товара – «полавочное», за аренду склада – «свальное» и т. д. Пошлина бралась за право ношения бороды, за дубовые колоды, которые шли на поделку гробов. Расширилось обязательное употребление гербовой бумаги с обложением ее пошлиной. Вместе с переписью и налогообложением петровский указ предлагал обновить гостиные дворы, если «те дворы строением обветшали, и за тем на тех дворах ныне приезжие люди не ставятся, а ставятся и товары кладут у градских жителей и у иноземцов на дворах» [11]. Петр I обещал даже государственную поддержку строителям «гостиниц», если они укажут, «сколько на то строение надобно будет каких припасов». В указе от 6 марта 1704 г., надо отметить, перечислялись виды «гостиниц» начала XVIII в., а именно: гостиные дворы, постоялые дворы, «избы и подклеты для постоя», «в избах углы», «хоромные строения» [11].

Несколькими днями спустя, 1 апреля 1704 г., Петр I указал постоялые дворы «отписать на великого государя», «с уплатою за оные хозяевам денег по справедливой оценке и об отдаче тех дворов на откуп». Чтобы уменьшить недовольство владельцев «гостиниц», царь распорядился, чтобы «ценовщики [оценщики. – *В. В.*] были людьми добрыми и знающими, в ценах на гостиные дворы и хоромные строения разбирались» [12].

Откупная система обещала казне «быстрые» деньги, но «народное бедство» было огромным – откупленными оказались не все места, предназначенные «для приезду всяких людей». Казенный доход оказался ниже ожидаемого [2, с. 246]. Петр I, недолго думая, поменял решение: «постоялым дворам быть по-прежнему за хозяевами и брать с них четвертую часть дохода». Новое постановление было изложено в указе от 15 января 1705 г. [13]

Деньги с постоялых мест, направляемые в казну, были небольшими, но в тогдашней нужде и мелочью не брезговали. «Мне кажется, – замечал английский дипломат Ч. Уитворт, – в настоящее время, когда царю необходимы деньги для вой-

ска, царские министры готовы предпочесть действительным и постоянным выгодам страны какой угодно ничтожный, но только наличный доход» [14, с. 277]. На владельцах «гостиниц», напротив, налог в четверть дохода лежал непосильным грузом. Они были вынуждены отказываться от самого необходимого, чтобы оплатить расходы текущего дня, о завтрашнем дне предпочитая думать завтра.

Происходившее, по выражению экономиста И. Т. Посошкова, ввергло предпринимателей в «турбацию великую» [15, с. 229]. Они били челом о сокращении пошлины, поскольку «наемщики по записям урочные сроки отжили, и с дворов сошли, и ныне у них наемщиков прежних и вновь в житье никого нет». Петр I, следует признать, на просьбу отреагировал. 7 июня 1707 г. был издан указ об освидетельствовании и переписи дворов, дворовых мест, лавок и всяких ремесленных заведений с тем, чтобы показать, какие доходы владельцы от них получают и какие подати, оброки или повинности уплачивают. До завершения проверки Петр I велел денег с «гостиниц» не брать. Перепись шла медленно, в казну, между тем, «ниоткуда присылки не было, кроме что из немногих мест прислано, да и то с многими неисправностями» [16].

После 1709 г. на театре военных действий наступило временное затишье. В 1712 г. царский двор перебрался в Санкт-Петербург. Строительство новой столицы требовало решения проблемы проживания и питания тысяч российских и иностранных строителей. Большинство переселенцев не имело пристанища, укрываясь в шалашах и землянках среди болот, на сыром и зловонном воздухе. Первый постоялый двор для иноземных мастеров был выстроен князем А. Д. Меншиковым. Его называли посольским или «гербером» (от нем. «die Herberge» – постоялый двор). Однако большая часть иностранцев селились во вновь отстраиваемых слободах: английской, греческой, немецкой, французской и др.

Рост распорядительной документации требовал устройства почтовых трактов. 22 июня 1714 г. был издан указ Петра I о том, чтобы «из Санкт-Петербурга до Москвы, из Москвы до Санкт-Петербурга учинить обыкновенную почту в неделю два дня, а именно в понедельник и в пятницу для того, что без установленной почты нужнейшие государевы указы и письма посылкой медлятся» [17].

Огромные российские расстояния требовали, чтобы почтовые дворы были объединены с постоялыми дворами, поскольку почтальонам был нужен и ночлег, и стол. В 1714 г. в столице на месте большого питейного дома Д. Трезини начал постройку почтового двора. «Почт-гаус» представлял собой квадратное в плане строение с внутренним двором. Здание было поставлено торцом к Неве, а главным фасадом – к Троицкой площади. Во внутренней планировке Трезини применил принцип анфилады комнат. Оформление «почт-гауса» продолжалось до 1716 г. В почтовом дворе (рис.) располагались и почта, и гостиница, и трактир, и зал для ассамблей. Здесь продавалось вино, пиво, табак, сам царь любил зайти в «почт-гаус», чтобы выпить чарку водки [18, с. 118].

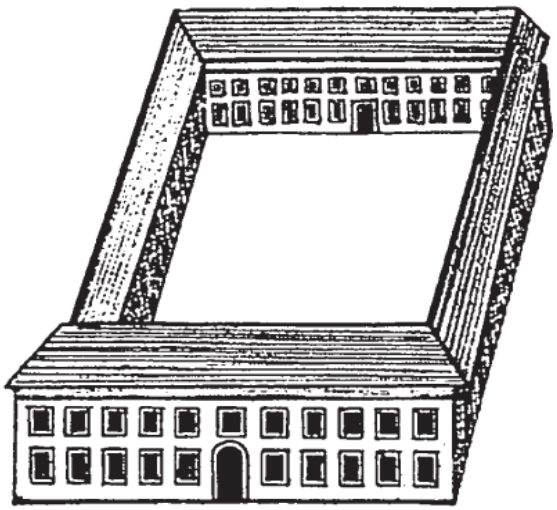

Рис. Почтовый двор. Рисунок И. Кирсанова. Середина XVIII в.

Fig. Postal yard. Drawing by I. Kirsanov. The middle of the XVIII century

Для организации почтовой службы в Санкт-Петербург был приглашен Г. Крауз. Скоро он был уличен в получении взяток и уволен. Новым почт-директором и по совместительству администратором гостиницы в столице стал Ф. Аш [19, с. 25, 27].

Учреждение почтового двора с гостиницей в Санкт-Петербурге некоторыми исследователями называется как время официального начала гостиничного дела в России [20, с. 26].

Почтовый двор с гостиницей в Санкт-Петербурге стал образцом для строительства подобного рода учреждений по всей стране. 31 января 1719 г. в указе воеводам Петр I потребовал, чтобы в каждом городе при почтовых станциях были устроены «надлежащие» комнаты для постоя, в которых проезжим был бы предложен ночлег, «съестной харч и конские кормы» [21]. В 1723 г. Ямской приказ был переименован в Ямскую канцелярию. Протяженность почтовых путей к концу правления Петра I составила 10677 вёрст. К концу XVIII в. в России насчитывалось более 3 тыс. почтовых станций с гостиницами. Новые «гостиницы» были рассчитаны на непривередливого путешественника. Большая их часть устраивалась на дорогах от Санкт-Петербурга до Москвы, от Москвы до Новгорода и Пскова, от Санкт-Петербурга до Ревеля и Нарвы, а также по крупным трактам.

О важности качественного устройства мест «для постоя» было указано в Высочайшей резолюции от 13 ноября 1724 г. на докладные пункты Камер-Коллегии «О содержании дорог». «По большим проезжим дорогам, – гласила резолюция, – для проезжих людей сделать подлежит из казны домы, которые содержат для трактиров всегда в чистоте против Шведского обыкновения, двор большой с сараями для лошадей и в сенях кухню, и одна светлица большая, и при ней 2 каморы малыя, а расстояние между домами по 10 и по 20 верст, где удобнее места к стоянию, и те домы отдавать из оброков Гесть-Гевариям, которые откупя, будут с стояльцов брать постоялые деньги, и тем откупщикам во оных домах содержать всякой харч и фураж продажной, да при тех же постоялых дворах содержать и кабаки» [22].

В петровское время в России появились и другие предприятия гостеприимства европейского типа. Указом от 6 февраля 1719 г. «иноземцу Петру Милле» было разрешено открыть на Васильевском острове трактир, в котором «иностранные купеческие и здешние всяких чинов люди трактировать могли за свои деньги» [23].

К концу правления Петра I в столице действовал уже не один трактир. Трактир представлял собой заведение для продажи напитков и кушаний, а также сдачи помещений внаем. Трактирами стали называть и подворья, и меблированные комнаты, и рестораци, отдаваемые для ночлега «со столом». Трактиры располагались на центральных улицах обеих столиц, губернских городов, в местах постоянного сосредоточения народа – у городских базаров, парков, переправ, мостов.

Выводы

В допетровский период гостиничное дело в России было развито слабо. Первыми формами «гостиниц» были постоялые и гостиные дворы, ямы. Стеснения в комфорте были для путешествовавших лиц естественным явлением. При Петре I появились гостиничные заведения западного типа – гостиные номера при почтах, трактиры. Гостиничное дело развивалось в начале XVIII в. качественно и количественно. Вместе с тем, нуждаясь в средствах на ведение затяжной Северной войны, дома, предназначенные «для постоя», были обложены налогом. Петр I испробовал разные системы налогообложения – и государственная монополия, и откупа.

Петровский период занимает особое место в становлении гостиничного дела. Наряду с традиционными для России домами «для постоя» открылись гостиницы европейского типа. Острая нужда в средствах требовала их жесткой систематизации и налогообложения.

Список литературы

1. Георги И. И. Описание российско-императорскаго столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб.: При Императорском Шляхетском сухопутном кадетском корпусе, 1794. 576 с.

2. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. 320 с.

3. Карамзин Н. М. История государства российского: в 12 т. СПб.: Иждивением книгопродавца Смирдина, 1834. Т. VI. 364, 81 с.

4. Долгих Е. В. История общественного питания в России по законодательным источникам (1626–1861 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 5. С. 605–619.

5. Чернов В. А. Петровские реформы гостиничной отрасли // Состояние и проблемы кадрового обеспечения сферы культуры и искусства Дальнего Востока России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Хабаровский гос. ин-т искусств и культуры, 2010. С. 288–293.

6. Горюшкина Н. Е. История гостиничного дела: трактирные заведения в России в XVIII–XIX веках // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы: сборник научных статей 19-й Международной научно-практической конференции. Курск: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, 2020. С. 137–140.

7. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей МГПИ им. В. И. Ленина, 1991. 334 с.

8. Канивец С. Русская государственная почта (Опыт исторического очерка) // Вестник Европы. 1869. Кн. 11. С. 278–305.

9. Фабрициус А. К. Почта и народное хозяйство в России в XVII столетии. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1864. 98 с.

10. Толстой П. А. Путешествие стольника Петра Андреевича Толстаго. 1697–1699. М.: Университетская тип., 1888. С. 161–400.

11. О переписи постоялых и наемных дворов и о сборе с них ежегодной подати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV, №1973.

12. О взятии всех постоялых дворов в казну, с уплатою за оные хозяевам денег по справедливой оценке и об отдаче тех дворов на откуп // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV, № 1977.

13. О сборе с содержателей постоялых дворов четвертой доли их дохода // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV, №2013.

14. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Изд. книжного магазина П. В. Луковкина, 1914. 648 с.

15. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. СПб.: Наука, 2004. 406 с.

16. Об осмотре и переписи дворов, дворовых мест, лавок и всяких ремесленных заведений, с показанием, какие доходы владельцы от них получают, и какие подати, оброки

или повинности уплачивают // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. IV, № 2150.

17. Об учреждении почты от Санкт-Петербурга до Москвы и о назначении в неделе двух почтовых дней // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. V, № 2830.

18. Русская архитектура половины XVIII века / под ред. И. Э. Грабаря. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. 416 с.

19. Левинский В. Д. Указатель материалов по истории почт в России. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1881. 53 с.

20. Астахова Ю. Г., Большунова Т. В. Гостиничное дело. Липецк: Липецкий гос. техн. ун-т, 2022. 65 с.

21. Инструкция или наказ Воеводам // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. V, № 3294.

22. О содержании дорог // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII, № 4591.

23. О позволении иноземцу Петру Милле завести на Васильевском острову трактира // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. V, № 3299.

References

1. Georgi I. I. Opisanie rossiisko-imperatorskago stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostei v okrestnostyakh onago [Description of the Russian-Imperial capital city of St. Petersburg and the memorabilia in the vicinity of it]. St. Petersburg, Pri Imperatorskom Shlyakhetskom sukhoputnom kadetskom korpuse, 1794. 576 p.

2. Prygov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo Naroda [The history of kabakov in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg, Moscow, M. O. Wolf Publ., 1868. 320 p.

3. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva rossiiskogo [The History of the Russian state]. St. Petersburg, Izhdiveniem knigoprodavtsa Smirdina, 1834, vol. 6. 364. 81 p.

4. Dolgikh E. V. Istoriya obshchestvennogo pitaniya v Rossii po zakonodatel'nym istochnikam (1626–1861 gg.) [The history of public catering in Russia according to legislative sources (1626–1861)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya = Historical journal: scientific research*, 2015, no. 5, pp. 605–619.

5. Chernov V. A. [Petrovsky reforms of the hotel industry]. *Sostoyanie i problemy kadrovogo obespecheniya sfery kul'tury i iskusstva Dal'nego Vostoka Rossii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The state and problems of staffing in the sphere of culture and art of the Russian Far East. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Khabarovsk, Khabarovskii gos. in-t iskusstv i kul'tury Publ., 2010, pp. 288–293. (In Russ.)

6. Goryushkina N. E. [The history of hotel business: tavern establishments in Russia in the XVIII–XIX centuries]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy, tendentsii, perspektivy. Sbornik nauchnykh statei 19-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects. Collection of scientific articles of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Financial Univ. under the Government of the Russian Federation, Kursk Branch Publ., 2020, pp. 137–140. (In Russ.)

7. Klyuchevsky V. O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve [Tales of foreigners about the Moscow State]. Moscow, Prometei MGPI im. V. I. Lenina, 1991. 334 p.

8. Kanivets S. Russkaya gosudarstvennaya pochta (Opyt istoricheskogo ocherka) [Russian State Post (Experience of historical essay)]. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, 1869, vol. 11, pp. 278–305.

9. Fabricius A. K. Pochta i narodnoe khozyaistvo v Rossii v XVII stoletii [Mail and national economy in Russia in the XVII century]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk, 1864. 98 p.

10. Tolstoy P. A. Puteshestvie stol'nika Petra Andreevicha Tolstago. 1697–1699 [The Journey of stolnik Pyotr Andreevich Tolstago. 1697–1699]. Moscow, Universitetskaya tip., 1888, pp. 161–400.

11. O perepisi postoyalykh i naemnykh dvorov i o sbore s nikh ezhegodnoi podati [On the census of inns and hired yards and on the collection of annual taxes from them]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 4, art. 1973.

12. O vzyatii vsekh postoyalykh dvorov v kaznu, s uplatoyu za onye khozyaevam deneg po spravedlivoi otsenke i ob otdache tekh dvorov na otkup [On the taking of all inns to the treasury, with payment for them to the owners of money according to a fair assessment and on the return of those yards to the mercy]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 4, art. 1977.

13. O sbore s soderzhatelei postoyalykh dvorov chetvertoi doli ikh dokhoda [On collecting the fourth share of their income from innkeepers]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, coll. 1, vol. 4, art. 2013.

14. Knyazkov S. A. Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni [Essays from the history of Peter the Great and his time]. St. Petersburg, Izd. knizhnogo magazina P. V. Lukovkina, 1914. 648 p.

15. Pososhkov I. T. Kniga o skudnosti i bogatstve [A book about poverty and wealth]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 406 p.

16. Ob osmotre i perepisi dvorov, dvorovykh mest, lavok i vsyakikh remeslennykh zavedenii, s pokazaniem, kakie dokhody vladel'tsy ot nikh poluchayut, i kakie podati, obroki ili povinnosti uplachivayut [On the inspection and census of courtyards, courtyards, shops and all kinds of handicraft establishments, with an indication of what income the owners receive from them, and what taxes, dues or duties they pay]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 4, art. 2150.

17. Ob uchrezhdenii pochty ot Sankt-Peterburga do Moskvy i o naznachenii v nedele dvukh pochtovykh dnei [On the establishment of a post office from St. Petersburg to Moscow and on the appointment of two postal days in a week]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. I, vol. 5, art. 2830.

18. Russkaya arkhitektura poloviny XVIII veka [Russian architecture of the half of the XVIII century]; ed. by I. E. Grabar. Moscow, Gos. izd-vo lit. po stroitel'stvu i arkhitekture, 1954. 416 p.

19. Levinsky V. D. Ukazatel' materialov po istorii pocht v Rossii [Index of materials on the history of post offices in Russia]. Moscow, Tip. Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1881. 53 p.

20. Astakhova Yu. G., Bolshunova T. V. Gostinichnoe delo [Hotel business]. Lipetsk, Lipetsk St. Techn. Univ. Publ., 2022. 65 p.

21. Instruktsiya ili nakaz Voevodam [Instructions or instructions to the Voivodes]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 5, art. 3294.

22. O soderzhanii dorog [On the maintenance of roads]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1. vol. 7, art. 4591.

23. O pozvolenii inozemtsu Petru Mille zavesti na Vasil'evskom ostrovu traktira [On allowing the foreigner Peter Milla to start a tavern on Vasilievsky Island]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The Complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 5, art. 3299.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Волобуев Виталий Валерьевич, преподаватель кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Vitalii V. Volobuev, Lecturer of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk,
Russian Federation,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А. Л. Иванов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность. ...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел. (4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**